

**И.Р. ПЕРЕВЫШИНА
Л.Е. ОСТАПОВА**

**СЛОВОТВОРЧЕСТВО
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ
ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-НОБЕЛИАТА
ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК**

**И.Р. Перевышина
Л.Е. Остапова**

**СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ
ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-НОБЕЛИАТА ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК**

Монография

**Белгород
2012**

УДК 811.112.2'37:82.0
ББК 81.2Нем-211+83.3(4Авс)-117
П 27

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е.В. Сидоров*,
кандидат филологических наук, доцент *И.В. Борисовская*

Перевышина И.Р.

П 27

Словотворчество в художественной картине писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек : моногр. / И.Р. Перевышина, Л.Е. Остапова. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-9571-0527-5

Монография представляет собой комплексный анализ сложных окказиональных субстантивов для выявления их характерных особенностей, обусловленных системой индивидуально-авторских представлений писательницы Э. Елинек. В книге рассмотрены структурно-морфологические, семантические особенности окказионального композитообразования на основе методики когнитивного моделирования, описан концепт Frau (женщина), репрезентируемый сложными окказиональными субстантивами, окказиональные сложные субстантивы охарактеризованы с позиций гендерного подхода.

УДК 811 112 2'37 82 0
ББК 81 2Нем-211+83 3(4Авс)-117

ISBN 978-5-9571-0527-5

© Перевышина И.Р., Остапова Л.Е., 2012
© ИПК НИУ «БелГУ», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1. Основные проблемы и дискуссии в современной теории неологии	7
1.1. Проблема определения термина «окказионализм»	7
1.2. Проблема соотношения понятий «окказионализм» и «неологизм»	13
1.3. Проблема соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово»	18
1.4. Признаки окказиональной лексики	20
1.4.1. Абсолютные признаки окказиональных словообразовательных конструкций	22
1.4.2. Относительные признаки окказиональных словообразовательных конструкций	31
2. Немецкое композитообразование как словообразовательный ресурс словотворчества	35
2.1. Сущность и особенности немецкого словосложения	35
2.2. Проблема классификации немецких сложных существительных	41
3. Словотворчество сквозь призму художественной картины мира автора	46
3.1. Художественная картина мира в соотношении понятий «картина мира» – «языковая картина мира» – «художественная картина мира»	46
3.2. Понятие художественного концепта	53
Глава II. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ КОМПОЗИТООБРАЗОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Э.ЕЛИНЕК	58
1. Сложные окказиональные субстантивы и художественная картина постмодернизма Э. Елинек	58
2. Словообразовательная, структурно-морфологическая характеристика окказиональных композитов	68
3. Классификация окказиональных композитов в зависимости от типа семантико-синтаксической связи между НС	75
4. Парадигма когнитивно-дискурсивного-подхода к анализу сложных окказиональных субстантивов	76
4.1. Роль контекста для интерпретации сложных окказиональных существительных	84

4 1 1	Окказиональные композиты, интерпретация которых возможна изолированно от контекста или с минимальной опорой на контекст	88
4 1 2	Контекстуально-зависимые окказиональные композиты		92
4 1 2 1	<i>Окказиональные композиты характеризующиеся кумулятивным типом смыслового содержания</i>		92
4 1 2 2	<i>Окказиональные композиты созданные по малопродуктивным словообразовательным моделям</i>		95
4 1 2 3	<i>Окказиональные композиты образованные на основе метафоризации</i>		99
4 1 2 4	<i>Окказиональные композиты созданные в результате ремотивации</i>		107
4 1 2 5	<i>Окказиональные композиты созданные по аналогии</i>		111
4 1 3	Окказиональные композиты, требующие обращения к вертикальному/экстралингвистическому контексту		114
4 1 3 1	<i>Окказиональные композиты содержащие англицизмы в качестве компонентов</i>		114
4 1 3 2	<i>Окказиональные композиты содержащие прецедентные феномены в качестве компонентов</i>		116
5.	Художественный концепт FRAU , репрезентируемый окказиональными композитами		122
5 1	Гендерная проблематика в произведениях Э Елинек		123
5 2	Окказиональные композиты в номинативном поле художественного концепта FRAU, его структура		126
5 2 1	Концептуальный аспект «ЖЕНСКИЙ ПОЛ»		129
5 2 2	Концептуальный аспект «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»		132
5 2 3	Концептуальный аспект «СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ»		135
5 3	Общенациональное и индивидуально-авторское в художественном концепте FRAU		138
	Библиография		141
	Список источников примеров		159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стимулом для написания этой книги послужило изучение творчества крупнейшей писательницы XX в. Э. Елинек во время участия в литературоведческом проекте «Модель Бохум» в Рурском университете (г. Бохум, Германия).

Творчество этой писательницы отличается нетривиальностью и даже скандальностью, представляя собой исключительное явление в литературе XX в. Творчество Э. Елинек изучалось, в основном, в литературоведческом плане (аспекты, связанные с особенностями литературных произведений автора, идиостиль, литературный метод). Лингвистические проблемы при изучении творчества Э. Елинек, в том числе и особенности индивидуально-авторских слов, в исследованиях рассматривались фрагментарно.

Эльфрида Елинек – лауреат многих премий в области литературы. В 2004г. Э. Елинек присуждена Нобелевская премия «За ... музыкальную симфонию голосов, звучащую в ее романах и пьесах, в которых она разоблачает абсурдные клише нашего общества и их поработощающую власть».

Творчество Э. Елинек уникально и неповторимо. Прибегая к литературному эксперименту в борьбе с тривиальностью и посредственностью, она обращается к различным средствам реализации языковой игры, которая заставляет обнаружить в привычных словах и выражениях тайные, скрытые смыслы. Важным средством в этом литературном стремлении разрушить социальные стереотипы является авторское словотворчество. Действительно, язык в умелых руках писательницы перестает быть просто языком, а становится тем материалом, из которого она способна высекать искры, создавать необычные языковые узоры. Нацеливая читателя на языковую игру, писательница не стремится поразить его эпатажностью формы, напротив, языковая игра Елинек заставляет проникнуть в безмерную глубину содержания, предъявляя к читателю массу языковых и интеллектуальных требований. В своих произведениях она сталкивает реальное и фантастическое, возвышенное с обыденным, простое и сложное. Наиболее отчетливо эксперимент в творчестве автора обнаруживает себя в деконструкции – важней-

шем постмодернистском методе, предполагающем деиерархизацию всех сфер культуры, разрушение традиционных представлений о целостности, стройности, законченности эстетических систем, отказ от табу. Экспериментаторство Э. Елинек не следует считать эстетической самоцелью, это, скорее, идейно-нравственный поиск автора, критика уродливых проявлений современного социума. Все творчество романистки пронизано неприятием к стандартизации, усредненности, подражательности, маловыразительности, которыми привык руководствоваться обычный человек в своих поступках.

На обложке книги изображена «Дама с зонтиком, повернувшаяся налево» – картина Моне. Затененное зонтиком лицо женщины написано туманно, в самых общих чертах. Моне стремился в первую очередь передать впечатления от этой дамы, а не написать ее точный портрет. Окказионализмы-субстантивы Э. Елинек производят неизгладимое впечатление, вызывают определенный коммуникативный эффект своей экспрессивностью и необычностью. В одной работе сложно изучить все многообразие форм и оттенков в словотворчестве писательницы. Мы надеемся, что для читателя будут интересны окказиональные композитообразования как словотворчество Э. Елинек, представляющие несколько тематических групп художественной картины мира автора, в которых окказиональные субстантивы выступают в роли экспресsem, актуализирующих коннотативные, индивидуально-смысловые оттенки исходных понятий. Такими тематическими группами являются, например: **ориентация на обладание, общество как бесконечный процесс производства-потребления; тема влияния источников СМИ на жизнь общества; овеществление, опредмечивание чувств, связанных с внутренним миром и духовной деятельностью человека; гендерная тематика; тема природы и т.д.** Многокомпонентность сложных окказиональных номинаций позволяет воплощать писательнице самые разнообразные и неординарные решения в изображении описываемой реальности, выражать индивидуальные представления, связанные со спецификой художественного мышления писательницы.

И.Р. Перевышина

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ НЕОЛОГИИ

1.1. Проблема определения термина «окказионализм»

На сегодняшний день вопросам окказиональности в лингвистической литературе уделяется достаточно много внимания. Как справедливо отмечает Д.Б. Масленников: «развитие исследований в данной области позволяет уже говорить о категории окказиональности, объединяющей все виды проявления окказиональности в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, семантике» [Масленников 2000:26]. Согласно определению автора, «окказиональность – это такая речевая реализация возможностей языковой системы, которая противоречит традициям и нормам употребления лексических единиц, речевое проявление того, что могло бы быть реальным фактом языка, но не нашло в нем отражения» [там же, 26].

О.Г. Ревзина рассматривает процесс создания окказиональных слов «как великий акт свободы – высвобождение человека из под власти языка», по мнению исследователя «власть языка задает ценностную шкалу по отношению к языку: стационарное слово, освященное традицией, многократно испытанное в опыте, служит гарантом адекватного, "правильного" понимания. Но, как всякая власть, и власть языка имеет свои уязвимые точки, места ускользания. Таковыми и становятся моменты непосредственной речевой деятельности, когда в условиях коммуникативного прессинга спонтанно мыслящий человек становится на секунду как будто отлучен от привычных языковых механизмов, тем самым вырывается из власти языка – и создается новое слово» [Ревзина 2001:305].

Таким образом, помимо слов канонических, общеупотребительных в речь могут также проникать и индивидуальные средства, присущие только данному отрезку речи.

В настоящее время существует обширный корпус работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов, в которых затрагиваются проблемы индивидуальных образований, но необходимо отметить, что окказионализм – отнюдь не единственный термин, употребляемый по отношению к исследуемым явлениям.

Так, в русском языке применительно к номинациям, относящимся к словотворчеству автора, используют такие термины, как: «индивидуальные слова»; «авторские» или «индивидуально-авторские неологизмы»; «стилистические» или «индивидуально-стилистические неологизмы»; «неологизмы контекста»; «одноразовые неологизмы»; «литературные неологизмы»; «неологизмы поэта» или «поэтические неологизмы», «индивидуально-поэтические новообразования», «индивидуальные новшества», «речевые инновации», «индивидуальные словообразования».

Помимо данных терминологических номинаций в русской лингвистической литературе можно встретить и такие, которые сами носят индивидуальный характер употребления и, функционируя лишь в рамках определенного исследования, связаны с именем конкретного автора: «слова-беззаконцы» (Е.А. Земская), «слова-метеоры» (М.Д. Степанова), «слова-самоделки» (Н.И. Фельдман), «слова-экспромты» (К.И. Чуковский).

Проблема терминологических разногласий характерна и для германской филологии, в своих исследованиях, посвященных вопросам окказиональности, немецкие лингвисты также оперируют различными терминами: «Okkasionalismus» (окказионализм), «Augenblicksbildung» (сиюминутное образование), «Gelegenheitsbildung» (случайное образование), «nichtusuelle Bildung» (неузуальное образование), «ad-hoc-Bildung» (образование по случаю), «individuelle Neubildung» (индивидуальное новообразование), «Einmalbildung» (одноразовое образование), «einmalige Neuwörter» (одноразовые новые слова).

Такое разнообразие и неоднородность терминологии применительно к новым, несловарным образованиям подчеркивается во многих исследова-

ниях, посвященных проблемам современной неологии [Акубе́кова 2004; Антюфеева 2004; Вашунин 1990; Масленников 2000; Санникова 2005; Сокальская 2007].

Однако согласно наблюдениям И.С. Сокальской, исследовавшей в целях разрешения данной терминологической неясности 100 публикаций по проблематике лексических новшеств периода с 70гг. и до настоящего времени, наиболее употребительным в рамках современной лингвистической литературы является все же термин «окказионализм» или «окказиональное слово» [Сокальская 2007:18]. Поэтому в нашем исследовании в качестве рабочего мы будем использовать именно данный термин в силу его универсальности и общеупотребительности.

Необходимо также отметить, что кроме терминологических разногласий много дискуссионных моментов содержится и в вопросе определения исследуемого явления. Приведем некоторые дефиниции термина окказионализм в русской лингвистической литературе:

По определению Г.О. Винокура, «окказионализмы – это речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла» [Винокур 1959:351]. Схожее определение содержится в работе Я.П. Полухиной, относящей к окказиональной лексике «слово или значение слова, появившееся в речи говорящего или пишущего в определенной речевой ситуации, созданное для данного случая, не рассчитанное на распространение и закрепление в общем употреблении» [Полухина 2002:36].

Однако существование возможности проникновения подобной речевой единицы в лексический состав языка подчеркивается Ю.Н. Антюфеевой, в связи с чем автор определяет окказионализм как «вновь образованное слово, созданное в речи индивида по существующим словообразовательным моделям (как продуктивным, так и непродуктивным) или заимствованное из другого языка или подъязыка, обладающее абсолютной новизной формы,

одноразовостью, но двойственное по природе (в силу реально существующей возможности проникновения окказионализма в язык ввиду востребованности обществом), зависимое от контекста и привлекающее внимание необычностью и экспрессивностью выражения мыслей [Антюфеева 2004 38] Необычность и новизна окказионального слова подчеркивается и М А Бакиной, определяющей окказиональные образования как «неизвестные общелитературному языку слова и фразеологические единицы, которые носителями языка воспринимаются в качестве новых» [Бакина 1977 90]

Некоторые исследователи важным моментом при определении окказионализма считают несоответствие данного речевого образования словообразовательным нормам языка, так, например, Эр Ханпира называет окказионализмами индивидуально образованные слова, «созданные по малопродуктивной или непродуктивной модели или типу, неизвестному языку, как с целью обычного сообщения, так и с художественной целью» [Ханпира 1966 156]

Ряд исследователей окказиональным считают «всякое создаваемое, а не воспроизводимое слово» [Улуханов 1977 44] Например, Н М Шанский, отказывая окказионализмам в статусе слова, определяет последние как словные морфемосочетания, существующие в качестве определенных нормативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие, тем самым, основным свойством любой единицы языкового стандарта – воспроизводимостью» [Шанский 1968 310]

Различные определения окказионализма приводятся также в зарубежных источниках и лингвистической литературе по германской филологии На зарубежном Интернет-ресурсе «Wikipedia» предлагается следующее определение термина *Als Okkasionalismus wird in der Linguistik ein Wort bezeichnet, das nur einmal oder sehr selten verwendet wird Okkasionalismen werden gebildet, um in einer aktuellen Benennungssituation eine lexikalische Lücke zu schließen* (Под окказионализмом в лингвистике понимается слово, упот-

ребленное один раз либо очень редко употребляемое Окказионализмы создаются для того, чтобы восполнить лексические лакуны в актуальной речевой ситуации) [[http:// www de wikipedia org /wiki /Okkasionalismus](http://www.de.wikipedia.org/wiki/Okkasionalismus)]

В Фляйшер, И Барц определяют окказионализмы как «textgebundene Wortbildungskonstruktionen, die zu den Lexemen nicht gezahlt werden» (обусловленные текстом, не узувальные словообразовательные конструкции) [W Fleischer, I Barz 1995 28]

Согласно определению Т Шиппан, к окказионализмам относятся «die einmaligen Neubildungen, die in einem Text sprachokonomische oder verschiedene stilistische Funktionen ausuben (одноразовые новообразования, которые используются в тексте в целях экономии языковых средств или выполняют различные стилистические функции) [Schirpan 1992 24]

Одноразовость и соотнесенность окказионального слова к конкретной коммуникативной ситуации отмечается и в определении, которое предлагает А Кристофиду «Unter Okkasionalismen verstehen wir jene Bildungen, die in einem bestimmten kontextuellen Zusammenhang ad hoc geprägt werden und nicht sprachublich sind, d h von der Sprachgemeinschaft noch nicht akzeptiert» (Под окказионализмами мы понимаем такие образования, которые создаются в определенном контекстуальном единстве специально для данного случая и являются не употребительными в языке, то есть пока еще не принятыми языковым обществом) [Cristofidou 1994 16]

Невостребованность, необщепотребительность окказионального образования в силу его ненормативности, необычности, экспрессивности подчеркивается Р Г Гатаулиным, определяющим окказионализмы как «polymorphemische Einheiten, die nicht zum festen Inventar der Sprache gehoren und die sich durch den kreativen, nichtnormativen, textgebundenen und expressiven Charakter auszeichnen» (полиморфемные единицы, которые не принадлежат к основному инвентарю языка и характеризуются креативным, ненормативным, контекстуальным и экспрессивным характером [Гатаулин 1997 95]

Н А Богатырева и Н А Ноздрин, используя по отношению к окказиональным образованиям термин *Einmalbildungen* (одноразовые образования), обращают прежде всего внимание на их индивидуальный характер и определяют последние как «Bildungen, die in der Regel von Dichtern, Schriftstellern und angesehenen Politiken stamen, aber selten oder gar nicht Chance haben in den allgemeinen Usus hinüberzuwechseln, weil sie zum Einen sehr bildkraftig und oft sogar metaphorisch umgedeutet sind und zum Zweiten individuell zugeschnitten sind, in dem sie die Sicht und die Gefühlswelt des Autors erschließen (образования, которые, как правило, создаются поэтами, художниками и политиками и в редких случаях имеют шансы или практически таковых не имеют закрепиться в общепринятом узусе, т к во-первых, они очень образны и часто метафорически переосмыслены, а во-вторых, созданы как образования, носящие индивидуальный характер, отражающие мировидение и эмоциональный настрой автора [Богатырева, Ноздрин 2005 123]

Рассмотрение многочисленных точек зрения, как в отечественной, так и зарубежной лингвистике относительно вопроса определения термина окказионализм позволяет сделать вывод о неоднозначности трактовок данного понятия. Однако, проанализировав приведенные выше определения, совершенно очевидным становится, что для большинства исследователей, наиболее важными чертами, отражающими сущность окказионализма, является его несоответствие общепринятому языку (ненормативность), несоответствие с определенной речевой ситуацией, невостребованность языковым обществом, вследствие чего малая вероятность вхождения в состав общепотребительной лексики, индивидуальный характер, креативность, экспрессивность, необычность, новизна. Окказиональное, то, что образовано по случаю, *ad hoc*, здесь и сейчас, выделяющееся на нейтральном фоне всего общепринятого и направленное на более точное индивидуальное отображение окружающей действительности.

1.2. Проблема соотношения понятий «окказионализм» и «неологизм»

Наряду с неоднозначностью определения термина важной проблемой, сопряженной с понятием окказионального слова, является проблема определения его статуса по отношению к неологизмам. В данной дискуссии существуют две точки зрения, согласно первой – ученые относят исследуемые нами явления к неологизмам, согласно второй – признают за окказиональными словами статус самостоятельных единиц и считают принципиально важным разграничивать данные понятия.

Так, например, в «Энциклопедическом лингвистическом словаре» понятия окказионализмы и неологизмы не дифференцируются, а объединяются под общим термином «неологизмы» – «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказиональные слова) в каком либо тексте или акте речи» [ЛЭС 1998:345]. В словаре О.С. Ахмановой «лексические единицы, созданные автором как результат индивидуального словотворчества», приводятся в качестве примеров стилистических неологизмов [Ахманова 1966:343].

Как вид индивидуальных стилистических неологизмов окказионализмы рассматриваются и в энциклопедии: Русский язык под редакцией Ф.П. Филин: «эти неологизмы создаются авторами как выразительные средства в определенном контексте и в отличие от общеязыковых неологизмов не рассчитаны на распространение и закрепление в общем языковом употреблении» [Энциклопедия: Русский язык 1979:173].

Необходимо отметить, что такая позиция лингвистов – не противопоставлять данные понятия и употреблять термин неологизм как родовой по отношению к окказионализмам, становится возможной в рамках широкого понимания термина неологизм. В широком смысле слова под неологизмами принято понимать «слово или оборот, созданное для обозначения нового предмета или нового понятия» [Розенталь, Теленкова 2001:402]. Так, на-

пример, В Фляйшер и И Барц подразделяют неологизмы на окказионально употребляемые (*okkasionelle Wortbildungskonstruktionen*) и узואально употребляемые словообразовательные конструкции (*usuelle Wortbildungskonstruktionen*), понимая под первыми слова, обусловленные различными видами текстов, относящиеся к языковой системе в целом, а не к языковой норме, а ко вторым слова, соответствующие языковой норме, зафиксированные в лексиконе языка [Fleischer, Barz 1995] В современной лингвистической науке такая традиция широкой трактовки термина неологизм является довольно распространенной Однако в рамках отечественной неологической школы чаще всего новые лексические единицы подразделяются на неологизмы речевые и неологизмы языковые [Огородникова 2005] К языковым неологизмам относят новые лексические единицы, закрепленные языковой системой К речевым – индивидуальные продукты словотворчества (окказиональные слова), не являющиеся общеупотребительными

Согласно второй точке зрения на проблему соотнесения понятий «окказионализм» и «неологизм», учеными принимается более узкая трактовка термина неологизм, конкретизирующая данное понятие на основе определенных параметров, в результате чего неологизмы и окказионализмы разграничиваются Так, например, М Д Степанова и В Фляйшер разграничивают данные понятия Под неологизмами они понимают «новые единицы словаря», в отличие от которых окказионализмы «не черпаются из словарного состава в качестве готовых образований, т е не воспроизводятся, а производятся подобно синтаксическим словосочетаниям и предложениям в тексте » [Степанова, Фляйшер 1984 190] Т Шиппан также придерживается мнения, согласно которому необходима строгая демаркация двух данных языковых явлений, т к в отличие от неологизмов окказионализмы не могут входить в словарный состав языка «Einmalbildungen, okkasionelle Einheiten werden nicht zu den Neologismen gezahlt, es sei denn, sie gehen in den allgemeinen Sprachgebrauch ein» [Schippa 1992 244]

М.С. Заворотная [Заворотная 2003:98] среди основных параметров, отграничивающих неологизм от других лексических новшеств выделяет такие, как

- *коннотация новизны,*
- *фиксация/нефиксация словарем,*
- *частотность использования*

Поясним данные параметры: Согласно параметру коннотация новизны неологизм может быть новым по отношению к определенному временному периоду. С течением времени восприятие неологической единицы как новой постепенно утрачивается и она входит в активный словарь. В отличие от неологизмов окказионализмы «выключены из течения исторического времени» [там же, 98]. Следующий параметр – факт регистрации неологизмов словарем, в отличие от которых окказионализмы не входят в словарный состав. И, наконец, третий параметр – частотность использования, характеризующий неологизм как многократно воспроизводимое слово, в отличие от которого окказионализм создается индивидом для одноразового использования в определенной речевой ситуации.

Одной из ярких работ, отстаивающих необходимость разграничения понятий «окказионализм» и «неологизм», является статья А.Г. Лыкова «Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом?» [Лыков 1972]. В данной работе ученый выделяет следующие параметры неологизмов и окказионализмов:

– *время появления слова* (неологизмы, характеризующиеся диахронной соотнесенностью, появляются в определенный момент времени, входят в активный словарь, но с течением времени могут переместиться в пассивный. Окказионализмы, обладая признаком синхроно-диахроной диффузности, находятся на «пересечении синхронной и диахронной осей координат языковой системы», т.е. они одномоментны и не могут со временем устаревать;

– *наличие – отсутствие конкретного творца* (для окказионализма в отличие от неологизма принципиально важно авторство);

– *ощущение – неощущение новизны* (в отличие от неологизма окказионализм не способен утрачивать качество новизны);

– *вхождение – не вхождение в язык* (неологизмы – достояния языковой системы, в отличие от которых окказионализмы явления чисто речевые и не могут входить в язык).

Обратимся к позиции И.Г. Дегтярь [Дегтярь 1984], которая предлагает дифференцировать понятия окказионализм и неологизм по следующим параметрам:

1) социальное – индивидуальное

Первый параметр является характерным для неологизмов, обладающих социальной установкой на вхождение в состав общеупотребительного лексикона. Второй характеризует окказионализмы, являющиеся образованиями индивидуальными, вызванными к жизни потребностью индивидуума в словотворчестве только для данного случая;

2) облигаторность – факультативность

Приведенный выше параметр заключается в том, что слово, получившее статус неологизма, непременно становится частью системы языка, чего нельзя сказать об окказионализме, сохраняющем статус индивидуально-авторского образования;

3) принадлежность к системе языка – принадлежность к речи

Согласно данному параметру разграничение понятий основывается на Соссюровской дихотомии «язык-речь». При этом неологизмы относятся к языковым новообразованиям, а окказионализмы к индивидуально-речевым.

И, наконец, последним критерием для дифференциации автор считает

4) нормативность – аномальность

При этом нормативность неологизмов понимается как их сравнительно большая степень соответствия языковой норме, а аномальность окказионализмов как разного рода отклонения от нее.

Б.Н. Гаджимурадова [Гаджимурадова 2003] дифференциальными признаками неологизмов в отличие от окказионализмов считает следующие.

1) индивидуальный характер образования и отсутствие связи с конкретным творцом;

2) вхождение в систему языка как необходимого элемента;

3) создание по общеязыковым словообразовательным моделям;

4) постепенная утрата ощущения новизны слова;

5) выполнение номинативной функции;

6) возможность существования вне контекста,

7) выполнение в процессе коммуникаций интеллектуально-коммуникативной функции.

Анализируя вышеприведенные параметры, можно сделать выводы, что в основном авторы единодушны в понимании неологизма как единицы языковой, а окказионализма как индивидуально-речевой. Как языковая единица неологизм является общеупотребительной, зафиксированной словарем лексемой. Окказионализм же, как единица речевая, не соответствующая общепринятым языковым нормам, характеризуется индивидуальным характером и не принадлежит к основному инвентарю языка. Таким образом, проблема определения статуса окказионализма по отношению к неологизму заключается не в сложности демаркации двух данных явлений, а, прежде всего, в неоднозначности трактовки термина «неологизм». Как видно из рассмотренных исследований, все ученые признают принципиальную важность разграничения всех лексических инноваций по принципу языковые лексические новшества – речевые лексические новшества. Далее мнения разделяются: Одни относят оба данных явления к общей категории «неологизмы», другие четко дифференцируют окказионализмы и неологизмы. Мы, взяв за основу узкое понимание термина «неологизм», принимаем вторую точку зрения и считаем принципиально важным разграничение двух данных понятий.

1.3. Проблема соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово»

Впервые термин потенциальное слово был употреблен Г.О. Винокуром в работе «Маяковский – новатор языка» (1943) для обозначения тех единиц, которых фактически нет, но «которые могли бы появиться, если бы этого захотела историческая случайность» [Винокур 1943:15]. Похожее определение данного понятия содержится в словаре лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой: «потенциальное слово – производное или сложное слово реально не существующее (т.е. не зафиксированное в реально осуществившихся уже произведениях речи), но могущее создаться в любой момент в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями языка» [Ахманова 1966:343].

Однако наряду с данной трактовкой термина существует и несколько иная, согласно которой под потенциальными словами понимают не их потенциальную возможность реализации, а реальные слова, произведенные индивидуумом в речи. Так, согласно определению С.А. Хромовой «потенциальные слова – новообразования, созданные в соответствии с языковыми словообразовательными моделями (новым в них является лишь лексическое наполнение языковой словообразовательной модели)» [Хромова 2007:6]. М.Д. Степанова и В. Фляйшер также подчеркивают, что потенциальные слова нормативны по своим словообразовательным моделям, они «появляются и исчезают, снова могут появиться и снова исчезнуть» [М.Д. Степанова, В. Фляйшер 1984:181]. Потенциальные слова – это «заполняющие языковые лакуны новые слова, отсутствующие по каким-либо причинам ранее в языке» [Санникова 2005:23].

Часто авторы разводят окказиональные и потенциальные слова. Например, четкое разграничение двух данных понятий прослеживается в работе Е.А. Земской «Словообразование как деятельность». Настаивая на абстрактном моделирующем характере словообразования, исследователь выделяет словообразовательные парадигмы (далее СП): типовую и конкретную.

Конкретная СП (далее КСП) – это набор производных одного базового слова, находящихся на одной ступени словообразования. Типовая СП (далее ТСП) – единица плана содержания, составляющаяся совокупностью деривационных значений реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящими в единую лексико-семантическую группу. Согласно данной модели, потенциальные слова, т.е. слова, реализующие деривационные возможности словообразовательной системы, входят не только в конкретную СП, но и типовую СП, тогда как слова окказиональные в типовую СП не входят. «Производные слова-«чужаки» в той или иной ТСП, как правило, являются окказиональными словами, необычность которых резка и выразительна» [Земская 2007 17-25]. Данную закономерность, выведенную Е.А. Земской, можно проиллюстрировать на примере индивидуально-авторского композитообразования Э. Елинек *Menschen Traube*. Согласно особенностям типовой СП подобного рода общепринятых, языковых композитов определяющим конституентом для основного слова *Traube*, должны были быть названия различных ягод, растущих гроздьями (например, узувальный композит *Weintraube* – гроздь винограда). Используя же в качестве первого компонента слово *Menschen*, автор нарушает данную закономерность, создавая экспрессивное, окказиональное образование.

Eben haben sich an den Haltestellen noch Menschen Trauben, Gruppen und Inseln zusammengeballt um irgendwo gemeinsam hinzusturmen [Jelinek 2004 139]

Э.И. Ханпира, противопоставляя окказиональным словам потенциальные, указывает также на различие функций названных типов слов. Потенциальные слова создаются для названия явлений действительности, «обычной номинации», тогда как окказиональные слова, помимо этой функции, могут выполнять и иную, будучи образованными с художественной целью [Ханпира 1966].

Ряд ученых, обращающихся к вопросу соотношения окказиональных и потенциальных слов, считают и те и другие слова окказиональными. Так,

например, В.В. Лопатин выделяет среди окказионализмов потенциальные слова, относящиеся к продуктивным словообразовательным типам, и индивидуально-авторские слова, «которым присуще то или иное намеренное отступление от словообразовательных закономерностей и норм» [Лопатин 1973:145]. В.Д. Девкин также относит к окказиональным ненормативные образования и авторские лексические новшества, «которые не воспринимаются как ошибочные, хотя они не признаны узусом и образование которых происходит по существующим моделям достаточно уместно и искусно, так, что новизна их мало замечается» [Девкин 1979:185].

Мы склонны признать правомерным позицию данных авторов и считаем также вполне целесообразным среди окказиональной лексики выделять потенциальные слова, созданные по продуктивным словообразовательным моделям и собственно-окказиональные, образованные в результате нарушения закономерностей словообразовательной системы. И те и другие мы относим к общей категории окказиональных слов.

1.4. Признаки окказиональной лексики

Вопрос выделения признаков окказионализмов, отличающих данные понятия от других языковых явлений, в современной лингвистической литературе является довольно сложным и дискуссионным. Как отмечается в ряде исследований, кроме признаков узуального слова, которые в большей мере присущи и окказионализмам, они обладают и другими специфическими признаками и свойствами, обуславливающими их особый лингвистический статус в языке.

В большинстве исследований, посвященным окказионализмам, авторы ссылаются на девять признаков окказиональных слов, предложенных А.Г. Лыковым в работе «Русское окказиональное слово» [Лыков 1972а]:

1) принадлежность к речи, 2) творимость (невоспроизводимость), 3) словообразовательная производность, 4) ненормативность, 5) функцио-

нальная одноразовость, б) экспрессивность 7) номинативная факультативность, 8) синхронно-диахронная диффузность, 9) индивидуальная принадлежность

Фундаментальное исследование окказиональных словообразовательных конструкций было также осуществлено в диссертационном исследовании Р Г Гатауллина, согласно которому он предлагает выделять 10 основных признаков, позволяющих отграничивать окказиональные словообразовательные конструкции от канонических 1) *соотнесенность с субъектом (индивидуальная принадлежность) 2) наличие коннотации как имманентный признак 3) функциональная неповторимость, 4) эксцентричность, необычность 5) ненормативный характер, б) номинативная факультативность, 7) креативность (творческий характер), 8) деривативный (производный) характер 9) принадлежность к речи, 10) отнесенность к письменной речи*

Попытка разграничения окказиональных и общепринятых, языковых композитов была предпринята в монографии В С Вашунина Он предлагает разграничивать окказиональные и общеупотребительные композиты по следующим критериям 1) *+/- общепринятость, 2) +/- воспроизводимость, 3) +/- нормативность 4) +/- предсказуемость 5) +/- эффект неожиданности, б) +/- экспрессивность, 7) +/- новум 8) +/- частотность употребления 9) +/- изолированное понимание*

Как видно из приведенных выше признаков, выделяемых лингвистами, в большинстве случаев взгляды ученых совпадают, а как дискуссионные в данном вопросе можно обозначить лишь следующие моменты

– терминологические разногласия при обозначении тех или иных специфических особенностей окказионального слова,

– споры по отношению релевантности/факультативности некоторых признаков окказионализмов

Поэтому, мы, в рамках настоящего исследования, проанализировав предложенные лингвистами признаки, предлагаем выделить следующие абсолютные и относительные свойства окказионального слова

1.4.1. Абсолютные признаки окказиональных словообразовательных конструкций

– Ненормативность

Ненормативность, согласно нашей точке зрения, является важнейшим, определяющим признаком окказионального слова. Как видно, из приведенных выше свойств и критериев для выделения окказионализмов, параметр ненормативности выделяется всеми исследователями. Однако норма в данных работах авторами понимается неоднозначно. В одних случаях ненормативность окказионализма отождествляется с несоответствием общепринятым моделям словообразования, т.е. закономерностям языковой системы [В.С. Вашунин, Р.Г. Гатауллин, Е.А. Земская]. Так, например, Е.А. Земская считает, что окказионализмы – нарушители законов (правил) общеязыкового словообразования. Они используют бездействующие, мертвые аффиксы или «не те» основы... и даже имеют свои способы словообразования» [Земская 1973:180]. Но есть и другая точка зрения, согласно которой, говоря о ненормативности окказионализмов, ученые подразумевают несоответствие общепринятой языковой норме (А.Г. Лыков). Поэтому в целях разъяснения данного вопроса обратимся к понятиям языковая система и языковая норма:

Языковая система – это внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями [Ахманова 1966:412]. При этом система мыслится как «иерархическая структура, включающая целый ряд вертикально располагающихся уровней, языковые единицы которых входят в качестве строительных элементов в единицы более высоких уровней...» [Дзенс, Перевышина, Кошкаров 2007:14]. Говоря о системе языка, ученые выделяют две ее части: реализованную – то, что уже есть в языке и нереализованную – то, что могло бы быть по аналогии с уже имеющимися единицами. Так, например, А.Г. Лыков предлагает изобразить систему «в виде прямой линии, притом реализованная часть системы – это сплошная прямая линия, а нереализованная – ее пунктирное продолжение» [Лыков 1972:257]. Иными словами, языковая

система включает «совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка, потенциальные возможности образования языковых единиц и их употребления в речи» [Латышев 1988:83].

Языковая норма в отличие от языковой системы связана с непосредственной реализацией потенций последней. Так, например, Р.Р. Каспранский, рассматривая норму как категорию процесса реализации, определяет объективную сущность нормы в качестве связующего звена между языковой системой и материальными реализациями. В его понимании «процесс реализации аналогичен процессу кодирования в теории информации, разница лишь в том, что теория кодирования рассматривает только единицы кода и правила кодирования, т.е. воплощение экспликативного содержания, имеющего нелинейный характер, в последовательности знаков, обладающих линейным характером, а теория реализации включает в себя еще и *правила материализации* (курсив наш – Л.О.) данной последовательности в социально-антропофонических единицах, из которых строится речевое произведение» [Каспранский 1976:5]. Иными словами, согласно утверждению Л.П. Крысина «норма противопоставлена системе, понимаемой как присущие тому или иному языку возможности выражения смыслов. Далеко не все из того, что может язык, что разрешает языковая система, принимается нормой» [цит. по Компанцева 2004:32]. Единство и общепринятость языковой нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации.

Таким образом, языковая система – это совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых единиц и моделей, по которым они производятся, включая также реально не существующие, но потенциально возможные, выводимые согласно общим ее закономерностям. Языковая норма в отличие от языковой системы – понятие менее абстрактное, заключающее в себе лишь общепринятые, реально функционирующие и понимаемые обществом как

правильные языковые единицы. Итак, с точки зрения языковой системы приемлемы все лексические единицы (даже не реализованные в реально функционирующем языке)

В процессе речи под воздействием различных факторов подобные не-реализованные системные лакуны могут быть легко заполнены, то есть, реализованы в окказиональном лексическом образовании. При этом образование новых лексических единиц может осуществляться как по продуктивным моделям словообразования с соблюдением всех закономерностей сочетаемости компонентов нового слова (потенциальные слова), так и с нарушениями вопреки сложившимся словообразовательным нормам (собственно-окказиональные). Таким образом, если придерживаться первой точки зрения относительно признака ненормативности окказионализмов, ненормативными являются лишь собственно-окказиональные образования, в отличие от которых потенциальные признаются нормативными. Однако согласно второй точке зрения относительно ненормативности окказионального слова, которой в том числе придерживаемся и мы, подчеркивается, что и потенциальные слова, созданные по высокопродуктивным моделям, все же «отличаются от канонических слов своей необычностью, так как кажущаяся легкость их словообразования не снимает коннотативных наслоений» данных единиц как явлений совершенно новых, необщепринятых [Гаджимурадова 2003: 19]. И те и другие, согласно данной точке зрения, относят к ненормативным, так как они созданы с отклонениями от языковой, общепринятой нормы.

В работе В.С. Елисейевой, автор определяет окказионализмы как речевые единицы, основанные на общих явлениях аналогии и деформации. Под аналогией, согласно точке зрения исследователя, подразумевается «необходимое средство для сопоставления окказионализма с другими элементами текста, наличие опоры на какой-либо образец», а деформация заключается в нарушении нормы «на разных уровнях образования и функционирования окказионализма», носящего преднамеренный характер [Елисейева 1991: 10]. Создание индивидуально-авторских единиц является коммуникативно оп-

равданным, факт нарушения нормы становится организованным изобразительным средством, таким образом, сущность авторских образований заключается в том, что они, как результат окказионального словообразования представляют принципиально неcodифицируемые («неправильные», ненормативные) лексические единицы речи, а с другой стороны – функционально оправданы » [Лыков 1972 391]

Так, например, в произведениях Э Елинек можно встретить такие причудливые композитообразования как *Nachzuglerkind, Vierundzwanzigstunden – Rennen, Plutonium-keks, Muckentanzboden Kommunismus-Bazillus, Korperein-und-ausgang billignahrung, Zweifamilien- besitztumer, Papamobil, Haar-krixikraxi, Menschenabfall, Appotierstockchen, fernfahrersparnisse, elektrikerkorper, pianinistinnenhand* и многие другие, созданные как по продуктивным, так и непродуктивным моделям словообразования и носящие ненормативный характер, в силу необщепринятости и индивидуального использования в речи индивидуума

- Экспрессивность

Ненормативность окказионального слова обуславливает его следующий признак – экспрессивность Согласно определению В Н Телия «под экспрессивностью лексической единицы понимается ее не нейтральность, отстранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и тем самым выделен из общего потока либо за счет необычного стилистического использования языковых средств, либо посредством интенсификации количественного или качественного аспектов обозначаемого» [Телия 1991 39]

В К Харченко отмечает, что в основе экспрессии лежит несоответствие каких-либо языковых средств языковым стандартам, т е экспрессия возникает там, где возникают отклонения от нормы Она пишет «Сущность языковой экспрессии – в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому

необычное, свежее, выразительное» [цит. по Стернин 1985:108]. По словам А.В. Филиппова «экспрессивность <.....> всегда окказионально связана с «удачным» отклонением от нормы, возникает лишь в процессе речи, почему и не может считаться языковым явлением [цит. по Алефиренко 2005:165].

Необходимо также отметить, что, выделяя экспрессивность в качестве признака окказионального слова, данное понятие трактуется большинством исследователей широко и часто отождествляется с коннотативным значением слова. Так, А.Г. Лыков понимает экспрессивность как «выразительно-образительные качества речи, придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» [Лыков 1976:13]. А в диссертационном исследовании Е.В. Грицевой помимо образности и эмоциональности как компонент экспрессивности выделяется также и оценочность, в связи с чем по отношению к окказионализмам автор выделяет эмоционально-оценочную и образно-характеристическую их функцию в тексте [Грицева 2006:101]. По мнению Р.Г. Гатауллина экспрессивность окказионализмов проявляется в том, что «они обладают эмоционально-оценочной, содержательной нагрузкой»... в связи с чем «могут звучать иронично, юмористично, насмешливо, сатиристично, эмоционально и оценочно» [Гатауллин 1997:94].

Но далеко не все исследователи отождествляют экспрессивность с эмоциональным и оценочным компонентами значения слова. Так, например, согласно точке зрения И.С. Стернина: «эмоциональный, оценочный и экспрессивный компоненты значения часто переплетаются и взаимодействуют в значении слова, но при этом они обладают известной самостоятельностью и выделяемостью, и сводить их к экспрессии представляется нецелесообразным» [Стернин 1985:10].

Экспрессивность как свойство окказионализмов мы вслед за В. С. Вашуниным понимаем как следствие их непредсказуемости, «их ненулевой стилистической значимости» проявляющееся в эффекте неожиданности, благодаря чему данные образования контрастируют на фоне нейтральных языковых единиц [Вашунин 1990:32]:

Сравните:

In einer Stunde spätestens wird die Mutter zum ersten Mal bei der Hausmusikkollegin anrufen... [Jelinek 2004: 142].

Es ist eine Jugendtorheit, Bruckner zu verachten, der schon viele erlagen, Herr Klemmer [Jelinek 2004: 73].

...doch Schubert war entschieden kein fertiger Könner, würgt Klemmer eine frisch gefühlte Gedankenwurst zwischen den Zähnen hervor [Jelinek 2004:190].

Анализируя вышеприведенные примеры, необходимо также обратить внимание на то, что степень экспрессивности окказионального слова зависит от степени отклонения последнего от языкового словообразовательного стандарта. Так, например, в данных трех примерах наиболее экспрессивным является окказиональное образование *Gedankenwurst*, образованное в результате нарушения семантической сочетаемости компонентов сложного слова.

- Функциональная одноразовость, одномоментность

Функциональная одноразовость и одномоментность окказионального слова очень тесно взаимосвязаны, вследствие чего мы рассматриваем их вместе. Согласно наблюдению М.Д. Степановой и В. Фляйшера, «главное условие узуализации новообразования – это его востребованность в употреблении обществом; в результате частотности употребления новое слово становится единицей лексического состава языка» [Степанова, Фляйшер 1984:190]. Окказиональное же слово, характеризующееся признаком функциональной одноразовости «создается говорящим для того, чтобы оно употребилось в речи всего лишь один раз», не претендуя на вхождение в лексический фонд языка [Лыков 1976:13]. Проблема функциональной одноразовости незуальных композитов рассматривается и в исследовании В.М. Павлова. Описывая подобного рода композиты, он приходит к выводу, что их «одноразовость» заключается, прежде всего, в «абсолютной случайности» образования таких конструкций в речи, имея ввиду «нетипический, а потому и потенциально-редкий характер события, состоящего в том, что в

сознании отдельного индивида замыкаются именно данные конкретные смысловые и словесные (лексемные связи)» [Павлов 1973 131] Окказионализм, создаваемый субъектом речи в рамках определенного контекста, служит для того, чтобы выразить предельную конкретность речевой ситуации, со всеми ее мельчайшими нюансами и подробностями, вследствие чего, он и остается функционировать лишь в данной, единичной ситуации, т к лишь в ней он может быть адекватно воспринимаем

Die angebliche Kammermusikgastgeberin meldet sich nicht im Horer, und wenn man es dreißigmal klingeln lasst [Jelinek 2004 155]

Klemmer reißt leidenschaftlich Dutzende von Papierhandtuchern aus ihrem Behaltnis, knullt sie zu einem Großball und wirft sie haarscharf neben den Mistkubel hin, seitlich abgewogen und zu leicht befunden vom Versagerkameraden [Jelinek 2004 125]

Довольно трудно представить возникновение потребности использования композитообразований *Kammermusikgastgeberin*, *Versagerkamerad* неоднократно в общеупотребительной речи, т к данные словообразовательные конструкции привязаны к определенной коммуникативной ситуации, то есть окказионализм создается для однократного употребления

- **Творимость**

Одномоментность окказионального слова обуславливает его следующий признак – творимость, противопоставлемый такому свойству канонического слова как воспроизводимость, т к окказионализмы в отличие от последних «не черпаются из словарного состава в качестве готовых образований, т е не воспроизводятся, а производятся подобно синтаксическим словосочетаниям и предложениям в тексте » [Степанова, Фляйшер 1984 19]

anschließend fällt erich wie ein lebloser muskelsack wider in einen stammsitz zurück [Jelinek 2004 119]

Данное предложение содержит два композита *stammsitz* и *muskelsack* Композит *stammsitz* характеризуется идиоматизированным значением, словарной воспроизводимостью и общеупотребительным характером Компо-

зит *muskelsack* является окказиональным, он не зафиксирован словарями, т.о. он не воспроизводится автором, а творится в рамках конкретной речевой ситуации, вследствие чего взаимоотношения между конститuentами при восприятии окказионального композитообразования интерпретируются на семантико-синтаксическом уровне.

- Индивидуальная принадлежность

Помимо соотнесенности окказионализма к конкретной речевой ситуации мы выделяем также и признак индивидуальной принадлежности – т.е. его принадлежности отдельному субъекту речи. М.Д. Степанова и В. Фляйшер, характеризуя окказиональные образования, отмечают, что «подобные словообразовательные конструкции остаются более или менее индивидуальными, связанными с одним автором или даже с одним текстом» [М.Д. Степанова В. Фляйшер 1984:187]. О.С. Ахманова, используя термин «стилистические неологизмы», также отмечает индивидуальный характер их употребления, подчеркивая, что они являются авторскими образованиями, созданными для данного литературного произведения и не имеющие широкого распространения» [Ахманова 1966:262].

Однако существуют мнения, что выделение признака авторской принадлежности для окказионализмов является нерелевантным. Так, А.Г. Оганесян в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что признак индивидуальной принадлежности релевантен не для всех окказионализмов, а лишь для индивидуально-авторских [Оганесян 1989:7]. То есть согласно данному утверждению необходимо четко различать окказионализмы авторские и речевые. Действительно, подобные классификации имеют место. Так, например, Р.Ю. Намитокова новообразования неузвального характера делит на 1) авторские новообразования, создаваемые говорящим (чаще пишущим) преднамеренно, создаваемые с определенной художественно-стилистической или научной целью, 2) неавторские новообразования, создаваемые в разговорной речи для сиюминутных целей общения [Намитокова 1986:13].

На наш взгляд, даже предпринимая подобную дифференциацию окказиональной лексики, отрицание авторской принадлежности у речевых окка-

зионализмов неправомерно, т к с ономасиологической точки зрения все образования индивидуальны. Как справедливо замечает по этому поводу Ю Н Антюфеева «для окказионализма его «авторская принадлежность» является принципиальным условием пребывания в окказиональном статусе, потому как он рождается в речи индивида, он не существует без автора, т к любой окказионализм является принадлежностью того или иного речевого контекста» [Антюфеева 2004 37]. Окказиональные словообразования, прежде всего, создаются автором для передачи своего индивидуального мировидения. Данные слова как никакие другие способны приблизить нас к личности их творца. Так, например, в произведениях Э Елинек можно встретить массу окказиональных композитообразований, выполняющих функцию сравнений и метафор в тексте, отличающихся своей неожиданностью, нестандартностью, индивидуальностью образов, положенных в основу сравнения.

Unter ihren Füßen brodelt währenddessen der Kulturbrei, die fertig gekocht wird, ein Brei den sie sich in kleinen genusslichen Bissen einverleiben [Jelinek 2004 192]

Keiner sieht ihre Augen sie ist nicht Befehlerteilerin, sie ist nur Haar, Hinterkopf, Nacken eine Unergrundlichkeit Ein Liebesautomat, der sich auf Fußtritte nicht mehr reagiert [Jelinek 2004 247]

- Словообразовательная производность

В литературе по словообразованию «под производным словом понимается любая вторичная, т е обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последней» [Кубрякова 2008 5]

Окказиональные образования, безусловно, образования производные, т к в большинстве случаев «окказионализмы создаются комбинацией различных узуальных основ и аффиксов по языковым, продуктивным, малопродуктивным или непродуктивным словообразовательным моделям или по окказиональным (неизвестным языку моделям)» [Полухина 2002 46]. Так, например, сложные окказиональные номинации, являющиеся объектом на-

стоящего исследования, единицы «полиморфемные», способ образования которых заключаются в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или два грамматически оформленных слова, или несколько корней основ слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова» [Степанова 1959 64] Таким образом, индивидуально-авторские композитообразования *Menschenweg*, *Korperfabrik* являются производными, т е вторичными языковыми единицами по отношению к их словообразующим основам, являющимся общеупотребительными каноническими словами *Menschenweg* – *Menschen* + *Weg*, *Korperfabrik* – *Korper* + *Fabrik*

1.4.2. Относительные признаки окказиональных словообразовательных конструкций

- Номинативная факультативность

Характерной чертой окказионального слова многие лингвисты считают признак номинативной факультативности. Согласно высказыванию Ю Н Антюфеевой «окказионализм не ставший фактом языка в живой речи ярче канонического слова отражает действительность, но новообразования не создаются с целью *сделать номинацию обязательной* (выделено нами – Л О), осуществляя желания и возможности индивида называть некие реалии действительности» [Антюфеева 2004 39] Б Ю Норманн также указывает на то, что окказиональное образование дает «штучный товар» разовых номинаций в сопровождении, как правило, дополнительной, эстетической нагрузки» [Норманн 1994 64] Действительно, с данными утверждениями трудно не согласиться, но далеко не все исследователи безоговорочно признают критерий номинативной обязательности/факультативности релевантным. Приведем по этому поводу высказывание Б Н Гаджимурадовой «Мы также не можем полностью согласиться с таким признаком окказионального слова как номинативная факультативность. Номинативность окказионализмов не обязательно, на наш взгляд, должна проявляться в назывании новых,

вымышленных автором реалий или явлений. Но окказионализмы всегда являются номинациями и «оязыковленной» формой определенного авторского смысла» [Гаджимурадова 2003:14]. Данное замечание мы находим вполне целесообразным, в самом деле, окказиональные слова являются особыми видами номинации, заставляющими несколько по-другому взглянуть на объекты действительности, выделить какие-то новые признаки предмета, которые не отражены номинациями узувальными.

Безусловно, в огромном своем большинстве индивидуальные новообразования так и остаются в самой периферийной сфере речи, т.к. не являются необходимым фактом с точки зрения номинации для языкового общества. Однако можно привести массу примеров, когда продукты авторского словотворчества становились общеупотребительными фактами языка: например, русским языком давно уже приняты такие словотворения как *головаля*, *головаляство* М.Е. Салтыкова-Щедрина, *будущность*, *промышленность* Н.М. Карамзина, *стушеваться* – Ф.М. Достоевского, *бездарь* – И. Северянина; в немецком языке широко употребляются слова, некогда придуманные Гете – *Weltliteratur*, *Deutschtum*, *Weltschmerz*, Шиллером – *Gedankenfreiheit*, Гердером – *volkstümlich*.

- Признак постоянной новизны

Многие лингвисты важным моментом характеристики окказионального слова считают фактор новизны [Фельдман 1957, Шанский, 1977, Вашунин 1990, Гатауллин 1997, Масленников 2000]. Однако сущность данного фактора учеными трактуется неоднозначно. Под эффектом новизны В.С. Вашунин, Н.М. Шанский и Н.И. Фельдман понимают свойство словообразовательной единицы вызывать у носителей языка ощущение ее постоянной новизны: «окказионализмы сохраняют свою новизну всегда, ощущаются, воспринимаются нами как нечто новое абсолютно независимо от времени своего создания» [Масленников 2000:38]. Несколько иное представление по этому поводу у А.Г. Лыкова, отрицающего признак постоянной новизны окказионализма и включающего в определение признак *необычности*

единицы «Думается, что постоянная новизна, (пусть даже и окказионального), логически немыслима и лингвистически несостоятельна. Не новизна, а необычность, диковинность – вот что является главным и постоянным признаком окказионализма» [Лыков 1976 22]

Полностью соглашаясь с мнением лингвиста, мы также считаем не релевантным критерий постоянной новизны для разграничения окказиональной и узуальной лексики, т.к. новизна окказионализма, как и канонического слова способна со временем стираться (например, окказионализмы в произведениях классиков, известные широкому кругу читателей, но не вошедшие в активное употребление), при неоднократном цитировании эффект новизны при восприятии их исчезает, а остается лишь необычность. Похожий эффект можно наблюдать и в случаях, когда определенные индивидуально-авторские слова-фавориты переходят из одного произведения писателя в другое. Так, например, в творчестве Э. Елинек можно встретить композитообразования, употребленные писательницей неоднократно. Это такие образования как *Menschentraube*, произведенные автором в романах „Klavierspielerin“ и „Lust“, *Kinderfleisch* – в романах „Liebhaberinnen“ и „Ausgesperreten“, *Mannerwelt* – в произведениях „Lust“ и „Liebhaberinnen“ и др.

- Контекстуальная зависимость

Неоднозначные точки зрения лингвистов высказываются и по поводу релевантности/факультативности такого признака окказиональных лексем как контекстуальная зависимость. Мы полагаем, что данный признак нерелевантен, так как по отношению к контексту можно выделить различные виды окказионализмов, как полностью зависящие от контекста, так и интерпретируемые изолированно от него.

Так, например, многие окказиональные композитообразования способны раскрыть свою семантику через внутреннюю форму слова изолированно от контекста. Таким качеством обладают чаще всего слова потенциальные, произведенные согласно нормам словообразования *Frauschreien*, *Schutzsuchender*, *Forstersohn* и а

Первостепенную роль контекст играет при интерпретации высокохудожественных, эстетически-ценных окказиональных композитов, созданных в результате отклонения или полного нарушения словообразовательной нормы, отличающихся необычайной экспрессивностью и семантической емкостью:

Woher der Papa so etwas hat, will der abfahrende Familientorso von den stillen guten Luft wissen [Jelinek 2004:99]. Композитообразование *Familientorso* невозможно интерпретировать изолированно от контекста. И лишь обращаясь к предшествующему данному композиту контексту, мы можем приблизиться к семантическому значению данного слова: *Der Vater soll als sie wieder abfahren, seinen zwei Damen, von einem unfreiwilligen Helfer in weißem Kittel gestützt, Winkewinke machen...* [Jelinek 2004:99].

- Письменная соотнесенность

Как неоднозначный мы рассматриваем и признак письменной принадлежности, предложенный Р.Г. Гатауллиным. Он обосновывает данный вывод тем, что производство окказиональных конструкций требует детальной подготовки, а в разговорной речи намного предпочтительнее понятные и употребительные слова.

Однако мы придерживаемся мнения, что речь каждой личности индивидуальна и зависит от многих психологических, социально-обусловленных и ситуативных параметров. Далеко не все члены языкового общества готовы довольствоваться лишь общепринятыми, узуральными языковыми единицами, для многих принципиально важным является не применять шаблоны в виде готовых слов, а выразить свои чувства, эмоции посредством неисчерпаемых возможностей языковой системы, формируя необычные, индивидуальные лексические новообразования. К такой языковой личности, способной континуально порождать окказиональные лексические единицы относится Э. Елинек. В подтверждение данного факта мы можем привести отрывки из интервью с писательницей, в котором она искусно употребляет в устной речи окказиональные словообразовательные конструкции:

Ja, es ist ein geradezu zwanghaftes Von-mir-selbst-Absehen in den Texten... [Jelinek 1991 15]

Ich habe ja immer, wenn man will, realistische Literatur geschrieben, nur ist das eine Art Hyperrealismus oder Uberrealismus [там же, 12]

ich hatte eine so menschliche Geschichte wie Malina zu einer Geschlechterkampfklamotte umgeschrieben [там же, 15]

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы выделяем следующие релевантные признаки окказиональных композитообразований 1) ненормативность, 2) невоспроизводимость (творимость), 3) индивидуальная принадлежность 4) экспрессивность 6) функциональная одноразовость 7) одномоментность (синхронно-диахронная диффузность)

На основе данных признаков мы можем определить окказиональные композитообразования следующим образом. Окказиональные композитообразования – это словообразовательные конструкции, состоящие из двух или более основ, характеризующиеся ненормативным, экспрессивным характером, не принадлежащие к основному инвентарю языка, невоспроизводимые, а создающиеся субъектом речи для однократного употребления в контексте определенной речевой ситуации

2. НЕМЕЦКОЕ КОМПОЗИТООБРАЗОВАНИЕ

КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СЛОВОТВОРЧЕСТВА

2.1. Сущность и особенности немецкого словосложения

В рамках настоящего исследования особый интерес представляют многокомпонентные окказиональные единицы, произведенные путем комбинации различных узуальных основ и аффиксов или в результате семантической трансформации под воздействием различных текстуальных факторов. Поэтому необходимым представляется обратиться к особенностям немецкого композитообразования как национально-специфического словообразовательного способа.

В немецком языке словосложение (Komposition, Zusammenstellung, Zusammensetzung) является одним из наиболее продуктивных, фактически не имеющих границ способов словообразования. Согласно определению, предлагаемому Универсальным немецким словарем под редакцией Дудена: «словосложение – это образование нового слова посредством объединения, по меньшей мере, двух самостоятельных слов. «Zusammensetzung – die Bildung eines neuen Wortes durch die Verbindung mindestens zweier selbstständig vorkommender Wörter» [DUW 1724]. Словосложение как способ словообразования «заключается в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или два грамматически оформленных слова, или несколько корней основ слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова. К внешним признакам, прежде всего, относятся: единая неизменяемая, хотя и сложная словообразующая основа и централизующее (главное ударение), при наличии второстепенных» [Степанова 1953:64]. Компоненты сложного слова принято обозначать как «непосредственно составляющие» (НС) Unmittelbare Konstituenten (UK) [Степанова, Чернышева 2005:121; Ольшанский, Гусева 2005:113; Fleischer – Barz 1995:43, Naumann 2000, Donalies 2005:52].

Изучению композитообразования в немецком языке посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов. Тщательному описанию подвергались различные аспекты и проблемы теории словосложения. Так, для наиболее ранних работ немецких исследователей характерно обращение к структурно-содержательным аспектам композитов [Behagel 1923; Henzen 1957; Paul 1957; Schmidt 1968]. Среди современных исследований немецких германистов можно отметить, прежде всего, работы Th. Schippan [Schippan 1992], W. Motsch [Motsch 1999], L. Ortner, E. Müller-Bollhagen [L. Ortner, E. Müller-Bollhagen 1991], E. Donalies [E. Donalies 2005]. Фундаментальное описание особенностей структуры и семантики немецких словосложений широко представлено и в работах отечественных лингвистов [Степанова 1959; Павлов 1973; Алыбина 1981; Вашунин, 1990].

Тщательному изучению подвергались различные виды словосложений. В диссертационных исследованиях рассматривались сложные существительные с инфинитивным субстантиватом [Патрушев 2001], сложные существительные с первым компонентом основой прилагательным [Кирсанов 1982], сложные абстрактные существительные [Алыбина 1981], колоквиальные субстантивные композиты с именем собственным [Потапова 1989], атрибутивные композиты [Шавкун 2001]. Наряду со структурно-семантическими характеристиками немецких словосложений ученых интересовали также стилистические аспекты композитообразования, особенности функционирования немецких композитов в тексте [Акарелян 1976; Колпакова 1985; Гауллин 1997; Беспалова 2002], лексико-семантические, тематические характеристики словосложений [Brinkmann 1956; Weisgerber 1962; Азатьян 1975], в исследованиях проводился сопоставительный анализ русских и немецких композитов [Иванова 2000], затрагивались проблемы перевода немецких словосложений на русский язык [Федоров 1983; Гильченко 1965, 2005; Борисова 1979; Дзенс, Перевышина, Кошкарлов 2007].

В ходе исследований немецких сложных слов как специфическую черту данных словообразований ученые выделяют двойственный характер их функционирования, заключающийся во взаимодействии словообразовательной и синтаксической функций словосложения: «с одной стороны, словосложение служит средством словообразования, а с другой стороны, оно обладает ярко выраженной синтаксической природой» [Степанова 1959:18]. Обращаясь к вопросу происхождения и исторического развития данного способа словообразования, многие германисты приходят к выводу, что словосложение возникло из синтаксического соединения двух или нескольких слов, которые в последствии в результате их частого употребления, постепенно начинали функционировать в качестве единой лексической единицы [Paul 1957; Schmidt 1968]. «Sprachgeschichtlich ist die Zusammensetzung aus der syntaktischen Verbindung zweier oder mehrer Wörter entstanden, die in der lebendigen Rede nebeneinander standen und bei häufigerem Auftreten als eine neue Einheit aufgefasst wurden [Schmidt 1968:95].

Таким образом, факты немецкого словосложения очень показательны по отношению к вопросу о размытости границ между словом и синтаксической группой. „die Grenze zwischen syntaktischer Verbindung und Zusammensetzung ist überhaupt eine fließende», – замечает Г. Пауль [Paul 1957:6]. В подтверждение данного факта ученый приводит примеры синтаксических сочетаний, которые, не обладая признаком цельнооформленности, используются в речи в качестве одного номинативного целого, например, *der große Ozean, rote Rüben* и т. д. [там же, 6]. Максимально возможная степень синтаксичности как характерная черта немецкого словосложения описывается во многих исследованиях [Степанова 1959; Павлов 1973; Адмони 1973, Paul 1957; Schmidt 1968, Fleischer 1971, Erben 1983, Lohde 2006]. Так, например, В. Фляйшер считает композит «синтаксической параллельной конструкцией» [Fleischer 1971]. Э. Бенвенист пишет, что «именное словосложение – это микросинтаксис» [Бенвенист 1974:241]. В.М. Павлов, определяя композит, обращает внимание на то, что компоненты его репрезентируют «каждый отдельную лексему, самостоятельную и синтаксически элементарную в ее употреблении вне композита» [Павлов 1973:36]. Многие российские германисты регистрируют примеры употребления и функционирования в немецком языке параллельных конструкций: сложное слово и словосочетание (Павлов В.М., Степанова М.Д., Вашунин В. С.): *Ministerrat und Rat der Minister* (совет министров).

Однако, несмотря на близость немецких композитов к синтаксическим конструкциям, учеными выделяется также ряд признаков, позволяющих четко разграничивать данные понятия, затрагивающих как формально-грамматический, так и структурно-содержательный план двух данных понятий.

К важнейшим формально-грамматическим дифференциальным признакам, прежде всего, относится признак цельнооформленности сложного слова как единой лексической единицы. Так, например, М.Д. Степанова, рассматривая соотношение сложных слов, устойчивых словосочетаний и предложных оборотов, обращает внимание на то, что ни предложные оборо-

ты, ни устойчивые словосочетания не обладают оформлением слова. Данный факт подчеркивает и В.М Павлов, противопоставляя композиту конструкцию словосочетания «существительное + существительное» по двум основным формально-грамматическим признакам. Первый признак заключается в том, что атрибут в составе композита предшествует определяемому компоненту, в отличие от словосочетания, где атрибут-существительное следует за определяемым: Hauswand – Wand des Hauses [там же, 139]. Второе отличие заключается в том, что определительный член композита не имеет артикля (артикл относится ко всему слову, хотя и определяется по второму члену).

Помимо формально-грамматических отличий сложного слова от синтаксической конструкции, исследователи обращают внимание и на различия в содержательном плане. Так, например, Е.С. Кубрякова замечает: «Типичной чертой сложного слова в его отличии от соответствующего ему синтаксического оборота является то, что синтаксические отношения в композите устранены, и показатели этих отношений изъяты. Синтаксический оборот точен и однозначен, сложное слово – неопределенно в своем значении» [Кубрякова 2008:63]. Об этом же говорит Т.К. Иванова, указывая на то, что «композиты могут содержать такие отношения, которые не уместятся в рамки значения ни генитивного атрибута, ни разнообразных предлогов, способных присоединять субстантивное определение к другому существительному» [Иванова 2001:28]. В отличие от синтаксической конструкции, в которой все смыслы выражены эксплицитно, «внутренняя организация сложного слова как такового держится за счет скрытых семантических компонентов. Говорящему они понятны, с одной стороны, из-за знания отношений в экстралингвистическом мире, благодаря чему он может легко «реконструировать» при необходимости пропущенные семантические звенья деривации. С другой стороны, он не раз встречал отражение тех же типов отношений в определенной словообразовательной модели» [Кубрякова 2008:69].

Наиболее многосторонний анализ субстантивных композитов во взаимодействии их двух характеризующих функций – лексической номинации и выражения синтаксических отношений, представлен в исследовании В.М. Павлова, который с целью раскрытия взаимосвязи существенных сторон объекта изучения в его исторически конкретной качественной определенности, выделяет следующее многомерное признаковое пространство сложных немецких субстантивов:

1) отсутствие артикля у первого конституента композита, особенности морфологической формы и связанное с этими признаками отсутствие грамматических категорий падежа, числа, предметной соотнесенности, отсутствие значения у «соединительных элементов», напротив соответствие формальных признаков определительного члена значению падежа, числа, а также конкретно-предметная соотнесенность определительного члена в контексте речевой ситуации;

2) лексемная функция композита по отношению к его воспроизводимости; напротив, композит является средством называния лексем при сохранении ими свойств элементарных синтаксических единиц в речи (композит воспроизводится как «готовая» единица;

3) наличие/отсутствие семантического эффекта типизации явления, передаваемого композитом;

4) раскрываемость содержания смыслового отношения членов композита на основе знания объективной действительности, независимого/вытекающего из контекста;

5) наличие/отсутствие в языковой системе параллельного средства выражения смыслового содержания зависимости первого члена композита от его второго члена в виде словосочетания из тех же лексем; или описание композитной конструкции с помощью привлечения других лексем;

6) лексико-семантические (отчасти и лексико-грамматические) разряды, к которым принадлежат существительные, входящие в состав композита: имена конкретные, нарицательные и т.п.;

7) типы семантических отношений между членами композита – часть и целое, пространственные связи разного рода, субъектно-объектные отношения и т.д.;

8) аспект отношений идиоматичности/неидиоматичности композитов в противопоставлении «лексика- синтаксис»;

9) участие/неучастие связи субстантивированных лексем в композите при построении многочленной группы существительного с цепочкой атрибутов, параллельно и последовательно подчиненных центру группы;

10) наличие/отсутствие приемов местоименного указания на отдельные члены композита или их повторения в следующей за композитом части его контекста [Павлов 1973:31].

Немецкое композитообразование – проблемный раздел теории словообразования, затрагивающий вопросы определения статуса слова и границ слова в связи с существованием в языке «промежуточных образований», находящихся на пересечении лексикологии и синтаксиса. Посредством композитообразования на лексическом уровне создаются около-синтаксические структуры. Формально-линейный текст получает дополнительную глубину: внутри лексической единицы содержится синтаксическая субстанция, осуществляющая не просто номинацию, но номинацию неких взаимодействий между явлениями, фактами. Такая двуприродная организация сложного слова, проявляющаяся в безграничности возможных комбинаций компонентов композитов, способствующая возможности выражения самых различных смыслов в емкой форме обуславливает их функционирование в области индивидуального словотворчества.

2.2. Проблема классификации немецких сложных существительных

Как было отмечено ранее, обращение к немецкому словосложению, характеризующемуся двуприродной бинарной сущностью, предполагает изучение как словообразовательного, так и синтаксического аспектов дан-

ных конструкций, обуславливающих особенности репрезентации их содержания. На сегодняшний день существует множество различных классификаций немецких композитов, предложенных ведущими отечественными и зарубежными лингвистами, позволяющие группировать немецкие композиты в зависимости от их словообразовательной структуры, вида логико-синтаксической связи, эксплицитности/имплицитности репрезентации семантического содержания [Grimm 1878, Willmanns 1906, Behaghel 1923, Henzen 1957, Paul 1957, Motsch 1999, Степанова 1959, Павлов 1973 Ольшанский 2005].

Так, М.Д. Степанова, анализируя словообразовательный аспект словосложения, предлагает выделять:

1) *сложные слова*, образованные путем сложения двух или нескольких простых или производных основ

Например, *Handtuch, Kindergarten*

2) *сдвиги*, представляющие собой тип сложных слов, при образовании которых в единую словообразовательную структуру стягиваются несколько слов или даже небольшое предложение без изменения грамматической формы компонентов композитов

Например, *Vergissmeinnicht, Springinsfeld*.

3) *сложнопроизводные слова* (сращения), образованные одновременно путем словосложения и словопроизводства, в большинстве случаев вторая часть сращения не употребляется в качестве самостоятельной лексической единицы [Степанова 1959].

И.Г. Ольшанский выделяет два основных способа образования сложнопроизводных слов:

– словосложение + суффиксация (Gesetz(e) + geb(en) + ung = Gesetzgebung; Macht + haben + er = Machthaber)

– словосложение + субстантивация ((mit dem) Kopf + schütteln + Substantivierung = das Kopfschütteln) [Ольшанский 2005:105].

Необходимо отметить, что процесс образования сложных существительных посредством конверсии учеными рассматривается неоднозначно. В некоторых работах отмечается двойственность возникновения образований такого рода, так как вполне возможно существование субстантивированного глагола, зафиксированного в лексикографических источниках [Алыбина 1981; Макарова 2004]. Так, Н.А. Алыбина обращает внимание на то, что часто в разряд сложнопроизводных слов, рассматриваемых германистами, «наряду с теми, которые образуются от устойчивых словосочетаний или аналитических слов типа: Bericht erstatten, Gewerbe treiben ... или из глагольных групп типа: dunkel werden, das Nichtwerden попадают такие сложные существительные, как das Augenblinzeln, Fensterputzen». Последние по справедливому замечанию автора, не представляют единого понятия, а следовательно «инфинитив подобных словосочетаний, будучи самостоятельной лексической единицей, может быть подвергнут субстантивации» [Алыбина 1981:25-26], и тогда данный процесс целесообразнее представлять как словосложение, в котором один из компонентов представлен субстантивированной частью речи.

Согласно семантико-синтаксической классификации, выявляющей различные синтактико-подобные виды отношений между компонентами композитов, ученые выделяют следующие виды сложных немецких субстантивов:

1) **сочинительные** (копулативные), компоненты которых характеризуются логическим равноправием и зачастую между ними условно можно поставить союз «и».

Например, *Dichterkomponist, Strichpunkt, Freundfeind*.

2) **сложносинтаксические**, представляющие собой сложные слова, «образовавшиеся на базе синтаксических соединений, застывших в определенной грамматической форме и включенных в ту или иную категорию частей речи».

Например, *Langeweile, Rührmichnichtan, Tischleindeckdich*.

3) **определятельно-подчинительные** (детерминативные), один компонент, которых подчинен другому В качестве первого компонента детерминативного сложного существительного может выступать любая часть речи Предмет, обозначенный второй основой детерминативного композита, детерминируется определяемым словом, и таким образом, общее понятие, выражаемое вторым компонентом, превращается в специальное, следствием чего и является нахождение их в родовидовых отношениях Например, *Mutterhebe, Kindererziehung, Sudwind, Lederschuh* [Степанова 1959]

Необходимо также отметить, что в некоторых случаях установить вид семантико-синтаксических отношений между НС композита довольно сложно Так, В Мотч говорит об особом переходном типе сложных слов, которые, одновременно могут обнаруживать вид детерминативной и копулативной синтаксической связи «Einige Strukturen stehen an der Peripherie der Determinativkomposition, sie nähern sich der Kopulativkomposition, ohne dass sie seine Merkmale aber ganz zu treffen“ [Motsch 1999 129] К подобным образованиям он причисляет сложные слова типа *Bruderarmee, -partei, -land, Mordergeneral, Amateurfotograf*, в которых первая НС сложного слова, с одной стороны, выполняет функцию определяющего слова (что характерно для детерминативной связи), с другой стороны может рассматриваться как компонент, находящийся в аддитивном отношении к другому компоненту сложного слова

Согласно семантико-содержательной классификации сложного слова среди композитов, в зависимости от выводимости общей семантики из значений их компонентов, принято выделять

1) композиты с **раздельнонаправленным** значением Такие композиты получают свое значение путем простого сложения значения НС сложного слова (*Lehrersfrau* – жена учителя),

2) композиты с **типизированным** значением, представляющие собой словообразовательные конструкции, в которых содержится компонент значения, представляющий его содержание как типизированное, вызывающие у

носителя языка устойчивые ассоциации [Pavlov 1972 43-44] Например, *Regierungschef* – глава правительства,

3) композиты с *кумулятивным* значением Например, *Ohrenarzt – Facharzt für Hals, Nasen und Ohrenkrankheiten* Содержание такого слова более объемно, чем просто сумма компонентов композита,

4) композиты с *идиоматичным* (цельнонаправленным) значением, в которых семантическое содержание вообще не выводимо из значений НС сложного слова, поскольку произошел семантический сдвиг Например, *Fuchsschwanz* – ножовка

Цельнонаправленность и раздельнонаправленность в типе смыслового содержания сложного слова зависит также от представления в его структуре полной или частичной информации о лице, предмете или явлении В этой связи в лингвистической литературе принято говорить об *эндоцентрических* и *экзоцентрических* сложных словах (*exozentrische und endozentrische Komposita*) [Schmidt 1968 101, H Ortner, L Ortner 1984 66, Motsch 1999 128] Эндокомпози́ты – большая информация которых представлена эксплицитно, всей их поверхностной структурой, а определяемый компонент по своему содержанию выражен структурой таких образований Например, *Briefmarke Fernsehvolk* В экзоцентрических композитах опорный компонент по своему содержанию трансформируется в атрибут и не входит в саму дефиницию в качестве ключевого слова, таким образом, морфемная информация не отображает семантику композита Например, *Bleichgesicht* – **Bleiches Gesicht – jemand der ein bleiches Gesicht hat*

Самым продуктивным способом образования таких экзоцентрических сложных слов являются так называемые бахуврихи, в которых лицо или неодушевленный предмет называется по какому-то характерному данному предмету признаку „Eine Person oder ein lebloser Gegenstand wurde nach einem charakteristischen Teile benannt“ [Paul 1957 29]

Часто бахуврихи образуются благодаря сочетанию существительного с поссессивной семантикой в качестве второго компонента с характеризую-

щим атрибутом (*Blondhaar – * blondes Haar – jemand, der blonde Haare hat*). Однако Г. Пауль приводит также многочисленные примеры экзоцентрических композитов, представляющих собой сложносинтаксические императивные слова-предложения (*Taugenichts, Tunnichtgut, Schlagetot*), использующиеся в речи для номинации лица или предмета [там же, 31].

В рамках нашего исследования, направленного на анализ окказиональных сложных слов, как особых средств, имеющих определенную значимость в формировании индивидуально-авторской концептуальной системы, обращение к словообразовательному, синтаксическому и содержательному аспектам имеет принципиальное значение. Немецкий композит, заключающий в себе два или более понятий, является явлением семантически многомерным, содержательно реализующимся в рамках определенной словообразовательной модели, последняя, в свою очередь, выступает в качестве «когнитивной рамки», участвующей в формировании общего смыслового содержания композита.

3. СЛОВОТВОРЧЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА

3.1. Художественная картина мира в соотношении понятий «картина мира» – «языковая картина мира» – «художественная картина мира»

В последнее время выражение «картина мира» получило распространение в самых различных областях наук. Термин «картина мира» был впервые выдвинут в физике в конце XIX начале XX века. В аспекте философии и логики этот термин был использован австрийским философом и логиком Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате» [Витгенштейн 1994], в антропологию, семиотику и лингвистику он был введен немецким языковедом, одним из основоположников европейского неогумбольдтианства Л. Вайсгербером [Вайсгербер 1993].

Согласно определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин 2007:51]. Картина мира – реальность человеческого сознания. Общественное сознание характеризует зависимость духовной жизни общества от объективных явлений. Социально-историческая память – важнейшая структурная характеристика общественного сознания. Она обеспечивает сохранение обществом ранее накопленной информации, имеющей для него ценностное значение, а также аккумуляцию новой информации, вырабатываемой в ходе практической деятельности, научного познания и духовного творчества отдельных индивидуумов. Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке» [Цивьян 1990:5].

Таким образом, каждый человек, отражая в своем сознании объективно существующий мир, «неизбежно осмысливает его, переносит в свою «голову», переводит его в ментальную сферу» [Караулов 2007:219]. Картина мира – «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей активной духовной деятельности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [Маслова 2007:64].

По мнению А.Н. Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: «Это – «смысловое поле», система значений [Леонтьев 1979:5].

Принципиальным в рамках современной лингвистической науки представляется также разграничение двух картин мира – *непосредственной* и *опосредованной* [Попова, Стернин 2007:51]. *Непосредственная* картина мира или когнитивная картина – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мыш-

ления, которым располагает человек, однако в любом случае эта картина мира не имеет «посредников» в сознании и формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. Когнитивная картина мира включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности, и выступает как результат деятельности когнитивного сознания, основываясь на совокупности упорядоченных знаний – концептосфере. *Опосредованная* картина мира в отличие от первой – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную, когнитивную картину мира. Таковы, например, языковая и художественная картина мира [там же, 52-53].

В отличие от животных, поведение которых ситуативно ограничено и биологически детерминировано инстинктом, человек для своего ориентирования в мире нуждается в особых символических, опосредующих структурах – языке, мифологии, религии, искусстве, науке, с помощью которых он формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности. Так, например, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но, «в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению» [Авоян 1985:76], возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт. Формируется мир говорящих на данном языке или языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике. Слово – это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного в результате языкотворческого процесса. Оно эквивалентно не самому предмету, даже чувственно воспринимаемому, а его пониманию в акте языкового созидания [Гумбольдт 1984].

Таким образом, «языковая картина мира – это вторичное существование мира, закрепленное и реализованное в особой материальной форме – языке» [Попова, Стернин 2007:52].

Одной из форм практически-духовного освоения мира человеком является искусство. В этом плане к искусству относят живопись, музыку, театр, художественную литературу, объединяемых потому, что они являются специфическими образными художественными формами воспроизведения действительности и «в отличие от других сфер общественного сознания и деятельности искусство удовлетворяет универсальной потребности человека – восприятию окружающей действительности в развитых формах человеческой чувственности. Речь идет о специфически человеческой способности эстетического восприятия явлений, фактов, событий объективного мира как живого конкретного целого, предполагающее развитое творческое (художественное) воображение» [Дударева, Елизарова и др 2005:155].

Особая роль в системе искусств принадлежит художественной литературе, которая отражает жизнь при помощи слова. Словесное творчество является одной из высших форм отражения индивидуализированного видения реальности. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что: «проза не может ограничиваться только изображением действительного с внешнею целью одного сообщения о вещах, без возбуждения каких-либо идей или ощущений, <...> языку сообщается нравственное настроение, и сквозь стиль просвечивает душа» [цит. по Шпет 2006:166]. Художник слова, писатель, не просто воспроизводит окружающую его человеческую жизнь: каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира... Б. Рассел в своем знаменитом трактате «Человеческое познание: его сфера и границы» пишет по этому поводу: «Коллектив знает меньше или больше, чем индивидуум: он знает как коллектив, все содержание и все вклады в труды научных учреждений, но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни. Когда человек говорит: «Я никогда не смогу передать того ужаса, который я испытал, увидев Бухенвальд» или: «Никакие слова не могут выразить моей радости, когда я снова увидел море после тюремного заключения», он говорит нечто такое, что является истиной в самом строгом и точном

смысле слова: он обладает через свой опыт познанием, которым не обладают те, чей опыт был другим, и которое не поддается полному выражению в словах. Если он первоклассный художник слова, он может создать у восприимчивого читателя состояние сознания, не во всем отличающегося от его собственного» [Рассел 2000:23].

Из вышесказанного следует, что выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире представляют собой систему представлений, направленных адресату, в которой «наряду с универсальными, общечеловеческими знаниями имеются уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления» [Бабенко 2001:35]. Формирование данных авторских представлений в художественной литературе достигается «как бы благодаря постоянному льющему свет прожектору, луч которого направляется идеей художника, значимым переживанием, внушаемым его картиной мира, его тезаурусом, который в значительной своей части относится к сфере осознаваемого, сфере сознания» [Караулов 2007:95]. Писатель не только описывает и анализирует «выхваченные» его сознанием фрагменты реальной действительности, он окрашивает описываемое своей собственной эмоцией и оценкой. Художник слова – это не только активный познающий разум, он оказывает влияние на формирование мыслительной способности, «находящихся в текстовом поле языка» [Кравченко 2007:99].

В рамках теории языковой картины мира исследование авторской, художественной картины мира и языковой личности автора представляет большой интерес [Бабенко 2001, Будагов 2000, Виноградов 1930, 1959, Караулов 2007, Ларин 1974, Кузьмина 2004 и др.]. Авторская личность, стоящая за художественным текстом, нередко становилась объектом исследований лингвистов. Как отмечает Ю.Н. Караулов, аспект языковой личности автора – самый старый и корнями своими уходящий, в прошлые столетия [Караулов 2007:95]. Так в работе 1930 г. «О художественной прозе» В.В. Виноградов, ставя своей задачей исследование языка художественной литературы во всей его сложности и всем многообразии, видит элементарный уро-

вень, элементарную клеточку, отправной момент в изучении этого необъятного целого – в индивидуальной речевой структуре. По этому поводу он пишет: «Если подниматься от внешних грамматических форм языка к более внутренним («идеологическим») и к более сложным конструктивным формам слов и их сочетаний, то структура литературного языка предстает в гораздо более сложном виде, чем плоскостная система языковых соотношений Соссюра... А личность, включенная в разные из этих субъектных сфер и сама, включая их в себя, сочетает их в особую структуру <.....>. Индивидуально-словесное творчество в своей структуре заключает ряды своеобразно слитных или дифференцированных, социально-языковых или идеологически групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами [Виноградов 1930:62]. Таким образом, особый интерес для исследований представляет понятие идиостиля автора, как существующей только в единстве с совокупным содержанием словесно-художественной формы всех его произведений. Здесь можно напомнить также и о понятии идиосемантики, которое было введено В.И. Абаевым, рассматривающим данный термин как «комплекс сопутствующих познавательных и эмоциональных созначений, которыми окружено основное значение слова». В этих созначениях отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем. Именно в художественной речи значение идиосемантики особенно велико – «идиосемантика начинается там, где начинаются тонкости и нюансы» [Абаев 1948:22-23]. Как утверждает Л.А. Исаева, исследование которой было посвящено интерпретации скрытых смыслов в художественной литературе, авторский текст выполняет функцию эстетического воздействия на читателя, прежде всего вследствие существования в нем пласта скрытой информации, который должен «достраиваться читателем с опорой на имеющиеся в его сознании пресуппозитивные компоненты разного рода. Мастерство писателя понимается, как умение передать эту скрытую установку целой системой лингвистических и несобственно-лингвистических «знаков-маяков», «деавтоматизирующих» читательское восприятие и организующих процесс

«восстановления» скрытой информации. «Зона совпадения», создаваемых и воспринимаемых скрытых смыслов тем больше, чем выше мастерство лингвистического представления скрытых смыслов и способность читателя рефлексировать в области подтекста.... «Приращение» значений возможно как вследствие развития у единиц художественного текста возможности расширенной сочетаемости (синтагматика), так и вследствие образования суперструктурных парадигматических корреляций [Исаева 1996].

Таким образом, в рамках художественной литературы, особой формой мировидения является художественная авторская картина мира как «альтернатива миру действительному, физическому, заключающая в себе образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности» [Кузьмина 2004:102].

При этом необходимо отметить следующее: художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира. Не смотря на наличие индивидуализированных смысловых приращений и коннотаций, художественная картина мира является отражением культурного компонента определенной нации. В художественной картине мира помимо индивидуальной картины мира могут отражаться особенности и национальной картины мира – например, национальные символы, национально-специфические концепты и т.д. По мнению Г.Д. Гачева, «индивидуум выросший в атмосфере определенной национальной культуры, одарен талантом особого видения явлений бытия <.....> Национальная природа и дух питают интеллект и воображение своих детей, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями. Эвристическая сила национальной ментальности: дар открывать и изобретать особым образом [Гачев 1995:13].

Художественная картина мира создается языковыми средствами и воплощается:

– в отборе элементов художественного произведения;

– отборе языковых средств: использование определенных тематических групп языковых единиц, повышение или понижение языковых единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства и т.д.;

– в индивидуальном использовании образных средств (система тропов) [Попова, Стернин 2007:52].

Таким образом, обзор научной лингвистической литературы, в которой исследователи обращаются к проблеме художественной картины мира, позволяет сделать следующие выводы:

1. Художественная картина мира – опосредованная, сложная, иерархически-организованная система, охватывающая различные уровни художественного текста.

2. Материальным выражением авторской картины мира служат художественные тексты – единое текстовое пространство, произведения одного автора, взятые в совокупности.

3. Идеальным выражением художественной картины мира являются концепты, отражающие особенности смысловых приращений значений языковых знаков, функционирующих в текстах, организующим началом которых является специфика как национальной, языковой картины мира, так и индивидуальной, авторской системы представлений и образов.

3.2. Понятие художественного концепта

В центре исследований теории художественной картины мира находятся художественные концепты. В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии.

«Концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком» (Е.С. Кубрякова), как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-

когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» (А.А. Залевская), как «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя... свои разные признаки и слои» (И.А. Стернин), любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального и идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально-обозначенного субстрата (А.П. Бабушкин), «идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия (Ю.С. Степанов). Данный дефиниционный ряд можно было еще дополнить массой различных определений. Как справедливо замечает А.А. Худяков: «изучению природы концепта в современной лингвистике уделяется первостепенное значение. Однако любая попытка постичь природу концепта связана с осознанием факта существования целого ряда самых разнообразных точек зрения на нее» [Худяков 1996:97].

В рамках нашего исследования в качестве рабочего определения мы будем использовать дефиницию, предлагаемую Е.С. Кубряковой, определяющей концепт, как единицу «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996].

На сегодняшний день в современной лингвистической науке учеными принято различать познавательные и художественные концепты. Данная демаркация была предложена С.А. Аскольдовым, исследовавшим механизмы возникновения концептов: *Познавательный* концепт – это мыслительное образование, замещающее в сознании неопределенное множество однородных предметов (Например, мебель – стол, стул, кресло, диван). Концепт в таких случаях выступает заместителем реальных предметов, действий, при-

знаков или свойств объектов познания. По словам С.А. Аскольдова, «к подобным концептам не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное» [цит. по Алефиренко 2005:58]. *Художественный* концепт, в отличие от первого, – это мыслительное образование, которое не имеет жестко детерминированной связи с реальной действительностью и не подчинено законам логики. Ингредиенты художественного концепта объединяются в единое общее представление благодаря ассоциативным связям ингерентного и адгерентного характера. Благодаря своей художественной ценности концепты данного типа значительно информативнее познавательных, поскольку помимо понятия индуцируют в нашем сознании дополнительные ассоциации [там же, 58].

Художественные концепты реализуют свои потенциальные смыслы в рамках определенного контекста (литературного, культурного, социального, исторического, профессионального и т.д.). Объектом нашего исследования является концепт, реализуемый в художественном тексте.

Согласно определению Ю.А. Бельчикова, художественные концепты литературы представляют собой «единицы сознания поэта или писателя, получающие свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражающие индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Бельчиков 2003:180]. Шишкина О.Ю. определяет художественный концепт, как «ментально-языковую единицу, которая имеет имя, изначально формируется в сознании поэта, писателя и репрезентируется в художественном произведении (или совокупности произведений)» [Шишкина 2003:45].

Как справедливо отмечает Н.Ф. Алефиренко, художественный концепт тесно связан с образным восприятием, аксеологической основой которого служит, разумеется, не конкретное, а общее понятие, содержанием которого выступает не абстрактное обобщение, а «нечто родовое» в ряду представлений о познаваемом предмете или его признаках, от которых общее понятие еще окончательно не абстрагировалось. Связи его с этими при-

знаками еще живы, поэтому при восприятии художественного концепта признаки-представления, актуализируясь, способны порождать в нашем сознании различные художественные образы [Алефиренко 2005:59]. Ю.Н. Караулов определяет образы восприятия, как «наиболее типичные и чаще всего упоминающиеся элементы промежуточного языка, которые возникают как отражение в сознании реальных предметов, действий и событий и отличаются наглядностью, синтетичностью, синкретизмом и недискретностью [Караулов 2007:189]. Образ понимается автором как своеобразная невербальная заголовочность, чреватая в перерастание в более усложненный образ или развертывание в целый текст» [там же, 190].

Действительно, образность является важной особенностью художественного текста. Д.С. Лихачев, рассматривая природу художественных концептов, говорит об их способности замещать не только и не столько логически оформленное множество предметов (явлений), но нечто большее, характеризующееся ассоциативной запредельностью и как бы предполагающее его интерпретацию, домысливание в поисках по части целого [Алефиренко 2005:60]. Авторский концепт может вполне отвечать определению, данному еще в 20-е годы XX века: «Концепты – мгновенное и трудноуловимое мелькание чего-то в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей» [Аскольдов-Алексеев 1997:29]. Функционирование художественного концепта определяется особенностями семантико-стилистической системы всего произведения; эстетичность художественного текста обуславливает такой его статусный признак, как фасцинативность, представляющий собой согласно определению В.И. Карасика, «совокупность характеристик текста, превращающих его в объект притяжения для адресата...» [Карасик 2007:413] Акцентируя внимание читателя на определенных концептуальных смыслах, автор стремится эксплицировать последние различными языковыми средствами, важной задачей при этом является отбор наиболее точных и экспрессивных. Перед автором текста часто встает непростая задача – ввести лексему в такое окружение, чтобы она отражала требуемый концептуальный смысл вопреки ограничениям своего лексического

значения, заданной языковой нормой. Поэтому при моделировании художественного концепта особую значимость приобретает синтагматический аспект языковых средств: Если описание концепта в словаре, в словарном составе национального языка в первую очередь основано на изучении парадигматических связей слов, и, соответственно, на парадигматическом анализе, то исследование концепта в тексте предполагает учитывать наряду с парадигматическими преимущественно синтагматические связи слов. Концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу. [Бабенко 2001].

Также необходимо подчеркнуть, что концептуальные смыслы художественного произведения наряду с основными узуальными языковыми средствами нередко репрезентируются различными индивидуально-авторскими средствами, таким образом, особый интерес в исследовании формирования индивидуально-авторских концептуальных смыслов представляют действия отклонения от нормы, которые по наблюдениям Н.Д. Арутюновой, проходя через сферу общения, отлагаются в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве, поэтому «индивидуально-авторское знание противоречий между нормой и отклонением от нормы (девиацией), определяя концептосферу художественного текста, может отражаться в использовании языковых средств его создания» [цит. по Петрова 2004:179].

В рамках нашего исследования как особые средства репрезентации художественного концепта будут рассмотрены окказиональные субстантивные композиты, характеризующиеся семантической и прагматической емкостью, представляющие собой «сложные смысловые структуры», мотивированные не только значениями составляющих их компонентов, но и зачастую целыми «суждениями», выводимыми из макроконтекста [Кубрякова 2008:37]. Получая в художественном тексте определенные индивидуальные смысловые приращения, сложные окказиональные субстантивные номинации акцентуализируют эмотивно-смысловые доминанты текста, выступая в качестве особых художественных «экспрессем».

Глава II. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ КОМПОЗИТООБРАЗОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Э. ЕЛИНЕК

1. СЛОЖНЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА ПОСТМОДЕРНИЗМА Э. ЕЛИНЕК

Бытие оставило множество следов, они разноцветные, чтобы каждый мог продолжать путь по тому следу, который ему подходит, и попасть в нужный отдел мышления. Мне же хочется обладать всеми следами, все они одинаково нужны.

Э. Елинек

Я занимаюсь критикой языка, „das, was ich kritisiere, ist immer die Sprache“ – неоднократно заявляет Э. Елинек [Zenke 1991:13]; «я вынуждаю язык обнаружить свой ложный идеологический характер, я, так сказать, подвергаю язык порке, чтобы он, вопреки своему желанию, говорил правду» [Белобратов 2005: 233]. Действительно, язык «в умелых руках писательницы», перестает быть просто языком, а становится тем материалом, из которого она способна «высекать искры» [там же, 233], создавать необычные языковые узоры «Sprachmuster» [Hoffmann 1991:42].

Нацеливая читателя на языковую игру, писательница не стремится поразить его лишь нетривиальностью и эпатажностью формы, напротив, языковая игра Елинек заставляет проникнуть в безмерную глубину содержания, предъявляя читателю массу языковых и интеллектуальных требований. Следуя традициям Венской группы¹, она прибегает к различным языковым экспериментам. В своих произведениях она сталкивает «реальное» и «фантастическое» (так например, в романе «Дети мертвых», реальные собы-

¹ “Венская группа” — неоавангардистская литературная группа австрийских писателей (Х. К. Артман, К. Байер, Г. Рюм, О. Винер, Ф. Ахляйтнер), существовавшая с начала 1950-х до середины 1960-х годов и ориентировавшаяся на язык как на самодовлеющую знаковую систему, не связанную с реальностью и свободно реализующую себя в игровом и экспериментальном пространстве

тия постоянно переплетаются с мистическими), «возвышенное» с «тривиальным» (в романе «Похоть» цитаты из Гёльдерлина вдруг вклиниваются в клишированный язык толпы), «простое» и «сложное» (простота и краткость изложения вдруг сменяется тяжеловесностью словесных форм).

Наиболее отчетливо эксперимент в творчестве автора обнаруживает себя в деконструкции – важнейшем постмодернистском методе, предполагающем деиерархизацию всех сфер культуры, разрушение традиционных представлений о целостности, стройности, законченности эстетических систем, отказ от табу и границ [Скоропанова 1999, Жеребкина 2000, Киреева 2004]. Экспериментаторство Э. Елинек никоим образом не следует считать эстетической самоцелью: «его смысл лежит в плоскости идейно-нравственных поисков автора, выступающего с критикой уродливых проявлений жизни современного западного социума» [Воротникова 2007:140]. Все творчество романистки пронизано неприятием к стандартизации, усредненности, подражательности, маловыразительности, ставшими слишком узнаваемыми приметам культурного ландшафта, которыми привык руководствоваться обыватель в своих поступках.

Трудно определить природу и стиль текстов Елинек. Писательница делает переход от прозы к поэзии плавным и естественным, часто использует ритмическую прозу, вставки из театральных спектаклей, сцены из фильмов.

Особенно четко в произведениях автора проявляется пристрастие к технике бриколажа или цитатного совмещения несовместимого, ризоматичному представлению действительности², открытости многозначности знакового кода, дающей ощущение «мерцания» значений, плюрализму культурных языков, моделей, стилей; травестийному снижению классических образцов, иронизированию, пародированию, метаязыковой игре с текстом, окказиональному словообразованию. В настоящее время существует множество критических работ, посвященных различным аспектам творчества авст-

² Ризома – термин постструктурализма и постмодернизма. Ризома – специфическая форма корневища, не обладающая четко выраженным центральным подземным стеблем. Французские исследователи использовали метафору Р в противовес понятию структуры как четкой системной и иерархически упорядоченной организации природных, социальных, научно-логических и культурных явлений.

рийской писательницы. В работах исследовались особенности построения образной системы [Schestag 1997, Bormann 1990], феминистская направленность произведений [Beth 1994, Spielmann 1991, Klausenitzer 1991, Vis 1998], своеобразие стиля в рамках литературного постмодернизма [Lücke 2008], проблема интертекстуальности [Акашева 2009], тематика разоблачения сложившихся общественных стереотипов [Fischer 1991, Воротникова 2006, Ярина, Залесова-Докторова 2005]. Мнения критиков относительно произведений Э. Елинек также противоречивы и разнообразны, как и многоуровневая организация текстов писательницы, сочетающая использование жанровых кодов как массовой, так и элитарной литературы. Ее часто обвиняют в ненависти к современному обществу, выставляют агрессивной феминисткой, ей также восхищаются, восхваляя неординарность и радикальность литературного стиля за счет своеобразия авторских решений на формальном уровне, уводящих в бесконечные смысловые лабиринты.

Как отмечает, А.В. Белобратов, который перевел немало произведений писательницы на русский язык, «слова Елинек своевольны, они способны отвязываться от привычных грамматических и синтаксических форм и, наоборот, назойливой сворой увязаться вслед за клишированной конструкцией и замызганным от постоянного употребления оборотом. Слова ее то плотно смыкают синонимичные ряды, то размыкают семантическое пространство, распадаясь на пары антонимов, повязанных фразовым единством. <...> Работа и эта игра – почти немислимое занятие, провоцирующее читателя, ставящее его в тупик. Оно вызывает в нас и неудовольствие и увлеченность и раздражение и потребность в чтении...» [Белобратов 2006:315].

Тяга писательницы к литературному эксперименту отчетливо проявилась уже в самый ранний период творчества сначала в поэзии, а позднее и в прозаических произведениях. Так, первый роман Э. Елинек «Мы всего лишь приманка, детка!» (Wir sind Lockvögel baby!) построен на трансформации реалий поп-культуры 60-х годов. В духе литературного сюрреализма, данный роман создан на основе приема «cut-up» (англ. монтаж), заключающе-

гося в спонтанном и произвольном соединении друг с другом газетных или текстовых вырезок. Текст романа просто напичкан знаменитыми именами: герои голливудских сериалов, музыкальные иконы, герои Диснея и криминальных хроник, известные политические деятели и персонажи комиксов то всплывают, то снова исчезают в пучине текста, словно самопроизвольно возникающая субстанция, единая система понятий, бесконечно репродуцируемых макетов тривиальности: «eine willkürlich erzeugte Einheit, sein einziges Bezugssystem sind die endlos reproduzierbaren Muster der Trivialen» [Lücke 2008:48]. В книге отсутствует последовательность изложения. Более того, писательница сама предлагает читателю немедленно изменить эту книгу по своему вкусу, заменить все заголовки на свои и поддаться соблазну перемен за рамками дозволенного: «sie sollen dieses buch eigenmächtig verändern. sie sollen die untertitel auswechseln. sie sollen hergeben & sich überhaupt zu VERÄNDERUNGEN außerhalb der legalität hinreißen lassen » [Jelinek 2004].

Эта нерасчлененность и «кашеобразность» информации, среди прочего, подчеркивается и пунктуацией, а вернее, ее отсутствием, нет в тексте и прописных букв – притом не только в существительных, но и в начале каждого предложения. В текст нередко вкрапляются слова, заимствованные из английского языка, и даже немецкий союз und заменен на английский &.

Ср.: *micky & minny trotten dahin und plötzlich sind sie mitten im tobenden verkehr angelangt und wissen nicht vor oder zurück*

eine hölzerne nackte frau stakte stereotyp vom brunnen zum krug und vom krug zum brunnen der guerillakrieg machte ihr arg zu schaffen klack klack see how they run! [Jelinek 2004:56].

На первый взгляд такая манера изложения может показаться хаотичной, сумбурной путаницей мыслей. Однако такая хаотичность информации манифестирует главную авторскую идею, направленную на освещение проблемы влияния реалий массовой поп-культуры на человека. Рекламные слоганы, реплики из телевизионных передач, клишированный язык дешевой литературы, слова в припевах известных шлягеров ежедневно бесконечным

напористым потоком обрушиваются на человека, вклиниваясь в его сознание, формируя такие же клишированные, тривиальные представления о реальной действительности

Тему влияния тривиальных мифов на человека писательница продолжила также в романе «Любовницы» («Liebhaberinnen»), который является саркастичной пародией на бульварный любовный роман В «Любовницах» «автор как бы играет с наивным читателем, чьи ожидания традиционной любовной истории разбиваются с первых же строк о заостренную сатиру, призванную разбить стандартные представления о взаимоотношении полов» [Воротникова 2006 57] Героини романа молодая фабричная работница Бригитта и деревенская девушка Паула пытаются устроить свою личную жизнь, воплотить свои мечты и ожидания, выйти замуж и быть счастливыми Каждая выбирает свой путь, определяющий их дальнейшую судьбу В этом романе, как и во многих произведениях автора, на первый взгляд изложение может показаться более чем реалистичным, однако эта конкретность текста Елинек, связанная с материальным и социальным миром, не способна просто укладываться в рамки «реалистичного», т к в «точке схождения (в «интерфейсе»)» находится мир реальный и его отражение в языке [Белобратов 2005 2003] Герои романа определяются языком, но не в классическом смысле, они созданы из фраз, из устойчивых выражений и клише Такая искусственно сконструированная действительность помогает увидеть привычные реалии современной жизни в несколько ином ракурсе Отношения между мужчиной и женщиной представлены совсем не так идеалистично, как это принято в любовной литературе Любовь описывается как деловые отношения в терминах марксовской политэкономии мужчина – покупатель, а женщина – предмет купли-продажи «die Liebe wird als ein Okonomisches Verhältnis beschrieben die Frau ist die Ware, der Mann ist der Käufer» [Fischer 1991 29] «Овеществление» чувств, понижывающее весь роман, «приводит к тому, что и сами елинековские герои утрачивают черты живых существ, превращаясь в винтики гигантской машины производства»

потребления» [Воротникова 2006.57] Столкновение различных функциональных стилей, многочисленные повторы, парафразы, аллюзии, трансформированные, умышленно искаженные цитаты служат в произведении разоблачению, деконструкции языка, навязывающего стереотипизированные представления о жизни

Склонность к словесной игре, намеченной в «Любовницах» разворачивается и в романе «Перед закрытой дверью» (die Ausgesperrten 1980) В этом произведении, как и в предыдущих, развивается тема разоблачения тривиальных романов Только на этот раз пародии подвергается не любовный роман, а жанр просвещающей литературы с ее утопическими идеями развития индивидуализма личности в процессе интеграции в общественную жизнь «die Ausgesperrten ist eine böse Parodie auf den Bildungsroman mit seinen Utopien der freien Entfaltung des Individuums bei gleichzeitiger Integration in die Gesellschaft» [Janz 1995 44] В романе затрагивается проблема конфронтации господствующих и подчиняющихся социальных классов, проблема самоидентификации простого обывателя в обществе, противопоставление социальных и психологических мотивов развития личности «Перед закрытой дверью» – это роман, основанный на реальных событиях, рассказывающий о группе подростков, которые, желая вырваться из тени старшего поколения, под покровом темноты нападают на прохожих Под пером Э Елинек разматывается неумолимая нить от обыденной скуки подростка до топора в его руках Действие происходит в то время, когда наступила своего рода переходная эпоха с одной стороны те, кто сотрудничал с нацистами во время войны, а с другой подрастающая молодежь, сталкивающаяся с этой страницей истории, но и одновременно вовлекаемая в новую индустрию молодежной эпохи И опять при помощи языка писательница искусно воссоздает эту картину истории, находящуюся на пересечении разных силовых полей, эту временную многомерность из старого, уходящего и нового, возрождающегося

Глубоким психологизмом пронизан также известный широкому кругу читателей роман «Пианистка» (Klavierspielerin 1983), являющийся одним из

автобиографичных произведений автора. В романе поднимается непростая проблема любовного треугольника: мать – дочь – мужчина. Главная героиня Эрика Кохут, пианистка, словно подвергается психоанализу на протяжении всего повествования. Ее художественный образ складывается из взаимозависимых психологических и социальных мотивов, классических психоаналитических «фрейдовских» стереотипов со всеми фобиями и комплексами. Однако «претензии Эрики на духовность, внутреннюю наполненность не подтверждаются, поскольку статичный образ овеществляется, уподобляясь музыкальному инструменту..., плоть героини представляет собой некую оболочку, которую она расчленяет, разделяет, чтобы пробудить чувствительность» [Ярина 2008:169]. Используя многочисленные повторы, различные парадоксальные каламбуры, языковые игры, основанные на ассонансе, в «Пианистке» Э. Елинек играет на тончайших диссонансах смыслов и значений, скользя по семантической глади слов, словно по клавишам фортепьяно.

Необычный проект антипорнографической литературы реализуется Э. Елинек в романе «Похоть» (*Lust* 1989), основной темой которого становится власть над человеком СМИ и порно-индустрии. Впрочем, как и во многих произведениях Э. Елинек, отношения между мужчиной и женщиной, сексуальные отношения представляются писательницей как чисто прагматичные, отношения господствующих и подчиняющихся, где женщине достается удел объекта, на который направлена власть. В языковом отношении в романе используются все средства для того, чтобы раскрыть, разрушить, деконструировать клишированные представления о женской сексуальности, преподносимые в культурном дискурсе. Колоссальный интертекстуальный материал, перерождаясь заводит читателя в глубины авторской мысли, языковая игра на протяжении всего произведения, заставляет вчитываться, вдумываться, домысливать, открывая новые горизонты возможностей языковых знаков.

Еще наиболее впечатляющее отражение «страсть к словам» писательницы нашла в романе «Дети мертвых» (*die Kinder der Toten* 1995). Эта книга объемом свыше 660 страниц с необычайно сложной композицией и пробле-

матикой по праву считается апогеем творческой мысли автора. В этой книге – все: и тривиальность СМИ, и разоблачение писательницей нацистского наследия страны, и деконструкция стереотипов общественных отношений, и тема человека и природы. В романе мертвецы воскресают, переселяясь в чужие тела. Э. Елинек пишет от имени неотомщенных мертвых: «одни уже мертвы, а другие живы, жертвы уже мертвы, а преступники переживают их» [Белобратов 2005:233]. Эта несправедливость как «рана, которая не затягивается» [там же, 233]. Э. Елинек, стремящаяся показать всю правду жизни, на этот раз обращается за помощью к мертвецам, заглядывая по ту сторону, куда мертвые навсегда уносят с собой тайны живых. В её фантазии на тему: «А что случится, если мертвые вдруг воскреснут?» социальные мифы и идеологии рушатся как карточные домики от ледяного ветра, дующего со стороны запредельной реальности.

Деконструкция в традициях литературного постмодернизма определяет представление, видение мира писательницы, цельность развиваемой художественной идеи. В произведениях Э. Елинек, образующих индивидуально-авторское художественное пространство, семантико-стилистическое единство используемых словесных средств, в рамках индивидуальной авторской системы, целенаправленно преобразуется в семантические, сочетаемостьные, экспрессивно-стилистические и словообразовательные свойства и соотношения. Данные преобразования и трансформации словесных знаков, связанные с творческим характером художественной речи, актуализируют личностные смыслы, отражают существенные черты литературного направления, к которому принадлежит писательница: «языковая форма соотносит содержание текста с «затекстовой реальностью», так как между действительностью и художественным текстом лежит процесс отражения, который включает в себя логическую и эмоциональную интерпретацию действительности» [Левина 2005:113]. При этом необходимо подчеркнуть, что далеко не последнюю роль в формировании личностных представлений в художественном дискурсе Э. Елинек играют окказиональные лексические

средства. Автор часто создает посредством словотворчества свежие нетривиальные образы и использует максимально креативные возможности языка. В палитре окказионального авторского словопроизводства содержатся самые разнообразные лексемные единицы, представляющие различные части речи: существительные, глаголы, наречия, прилагательные и т.д. Но для нас особый интерес в рамках данного исследования представляют окказиональные композиты, как единицы, наделенные особой прагматической и семантической емкостью, поражающие своей многоплановостью и многомерностью, порой безграничностью ассоциативных связей.

Анализируя собранный нами эмпирический материал из 6 романов Э. Елинек, можно выделить определенные тематические группы художественной картины мира автора, в которых окказиональные композиты выступают в роли экспрессем, актуализирующих коннотативные, индивидуально-смысловые оттенки исходных понятий, участвующих в формировании данных конструкций.

Так, например, **интерес автора к реалиям общественной жизни, взаимоотношениям между социальными классами** особенно отчетливо проявляется в таких словосложениях, как *Bruttosozialprodukt, Elitenhaufen, Intelligenzbestie, Gesellschaftspiel, Einkommensklasse, Betriebsausflugler, Fortgeschrittenen-klasse, Ervolksgenossen, Gesellschafts-Gletscherspaltern, Übermenschentum, Mitmenschen.*

Авторская идея искусственного конструирования описываемой действительности как некой модели, языкового макета манифестируется в следующих окказионализмах: *Existenzaufbau, Schöpfungsähnliche, Menschenplaste, Menschenmodell, Menschenplan, Menschenprojektion, Spezialmensch, Durchschnittsmensch, Menschenmaterial, Zwischenmensch, Menschenprodukt, Menschenform, Menschenzeug, Menschenteil.*

Ориентация на обладание, общество как бесконечный процесс производства-потребления: данная тематика прослеживается в индивидуально-авторских композитах: *Nichtbesitzer, besitzerstolz, zweifamilienbesitztü-*

mer, fremdeigentümer, Normalvebraucher, Erstverbraucher, gebrauchfähigkeit, Verbraucherstoßzeit, vermögensbildung

Тема влияния источников СМИ на жизнь общества прослеживается в окказиональных конструкциях: *Fernsehleben, Fernsehgewaltige, Fernseh-Miniaturwelt, Fernsehtabernakel, Fernsehfertigménü, Fernsehkoch, Fernsehliege, Fernsehliebling, Titelschönheit, Zeitschriftensprache, Hochglanzbildung, Vorabend-Serientäter.*

Овеществление, опредмечивание чувств, связанных с внутренним миром и духовной деятельностью человека репрезентируется такими индивидуально-авторскими конструкциями как *Gefühlswesen, Gefühlsnebel, Gefühlsding, Gedankensplitter, Gedankenwurst, Kulturschutt, Kulturbrei, Gedankenkoffer, Gedenkspeise, Glückschimmer, Gedanken-Wasserwelle.*

Гендерная тематика, которой в произведениях Э. Елинек уделяется особое внимание, актуализируется окказионализмами: *Geschlechtshaufen, Geschlechtshaus, Geschlechtsnarkose, Geschlechtsbäumchen, Geschlechtsbetrieb, Geschlechtsbinkel, Geschlechtswurzel, Männerrudel, Männerwelt, Weltskerl, Einmann-Menschheit, Herrenspiel, Kinderfleisch, Kinderbrei, Engerlindsäugling, Lausbub* и др.

Тема природы репрезентируется окказиональными композитами: *Naturtheater, Naturbühne, Naturschauspiel, Naturschauspieler, Naturrecht, Sonnengesicht, Sonnenhauch, Sonnenkübel, Wolkenfinger, Bodengesicht, Nebelgesicht, Bodenhaut, Waldkörper, Waldschamhaar, Wetterbeichte, Fichtenfrisur, Baumsenior, Windsbräutigam, Tierwolke, Wasserfinger.*

Многокомпонентность сложных окказиональных номинаций позволяет воплощать писательнице самые разнообразные и неординарные решения в изображении описываемой реальности, выражать индивидуальные представления, связанные со спецификой художественного мышления, которая проявляется в их структуре и семантическом содержании, получающем синтагматическую развертку в контексте. Поэтому комплексный анализ данных словообразовательных конструкций с учетом структурных, семантических,

а также особенностей, обусловленных дискурсивными факторами, становится важной задачей в рамках нашего исследования

2. Словообразовательная, структурно-морфологическая характеристика окказиональных композитов в произведениях Э. Елинек

С точки зрения словообразовательной, структурно-морфологической характеристики окказиональных композитообразований в произведениях Э. Елинек можно выделить следующие виды словосложений *сложные слова, сложнопроизводные слова, сдвиги*

Сложные слова являются самой многочисленной группой композитов среди окказиональных словосложений автора. Анализируя авторские композитообразования, состоящие из двух компонентов, мы выделяем следующие словообразовательные модели

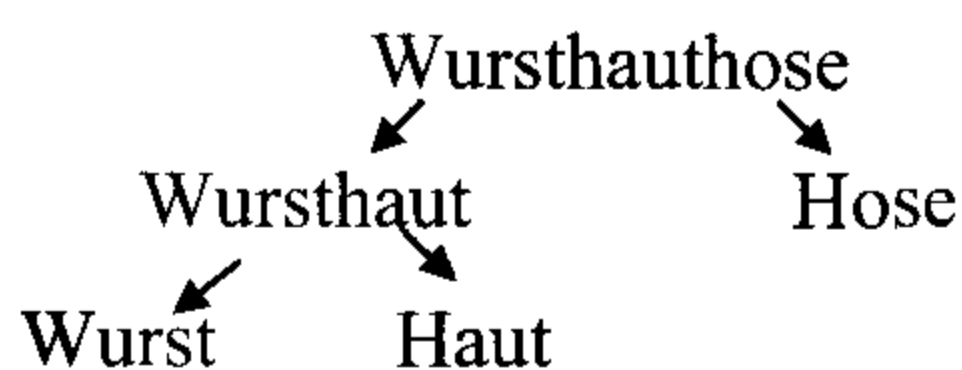
	Словообразовательная модель	Примеры	Кол-во
1	S + S (сущ + сущ)	<i>Kopftorte, Lebensschuh, Musiknarr</i>	46
2	Eigename + S (имя собственное + S)	<i>Hansbub, Edgarfleisch, Kohutmutter, Kohutdamen Erikaarm, Karinmutter</i>	47
3	Verballstamm + S (глагольная основа + сущ)	<i>Sperrojekt, Duzfreunde, Belebenshauch, Warteschleife, Schmollmund, Denkraume</i>	34
4	Adj + S (прилагательное + сущ)	<i>Originalhaut, Dunnbrett, Gesamtkorper, kuhlprozess, Smuttschicht</i>	31
5	Num + S (числительное + сущ)	<i>Zweitgangerin, Zweitperson, Zweithaus, Zweitwesen</i>	14
6	Präp + S (предлог + сущ)	<i>Nebenspieler, Hintermann, zwischenmensch, zwischenruhe, Uebermenschen-tum</i>	12
7	Negativpronomen + S (отриц мест + сущ)	<i>Niemandland, Niemandsgesicht, Niergendsland, Niergendsgesicht</i>	6
8	Nicht + S (отр частица nicht + сущ)	<i>Nichtmund, Nichtgerausch, Nichtbesitzer, Nichtteilnahme</i>	6
9	Adv. + S (наречие + сущ.)	<i>Herumspinnerei, Daherlaufer, Immerwieder-Aufstieg, Vielemalstrom</i>	7

10	Konfix³ + S (конфикс + сущ)	<i>Turbo-Fleisch, Mini-Perucke</i>	5
11	Abr. + S (аббревиатура + сущ)	<i>KZ-Geschichte</i>	1
12	Interrogativpronomen+S (вопр местоимение + сущ)	<i>Wieviel-Ende</i>	1

Помимо двусложных композитов автор создает также и более распространенные словосложения (*mehrfache Komposita*) [Schmidt 1968 96], состоящие из трех и более компонентов. Например *Fußgesundheitsholzsandale, Stikereiwarenladenbesitzerin, Naphtalinenwintermantel* и т.д. Во многих случаях для облегчения восприятия подобных громоздких конструкций автор использует так называемый поясняющий дефис (*Durchkoppelungs-oder Erleuterungsbindestrich*) [Donahies 2005 56, Altmann, Kemmerling 2005 34] (*Aufzieharmonika-Ton, Vorabend-Familienserie, Tennis – Falschspieler, Super-Betonschuh, Straßen-Schutzkleidung*)

В зависимости от логико-семантической членимости подобных композитообразований на компоненты можно выделить три основные группы

1) композиты, в которых на компоненты распадается левая часть (*linksverzweigte*) [там же, 56]

Среди левосторонних композитообразований Э. Елинек можно выделить следующие модели:

1 (S + S) + S – *Wursthauthose, Lederhosenboden, Tellerfleisch-Miene, Mundhohlensiphon, Forsterkinderkopf, Schallplattenstadium, fernfahrervater, Bilderbuchbekleidung, Samstagabend-Show, Todeswindelhose, Luftkissen-Bezug,*

³ Под данным термином мы вслед за В. Фляйшером и И. Барцем понимаем морфему не употребляющуюся в качестве самостоятельного слова, но часто используемую для образования композитов («Konfix – ein gebundenes Grundmorphem, das nicht wortfähig ist, sondern nur in Kombinationen mit anderen Morphemen auftritt») [Fleischer, Barz 1995 25]

Fleischbluterstaub, Lebenssaft – Pumpe, Taschenlampenraupe, Bleibandabschluss, Faserschmeichler-masse usw ,

2 **(Adj + S) + S** – *Hochglanzbildung, Hochtouren-Bekleidung, Rotfuchsbau, Kleinspur-Ski, Kleinhauslersohn, Blechgesicht-Freunde, schlechtezahneatem, Ganzkorpereinigung, Großstadtlarm, Fixbeutel – Stern, kurzwarenvertreter usw ,*

3. **(S + Verb) + S** – *Teewarm –Gewand, Pausenfull-Geschopf ,*

4 **(Präp + S) + S** – *Nachempfangnis – Spaß, Übermenschengroße, unterhautgewebe,*

5 **(Num +S) +S** – *Vierundzwanzigstundenrennen, Viertakt-gefühl, Zweifamilien-besitztumer, Einfrauen-Liga,*

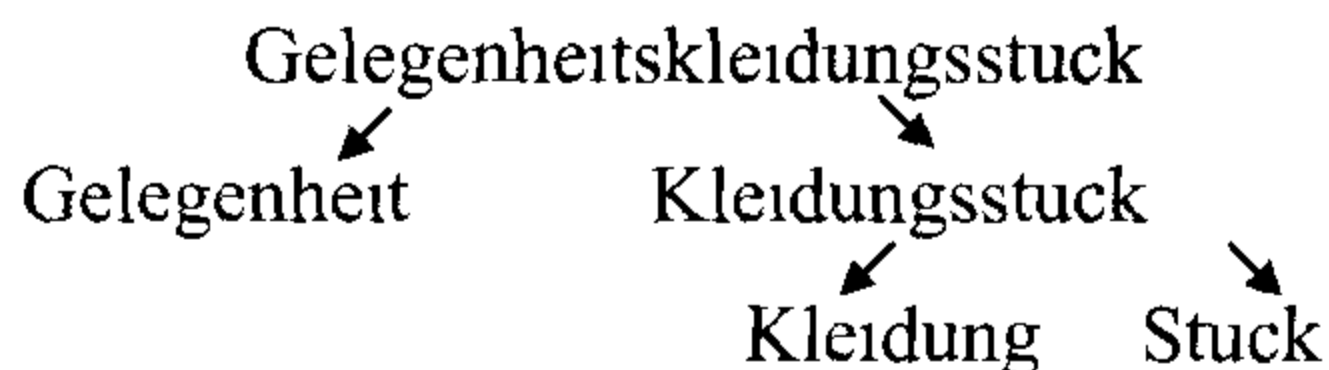
6 **(Adj + Adj) + S** – *Halblanghaar,*

7 **(Präp + Adj) + S** – *Überweitpullover,*

8 **(Konfix + S) + S** – *Minirockphase,*

9 **(Abr. + S+Adj + S) + S** – *ORF –Geschmackriesengarnellen- Combo .*

2) композиты, в которых на компоненты распадается правая часть (rechtsverzweigte) [там же, 56]

Правосторонние окказиональные композиты образуются согласно следующим моделям

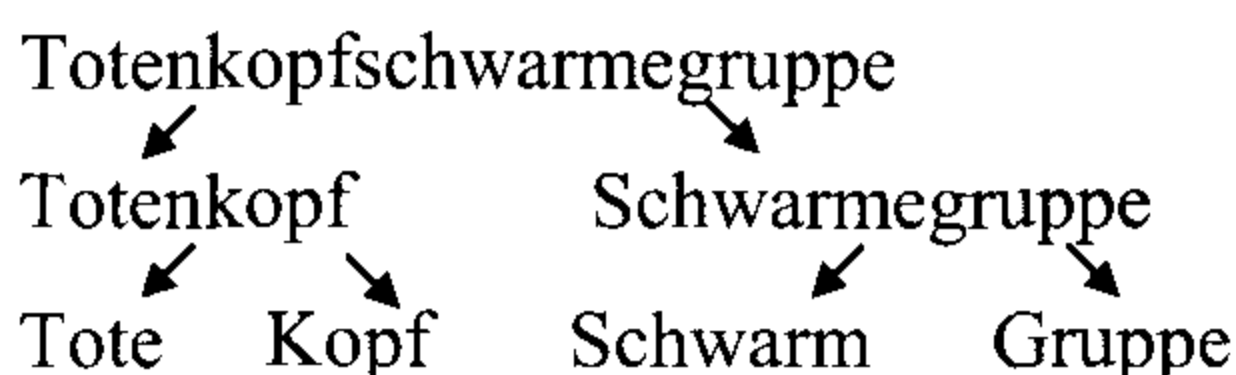
1 **S + (S +S)** – *Schwochenende, Naphtalinwintermantel, Menschenersatzbank, Augen-Schafthalle, Gelegenheitskleidungsstück, Waldschamhaar, Ersatz-Menschenteil, Raum-Zeitkontinuum, Straßen – Schutzbekleidung, Eierhandgranate,*

2 **S + (Verbalstamm + S)** – *Rhythmus-Schmusegruppe, Vater – Anzapfsaule ,*

3 **S + (Adj + S)** – *Abend –Rustikalgarderobe, Manner- Spatlese, Plastik-Freiraum,*

- 4 S+ (Adj + S+S) – *Abschaum- Hochzeitstorte*,
- 5 S + (Präp. + S) – *Huhn – Missgeburt*,
- 6 S + (Konfix + S) – *Augen- Expreßdienst*,
- 7 Personennahme + (S+S) – *Marika – Rockstreife*,
- 8 Adv. + (Adj +S) – *Brutto – Sozialprodukt*,
- 9 Konfix + (S + S) – *Top-Totenhohle, Multi-Energieriegel, Thermo-Flaschenbekleidung, Super –Betonschuh, Nitro-Gedankenverduhner*,
- 10 Abr. + (S+S) – *PKW-Nistkasten, TV –Liebessessel*,

3) двусторонние композиты, в которых компоненты можно выделить, как в левой, так и в правой части словосложения (beidseitigverzweigte) [там же, 56]

Двусторонние окказиональные композиты можно **классифицировать** согласно следующим моделям

- 1 (S+S) + (S+S) – *Stikereinwarenladenbesitzerin, Kammermusikgastgeberin, Musikantenstadl-Schlußumzug, Totenkopfschwarmegruppe, Fußgesundheitsholz-sandale*
- 2 (S+S) + (Adj +Verbalstamm+S) – *Abendlicht – Doppelblindversuch*
3. (Adj + S) + (S +S) – *Blaumilch –Eierkanal, Dunnbrett –Plattenhoren*
4. (Präp + S) + (S +S) – *Vorabend –Serientater, Vorabend-Familienserie*

Более половины всех композитообразований, а именно 707 окказиональных единиц относится к многокомпонентным словосложениям

Сложнопроизводные композитообразования в произведениях писательницы представлены следующими моделями

1. **Словосложение + суффиксация (Zusammensetzung + Suffigierung)**

Посредством данного способа в рамках авторского композитообразования создано 30 словосложений

Для создания подобных конструкций автор часто использует продуктивные модели с суффиксами *-ung*, *-er*, *-in*

- **ung** – *Engführung, Geldherbeischaffung, Bundesbahnschulung, Familienbefrachtung, Korperverschwindung, Eheverfehlung, Fleischwerdung, Sinnes-tauschung, Subjektwerdung, paulaknackung*

Суффикс *-ung* в данном случае в комбинации с распространенными глагольными конструкциями способствует созданию абстрактных номинаций со значением действия, процесса «*das Geschehen und übergreifende Handlung und Verlauf in der Zeit*» [Fleischer 1971 156].

При помощи суффикса *-er* автор создает следующие композиты

- **er** – *Wahrheitssager, Normalverbraucher, Erstverbraucher, Spielverderber, geldverschlinger, T-Schirtrager, Befehlhaber, Essenverschlinger, Sauerstoffatmer, Muntermacher, Futterverwerfwer*

Как видно из приведенных примеров, суффикс *-er* в комбинации с распространенной глагольной конструкцией номинирует лицо мужского пола по его роду деятельности, характерному признаку “*nach einem auffallenden Merkmal*“ [Riesel, Schendels 1975 181] Необходимо также обратить внимание на то, что в некоторых примерах окказиональные композитообразования с суффиксом *-er* характеризуются негативным, пейоративным стилистическим значением, особенно в случаях, когда сама производная основа содержит пейоративные семы „*In Fallen, in denen ihn (pejorativen Charakter) bereits die Bedeutung der Basis zum Ausdruck bringt* [Fleischer 1971 134] (ср *Essenverschlinger, Sauerstoffatmer*)

Сложнопроизводные, суффиксальные композиты автор создает также при помощи суффикса *-in*.

- **in** – *Zeitspringerin, Musikbezwingerin, Nasebluterin, Dirndlträgerin, Kostumtragerin, Todesbotin, Lebensbegleiterin*

Продуктивный суффикс *-in* в данном авторском словопроизводстве служит созданию сложных субстантивных номинаций «для обозначения лиц женского пола по роду занятия, деятельности» [Зуев 1979.243]

2. Словосложение + субстантивация (Zusammensetzung + Substantivierung)

84 композитообразования в произведениях писательницы образуются посредством конверсии Номинализации в результате словотворчества автора подвсраются следующие синтаксические комплексы

инфинитивные группы

Obwohl der Forster vom Wald-und Tieranschauen (und Tierkaputtmachen) weiß Niemand, der in das Werden versetzt ist, kann dem entliehen [Jelinek 2004 577]

die Mutter schlägt Fensteroffnen und Korperschließen vor [Jelinek 2004 215]

- глагольные конструкции:

Paula denkt oftmals an das Gefühl des beneidet- und bewundertwerdens [Jelinek 2004 102],

erich ist ungeubt im geliebtwerden [Jelinek 2004 115],

und in diesem Verhülltwerden können sie endlich wieder auftreten [Jelinek, 2004 464]

in diesem speziellen fall bedeutet ein kennenlernen ein entkommenwollen, bzw ein nichtauskommenlassen und festhalten [Jelinek, 2004 12]

- партиципные группы:

Здесь необходимо также отметить, что в зависимости от направленности действия, данные номинализированные конструкции выражают либо действие активного характера (nomina agentis) (*Bis hierher verfolgt die Stadt mit ihrem Larm den Erholungssuchenden [Jelinek 2004 256], Emporfliegen will sie zum Exotischen zum Sinnebetaubenden [Jelinek 2004 63], eine manierliche Herde Schutzsuchender [Jelinek 2004 14]), либо действие пассивного (nomina patientis) характера (*was sie weiter über sie senkt, ist dieser menschliche Teewarmer aus Erschlagenen, Gehenkten, Vergasten, Erschossenen Goldzahnausgebrochenen [Jelinek 2004 30], was man bei Fertiggekauftem nie weiß [Jelinek 2004 36], Diese Frauen, alle in frisch geschlagener, schaumig gerührter Wolle kuchleinhaft plustrig in Selbstgestrickten [Jelinek 2004 369]**

- сложные прилагательные

В некоторых случаях в разряд сложных существительных **переходят** сложные прилагательные Нам удалось выявить 3 подобных случая

Will der Universal Resteverwerter aus Toten wieder Lebendige machen also das Altstoffliche verwerten [Jelinek 2004 369]

Inzwischen enthüllt sich mir ein grauer ein grauenhafter Ort, das Kellergeschoß des so genannten Kunsthistorischen [Jelinek 2004 557]

Das Kreatürlich-Körperliche ist Erika ein Abscheu und eine standige Behinderung auf ihrem gerade vorgezeichneten Weg [Jelinek 2004 97]

Сдвиги в произведениях писательницы являются малопродуктивной моделью образования сложных слов Согласно данной словообразовательной модели произведено всего 9 композитов Индивидуально-авторские сдвиги создаются Э Елинек посредством номинализации следующих синтаксических конструкций

- существительное с зависимыми словами

Gudrun draußen-vor-der-Tur sieht sich jetzt im Anschnitt schrag von hinten, was ist denn in sie gefahren? [Jelinek, 2004 165]

An dieser berühmten Rampe, die das Nichtschwimmer-vom Schwimmbcken segregiert [Jelinek, 2004 250]

ein Engelsturz, der sich nur endlich aufrappelt und in einer Hecht-in-Aspiktrolle durch die Glasglocke wirft [Jelinek, 2004 109]

- глагольные группы с зависимыми словами

Er lasst sich noch kurz Zeit zum Dehnen und Strecken zum Stretchen, Gratschen und Ausderhautfahren [Jelinek, 2004 345]

Von hoch oben herab pflegte sie nach strengsten in nachtelanger Grubearbeit ausgearbeiteten Kriterien Oberschenkel zu beurteilen, entbloßt bis zum Gehnmichtmehr und noch weiter [Jelinek, 2004 165]

- повелительные предложения

Gut, nach der Behandlung durch Tuklar und Scheuenemand also erscheint die ganze vollendete Natur eines jungen Mannes wie sie schoner auch die Werbung nicht klingen lassen konnte [Jelinek, 2004 621]

- повествовательные предложения

Da können sich die alten Herzileins Dumußnichtraurigseins die Finger an den Tuben und Glocken wunddrucken [Jelinek, 2004 165]

- адвербиальные группы

So lacherlich wie Schnelligkeit eben ist, ein leeres Undsoweiter (sagt H)...
[Jelinek, 2004 42]

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ КОМПОЗИТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ НС

В зависимости от вида семантико-синтаксической связи окказиональные композитообразования можно классифицировать на детерминативные, копулативные и сложносинтаксические

1. **Детерминативные окказиональные композиты** представляют самую многочисленную группу окказиональных слов в рамках авторского композитообразования. В процессе анализа нам удалось выявить 1105 детерминативных образований, актуализирующих принадлежность предмета, его отличительный признак

elektrikerkorper, studentenzeit, musikantinnenarm, handwerksstolz, berufslieben, Jugendgefühl, Direktorenheim, Kunstreich, Normalschuler, Schulergruß, Mutterwillen, Prüfungsstreß, Mannerkorper, Mutterwort, Menschenauge, Greisenleben, Frauenstimme, Urlaubsfreude, Urlaubsbekanntschaft, Mutterherz, Wirtinnenkorper, Nachtruhe, Abendmahlgäste, zeitschriftensprache, Korperfunktion, Aprilwolke, Rednergeste, Glücksmomente, Bubengesicht, Gesellschaftsspiel usw
Особой чертой авторского словосложения в рамках детерминативного композитообразования является использование в качестве первых НС двух однородных существительных с эксплицированным выражением союза *und* [Fleischer 1971 92]. Например, *Augen-und Lippenparchen, Erziehungs-und Erinnerungsplatz, Korper-Haut-und Kleidungsrest, Menschen-und Tierhaar, Fett-*

und Knochenbeutel, Berg-und Talwanderbursche. В качестве однородных компонентов могут также выступать и отглагольные основы: *Dreh-und Trinkausrüstung*. Кроме союза *und* в некоторых случаях эксплицируется союз *oder*. Например, в композите *Super-oder Normalbub* детерминирующими компонентами являются конфиксы, в композите *Zweier-oder Dreiergruppe* – числительные. Однородные компоненты в детерминативных композитах могут быть также написаны через запятую, особую выразительность и экспрессивность при этом они получают посредством междометий: *ein paar Hunderstel,-ja Zenteksekunden*.

2. Копулативные окказиональные композиты, характеризующиеся сочинительной связью между компонентами, встречаются в произведениях автора довольно редко. Однако, анализируя выявленные примеры, нам удалось зафиксировать 10 подобных композитов. Например, *Versagerkamerad* («товарищ» – «неудачник»), *fernfahrervater* («дальнобойщик» – «отец»), *Anfängersohn* («новичок» – «сын»).

Интересными продуктами словотворчества в рамках данной словообразовательной модели являются копулативные композитообразования с антропонимическими компонентами: *DoppelgängerKarin*, также часто для того, чтобы подчеркнуть вид копулативной связи автор использует различные графические средства: пояснительную черту (*Karin-Kretin*), разделительную черту (*Tochter/Nichte, Stubenmädchen/Serviererinnenmodell*).

3. Сложносинтаксические окказиональные композиты представлены сдвигами и сложнопроизводными словами, образованные посредством субстантивации различных глагольных групп, инфинитивных и партиципных групп, глагольных конструкций (см. раздел 2).

4. ПАРАДИГМА КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ СЛОЖНЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ

Анализируя особенности семантики сложных окказиональных субстантивов, наиболее целесообразным, согласно нашей точке зрения, пред-

ставляется обращение к достижениям современной когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации. Преимуществом когнитивного рассмотрения языковых единиц является новый подход, который в отличие от имманентного подхода к языковой системе, игнорирующего деятельностную природу языка и его включенность в процессы жизнедеятельности человека и общества, открывает широкие перспективы изучения языка во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами.

Цель когнитивной лингвистики – понять, как осуществляются процессы восприятия, классификации и осмысления мира, как происходит процесс накопления знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [Маслова 2007:12].

Центральной проблемой в когнитивной лингвистике является категоризация человеческого опыта – когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области. То есть, человек, воспринимая мир, выделяет актуальные для него элементы, членит его на определенные части, а затем мыслит действительность этими частями. Сознание человека, осмысляя действительность, относит отдельные ее фрагменты к определенным разрядам, категориям – устанавливая общие черты с другими объектами и выделяя особенные черты, отличающие данные категории от других; установление общности фрагментов действительности и выработка для этой общности мышлением обобщающего понятия, которое часто (но не обязательно) получает закрепление словом, представляет собой категоризацию как когнитивный процесс [Попова, Стернин 2007:127]. Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Таким образом, инструментом

оперирования в когнитивной лингвистике становятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира и т.д. [Маслова 2007:12].

Словообразовательные процессы являются важными источниками сведений о когнитивных основах семантики слова. Анализ вторичных номинаций является особенно ценным для наблюдений когнитивных механизмов репрезентации ментальных процессов языковыми средствами. Такие номинации, согласно терминологии Г.О. Винокура, представляют собой «мотивированные обозначения действительности», передающие свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке именование [Винокур 1959:421]. К подобным продуктам вторичной номинации, имеющим сложную смысловую структуру, относятся и наши объекты исследования – сложные окказиональные номинации, так как НС композита, представленные простыми словами, входя в состав сложного слова в качестве его компонентов, проявляют определенные семантические свойства, которые вносят вклад в мотивацию всей конструкции и тем самым в его смысловую структуру. Из этого следует, что семантическая дефиниция сложного слова не только сложна по составу, но и опосредована, хотя бы частично, мотивирующими ее единицами, контекстом и экстралингвистическими факторами. Согласно наблюдениям Е.С. Кубряковой, сложное слово как производная единица обладает свойством двойной референции: референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичных для вторичных единиц номинации: «простые слова референтны только по отношению к миру действительности, производные обращены к миру действительности, и к миру слов [Кубрякова 2008:10].

Синтаксичность сложных слов, их производность, вторичная номинативность, являющиеся релевантными определяющими признаками композитов, позволяют рассматривать данные сложные конструкции как «языковой способ представления структуры знания и/или его оценки» [Кубрякова

1999:26], что в свою очередь обуславливает интерес современных ученых – когнитивистов к данным языковым единицам [Кубрякова 2002а, 2002б, Ирисханова 2002, Егорова 2002, Лопатина 2006, Шепелева, 2007, Бабина, Шепелева 2008,]. В рамках исследований семантики композитов с позиций когнитивной лингвистики, сложные словообразовательные структуры анализируют как особый способ языкового закрепления концептуальных объединений, проявляющихся в актах познания и оценки окружающего мира человеком. Конструкция сложного слова представляет собой комплексный знак, композиционное содержание которого отражено при взаимодействии исходных составляющих. Поэтому целесообразным при исследовании процесса взаимодействия компонентов сложного слова, репрезентирующих определенные концептуальные образования, нам видится применение анализа с точки зрения теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, являющегося развитием теории ментальных пространств Ж. Фоконье. Ментальные пространства, согласно Ж. Фоконье, представляют собой, своеобразные концептуальные пакеты, создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим [Fauconnier 1996:113]. Совместно с М. Тернером в рамках теории рассматривается процесс взаимодействия четырех ментальных пространств (mental spaces), два из них это вводные или исходные ментальные пространства (input spaces), а два других это пространство обобщения и бленд. Третье пространство – пространство обобщения, или общее пространство (generic space), связанное с двумя вводными отражает то общее, что может объединять два исходных пространства. А бленд, появившийся в результате процесса интеграции, имеет уже свою собственную концептуальную структуру, наследуя частичные структуры от вводных пространств [Fauconnier, Turner 1998:270].

Применение данной теории при исследовании особенностей семантического содержания сложных слов подразумевает собой анализ особенностей образования концептуальной структуры сложного слова, связывающих два или более ментальных пространства, выраженные в языке определен-

ными лексемами. Формирование смысла конструкций сложного слова осуществляется с опорой на концептуальные интегрированные сети (conceptual integration networks), обеспечивающие взаимодействие исходных областей. Логико-предметные связи между объектами реальной действительности, на основе которых интеграция становится возможной, можно представить в виде пропозиции. Пропозиция в данном случае выступает как простейшее объединение в единую структуру двух или более отдельных компонентов внутреннего лексикона, приобретающая «форму $f(x)$ или $f(x,y)$ и т.д., то есть пропозиция не просто составленность из двух или трех, четырех элементов, – но наличие определенной связи или отношения между ними (f) [Попова, 2001, Панкрац 1992а, Панкрац 1992б, Позднякова 1999]. Таким образом, согласно определению Ю.Г. Панкрац, пропозициональная структура – «это своеобразная ментальная структура, отражение некоторой ситуации и типов отношений в ней, обобщаемых и организуемых в нашем сознании [Панкрац 1992а:206]. Виды отношений, существующие между концептами пропозициональной модели, рассматриваются как падежные отношения, представляющие собой категории определенной универсальной системы, в которых исчислены семантические роли одних величин относительно других. Пропозициональная структура формируется концептами, которые взаимосвязаны друг с другом. При этом в интеграции двух концептов принимает участие третье пространство, пространство обобщения – промежуточная ступень между вводными пространствами и блендом в создании смысла конструкции сложного существительного, которое фиксирует общее для двух пространств. Проще всего выделение пропозициональной структуры осуществляется в композитах, отражающих объективные, логические взаимоотношения между предметами реальной действительности. Реконструкция общего ментального пространства в данном случае подразумевает восстановление предиката-связки, с помощью которого происходит процесс интеграции.

Обратимся к окказиональным сложнопроизводным словам с отглагольным компонентом: *Essenverschlinger*, *Spielverderber*, *Wahrheitsager* и т.д.

Восстановление пропозициональной структуры в подобных словообразовательных конструкциях осуществляется следующим образом: отглагольный компонент выступает в роли АКТОРА, то есть рассматривается как гиперроль по отношению ко всем падежным ролям и обозначает более высокую степень активности в пропозициональном отношении. Определяющий компонент выступает в роли ОБЪЕКТА, на который направлено действие АКТОРА, выполняющего с ОБЪЕКТОМ определенную операцию. Таким образом, пропозициональная структура сложнопроизводного существительного *Essenverschlinger* может быть представлена моделью АКТОР – ОПЕРАЦИЯ – ОБЪЕКТ. Интегрированное концептуальное пространство в композите *Essenverschlinger* представляет собой следующую смысловую структуру *jemand oder etwas, der/das das Essen verschlingt*.

Помимо подчинительных сложных существительных с точки зрения данного подхода можно рассматривать и копулятивные сложные слова. Например *Tochter/Nichte*. Словообразовательным значением сложного существительного *Tochter/Nichte* является *jemand (eine Frau/ein Mädchen) die/das zugleich Tochter und Nichte ist*. В данном случае в пространстве обобщения двух концептуальных областей ТОЧТЕР – НИЧТЕ выделяется общий признак «ein Familienmitglied», на основе которого осуществляется процесс интеграции. Восстанавливая предикат – связку *sein*, мы получаем следующую пропозициональную модель АКТОР – БЫТЬ/ЯВЛЯТЬСЯ – АКТОР. Таким образом, конечное ментальное пространство-бленд представляет собой следующую смысловую структуру *Tochter/Nichte (ein Familienmitglied, das zugleich Tochter und Nichte ist)*.

Однако, применяя подобный анализ по отношению к окказиональным композитам, необходимо обратить внимание на тот факт, что выявить пропозициональную конструкцию данных словообразовательных структур во многих случаях представляется более чем затруднительным, так как сложные образования подобного типа характеризуются тем, что их лексическое значение оказывается более емким, чем то, которое в состоянии передать

каждый компонент и их совокупность в любом смысловом взаимоотношении. Концептуальное сращение не предсказуемо до конца структурой исходных пространств, репрезентируемых компонентами сложного слова, так как отношения между компонентами могут отражать объективные, логические взаимоотношения между предметами реальной действительности, а также моделироваться на основе механизмов воображения, проецируемые в более сложные когнитивные модели, обусловленные определенной контекстуальной ситуацией. Помимо структурной мотивации, значение приобретает смысл, благодаря взаимодействию композитообразования с контекстом и фоновым знанием реципиента, позволяющим «вскрывать» определенные виды отношений, основанные на различных механизмах воображения. В данных случаях роль дискурсивных факторов при смыслопорождении новой окказиональной композиционной номинации является наиболее релевантной. Согласно утверждению Е.С. Кубряковой, дискурсивная часть анализа семантики языковых единиц «ориентирована на особенности этих языковых форм при использовании в коммуникативных целях, включая такие их характеристики, как позиция изучаемых единиц в линейном (синтагматическом потоке речи), их сочетаемость друг с другом в этом потоке, выбор единицы из числа альтернативных средств выражения того же содержания в разных условиях речи и в зависимости от реальных координат самого дискурсивного события и т.п. [Кубрякова 2008:31]. Поэтому важной чертой анализа вторичных номинаций с учетом дискурсивных факторов становится процесс инференции, «закрывающей правила так называемого семантического вывода», то есть особое внимание уделяется «возможностям умозаключений по принципу «если....., то.....» [там же, 32].

Рассмотрим следующий пример:

Karin beugt sich nach vorn, eigentlich hätte auch das blauweiße Karo ihres städtischen Dirndkleid-Adapters wenigstens einen kurzen Vorabdruck kriegen müssen auf dem hochmütigen Gabsburger-Metall [Jelinek 2004:376].

В составе окказионального словосложения *Dirndkleid-Adapter* мы выделяем следующие семантически коррелирующие компоненты *Dirndkleid* и *Adapter*, концептуальные признаки которых составляют базу для конструкции интегрированной концептуальной области композита. Однако взаимодействие данных семантических исходных пространств возможно лишь в пределах созданного автором контекста. При этом необходимо подчеркнуть, что для интерпретации словосложения *Dirndkleid-Adapter* не достаточно опираться лишь на контекстуальную ситуацию, необходимо привлечение также фоновых, энциклопедических знаний, так как компонент сложного окказионального слова *Dirndkleid* является реалией, не имеющей аналогов в русском социокультурном пространстве (*Dirndkleid* – немецкий национальный женский костюм). Применение фоновых знаний позволяет установить, что речь в данном предложении идет о женском национальном платье, что поддерживается также контекстом, в котором автор конкретизирует вид платья, описывая узор на ткани (*das blauweiße Karo* – бело-голубая клетка). Контекст также помогает уловить адресату авторскую установку на языковую игру, метафорический перенос знаний из области «техники» (*Adapter* – переходное устройство, сопрягающее устройство, объект, обеспечивающий логическое подсоединение) в область «предметов одежды». Пространство обобщения соотносит два вводных пространства, создавая концептуальную структуру АКТОР – быть похожим – АКТОР, в котором соприкосновение концептов в конструкции *Dirndkleid-Adapter* осуществляется в результате выявления общих компонентов, относящихся к области функционирования двух данных предметов действительности *Dirndkleid*, как предмет одежды, позволяет идентифицировать принадлежность к определенной нации, обеспечивая процесс интеграции внутри социальной группы. *Adapter* как техническое устройство также предназначено для осуществления процесса присоединения определенных технических средств. Таким образом, учитывая факторы взаимодействия текстовой структуры с исходными компонентами в процессе их интеграции, окказиональный композит *Dirndkleid-Adapter* мы

можем интерпретировать как *das deutsche nationale Kleid, das man trägt, um sich in einer bestimmten Gesellschaft zu adaptieren.*

Подводя итог, можно сказать о перспективности исследования сложных окказиональных слов с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, в рамках которого язык рассматривается как когнитивный процесс, осуществляющийся в коммуникации. Сложные слова рассматриваются как особый способ языковой репрезентации взаимодействия концептуальных областей. Особенно продуктивным применение данного подхода мы находим при исследовании семантического содержания окказиональных композитобразований, представляющих собой сложные конструкты раздельно-направленного содержания, значение которых отчасти мотивированно исходными составляющими, приобретающими определенные семантические нюансы, функционируя в конкретной контекстуальной ситуации. Создание и рецепция новой словообразовательной единицы в тексте происходит в результате вербализации определенных пропозициональных структур, позволяющих обеспечивать процесс корреляции семантических пространств. Общее ментальное пространство, возникающее в результате взаимодействия компонентов в составе сложного слова, строится частью с использованием исходных концептуальных областей формантов слова и контекста, а также фоновых знаний. Контекст эксплицирует основные специфические признаки словосложения, закладывающиеся в его основу, обеспечивает семантические и прагматические предпосылки появления сложной окказиональной номинации, тем самым, способствуя органичному вводу новообразования в его концептуально-смысловую ткань.

4.1. Роль контекста для интерпретации сложных окказиональных существительных

Как было отмечено ранее, анализ сложных окказиональных номинаций требует обращения к дискурсивным факторам. Функционирование исследуемых нами явлений в художественной литературе предполагает обра-

щение к проблеме их взаимодействия с контекстом. При этом внимание должно уделяться как собственно лингвистическому контексту, детерминированному конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических значений речевого акта, так и экстралингвистическому, включающему в себя все факторы, сопутствующие вербальной коммуникации, а также совокупность культурных и социальных условий.

Согласно точке зрения О.С. Ахмановой при интерпретации языковых знаков целесообразно выделять следующие виды контекста: *горизонтальный* (собственно языковой контекст) и *вертикальный*, включающий фоновые знания, определяемые автором как «совокупность сведений культурно-материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителя данного языка» [Ахманова 1977:49]. Фоновые знания как условия контекстного (вертикального) восприятия текста характеризуют семантическую структуру языка «как нечто относящееся к объективному контексту данного высказывания» [там же, 53].

Б.М. Лейкина, рассуждая о важности контекста в процессе коммуникации, настаивает на выделении следующих его типов: 1) языкового (первичного, кодового), в известном смысле буквального и поверхностного значения текста, выводимого на основе чисто языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных); 2) глубинного и неязыкового, ситуационного (вторичного, кодового) значения текста, то есть того содержания, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения. Для выявления последнего требуются не только языковые, но и неязыковые знания и ассоциации (учет разнообразных факторов речевой ситуации (специфики предметной области, с которой связано высказывание, условий коммуникации, особенностей автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах и т.д.) [Лейкина 1974:98].

Некоторые авторы пытаются более детально представить вид контекста по различным признакам. В.Я. Мыркин, исходя из принципиального

обоснования языка как явления коммуникации, выдвигает шесть оппозиций: 1) вербальный и ситуативный контексты; 2) физический и психологический контексты; 3) контекст культуры и психологический контекст, 4) лингвистический и паралингвистический контекст, 5) линейный и структурный контексты, 6) операциональный и коммуникативный контексты. Особое внимание в его исследовании уделяется коммуникативному контексту, который согласно определению автора представляет собой организацию средств, организацию контекстов и опору на контексты, вербальные и невербальные, для передачи (и восприятия) смысла сообщения. При этом смысл отличается от значения актуальным, творческим и личностным характером. Коммуникативный контекст, служащий для выражения смысла высказывания образуется совокупностью подчиненных ему контекстов: 1) лингвистическим, 2) паралингвистическим, 3) ситуативным, 4) культурным, 4) психологическим [Мыркин 1978:97].

Мы, принимая позицию ученых о многоуровневости контекстуальных факторов, считаем также значимым в рамках нашего исследования, производить анализ окказиональных композитов, предполагая выделение собственно-лингвистического контекста (горизонтального), апеллирующего к чисто языковым факторам взаимодействия единиц, и экстралингвистического (вертикального), предполагающего энциклопедическую эрудированность адресата. При этом необходимо обратить внимание на то, что в процессе интерпретации окказиональных композитов, релевантным признаком которых является индивидуальная принадлежность, значимость в определении смыслового содержания данных конструкций приобретает и учет глубинно-смысловых факторов, соответствующих художественному замыслу писательницы, который обусловлен, как особенностями философии постмодернизма, так и ее личностными особенностями.

Итак, перейдем непосредственно к анализу. Рассматривая семантическое содержание сложных окказиональных субстантивов в зависимости от соотношенности с контекстуальной ситуацией, мы выделяем следующие виды окказиональных композитов:

1. Окказиональные композиты, интерпретация которых возможна изолированно от контекста или с минимальной опорой на контекст. Данные словообразовательные конструкции в зависимости от их типа смыслового содержания являются либо образованиями, обладающими раздельнонаправленным смысловым содержанием, (когда значение композита соответствует семантике словосочетания, в которое оно может быть трансформировано, например: Rednergeste – die Geste des Redners), либо типизированным значением, когда в основе композитообразования лежат стандартизированные отношения, присущие многим моделям сложных слов (состоит из, похож на, обусловлен чем-либо и т.д.: например, Schmerzgewimmer – Gewimmer wegen Schmerzes).

2. Окказиональные композиты, характеризующиеся имплицитностью смыслов, репрезентируемых их НС, а, следовательно, не поддающиеся семантизации на уровне лексики. Для осуществления процесса инференции подобных словообразовательных конструкций необходимо обращение к контекстуальному окружению, позволяющему эксплицировать механизмы взаимодействия исходных ментальных пространств на основе катафорической или анафорической соотнесенности с контекстом.

3. Окказиональные композиты, для интерпретации которых помимо обращения к собственно лингвистическому контексту, позволяющему установить связи характер взаимодействия между компонентами сложного слова, формирующего смысловую структуру окказионализмов, необходимо обращение также к вертикальному контексту, учитывающему совокупность фоновых знаний.

Обращаясь к подобной классификации окказиональных композитов, необходимо также подчеркнуть, что данное разграничение является условным, используемым нами для облегчения процесса анализа семантического содержания исследуемых явлений, т.к. во многих случаях окказиональные композитообразования автора могут коррелировать как с собственно-лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами, а потенци-

альные композиты, образованные на основе отражения логических связей между объектами реальной действительности, хоть и интерпретируются с минимальной опорой на контекст, но также являются значимыми элементами в авторской картине мира, эксплицирующими индивидуально-смысловые семантические приращения

Далее рассмотрим более подробно каждую выделенную группу

4.1.1. Окказиональные композиты, интерпретация которых возможна изолированно от контекста или с минимальной опорой на контекст

В процессе анализа имперического материала нам удалось выделить 163 композитообразования, характеризующихся относительной однозначностью семантического содержания. К ним относятся, прежде всего, сложносинтаксические образования, создаваемые посредством объединения компонентов без изменения их грамматической формы, что обуславливает однозначность логико-семантических связей между НС подобных образований (Например, *Gudrun-draußen-vor-der-Tur, das Menschsein, das Unsichtbarwerden*) и детерминативные образования, построенные по продуктивным моделям, для интерпретации которых достаточно обратиться к структуре их организации и к лексико-семантическим знаниям о составных частях, с помощью которых можно сконструировать определенную пропозициональную модель отношений между исходными концептуальными пространствами для конкретного композитообразования

Обратимся к примерам

1 Как было отмечено ранее, на основе пропозициональной модели

АКТОР – ОПЕРАЦИЯ – ОБЪЕКТ интеграция исходных ментальных пространств осуществляется в сложнопроизводных словах или композитах, содержащих отглагольные существительные. В процессе анализа нам удалось выделить 9 таких окказиональных композитов *T-Schirttrager, Uniformtrager, Kostumtragerin, Dirndltragerin, Geldverschlinger, Essenverschlinger, Kostumbesitzerin, Spielverderber, Billigesser*. Концептуальную струк-

туру данных композитов можно представить следующим образом *jemand tragt/verschlingt/besitz/verdirbt etwas (T-Schirt/Uniform/Kostum/Dirndl/ Geld, Essen/Kostum/Spiel)*

2 Подобные словообразовательные конструкции интерпретируются также на основе модели АКТОР-ОПЕРАЦИЯ-МЕСТО, характерной для 2 следующих композитов *Tanzbodenbesucher, Ausstellungsbesucherin (jemand besucht Tanzboden /Ausstellung)*

3 Пропозициональная модель АКТОР-ОПЕРАЦИЯ-ВРЕМЯ обеспечивающая процесс интеграции ментальных пространств композиционной структуры, характерна для 4 следующих окказионализмов *Winterurlauber (jemand hat Urlaub im Winter), Fruhaufsteher (jemand steht fruh auf), Sonntags-sanger (jemand singt sonntags/am Sonntag), Freizeitwanderer (jemand wandert in seiner Freizeit)*

4 На основе пропозициональной модели АКТОР-ОПЕРАЦИЯ-ЦЕЛЬ интерпретируются следующие сложнопроизводные композиты *Schutzsuchender, Erholungssuchender (jemand sucht Schutz/Erholung)*

5 Партитивные отношения, при которых объект, выражаемый второй НС, обозначает часть определенного предмета, выражаемого первой НС, мы обнаружили в 17 индивидуально-авторских композитах *Menschenteil, Tochter-teil, Menschenrest, Verstandesrest, Forsrerkopf, Mutterherz, Puppenaugen, Mutter-arm, Pianistinnenarm, Bubengesicht, Bubenfinger, Pianistinnenhand* Некоторые композитообразования в выделенной группе содержат антропонимические компоненты *Klemmerhand, Erikaarm, heinzbauch, Edgarhand* Пропозициональная модель подобных окказионализмов выявляется на основе установления предиката-связки *einschließen* АКТОР(целое) – включать/ содержать – ОБЪЕКТ (часть), то есть словообразовательное значение приведенных выше композитообразований можно интерпретировать как *jemand oder etwas (Mensch, Tochter, Verstand, Forster, Mutter usw), der/ das etwas in sich einschließt*

6 Поссесивные отношения, характеризующиеся отношением принадлежности объекта, представленного второй НС, субъекту, выражаемому

первой НС композита, могут быть выражены посредством установления предиката-связки *haben*, следовательно, такие окказиональные композиты как *Kleinhauslersohn*, *Menschensohn*, *hausfrauenreich*, *Försterhauschen*, *Häuslerkind* могут быть интерпретированы на основе пропозициональной модели АКТОР – обладать – ОБЪЕКТ. Особенно продуктивной моделью окказиональных композитообразований с данным типом отношений являются словообразовательные конструкции с антропонимическими компонентами (именами собственными персонажей произведения) в качестве первой НС *heinzbuben*, *heinzfamilie*, *heinzschwester*, *hansmutter*, *Klemmerhauschen*, *helmutbub*. Нам удалось зафиксировать 11 композитообразований, характеризующихся данным видом связи между НС.

7 Пропозициональная модель АКТОР – производить – ОБЪЕКТ характерна для 5 следующих окказиональных композитов, характеризующихся агентивным типом связи. *Mutterwort*, *Rednergeste*, *Gesellschaftsspiel*, *Kindergreinen*, *Hausfrauengesprach* и т.д. Анализируя семантическое содержание данных композитов можно говорить о следующей концептуальной структуре *etwas/jemand (Mutter, Redner, Gesellschaft), produziert etwas (Wort, Geste, Spiel)*.

8 На основе пропозициональной модели ОБЪЕКТ – производиться – МАТЕРИАЛ интеграция исходных ментальных пространств происходит в композитах, характеризующихся отношением материала, первая НС которых обозначает материал, из которого образован предмет, выражаемый второй НС *Schaumflocke*, *Naßschneeflocke*, *watteflocke*, *Schneekristall* (*etwas (Flocke, Kristall) wird aus Schaum/Naßschnee/Watte /Schnee produziert*).

9 Каузальные отношения, в которых первая НС указывает на причину появления объекта, выражаемого второй НС, характерны для 4 следующих композитов *Prüfungsstreß*, *Schmerzwimmer*, *Urlaubsfreude*, *Abendessenfreude*. Установление предиката-связки *hervorrufen*, позволяет нам сконструировать такую пропозициональную модель как АКТОР – каузировать – ОБЪЕКТ, то есть исходные концептуальные пространства интегрируются

следующим образом *jemand/etwas ruft etwas hervor* (*Prüfung/Schmerz/Urlaub/Abendessen ruft Streß/Gewimmer/Freude herfor*)

10 В окказиональных композитах *Besen-Strich, Aufziehharmonika-Ton, Figurenscherenschnitte* АКТОР не представлен в словосложениях эксплицитно, а ОБЪЕКТ продуцируется при помощи определенного инструмента. Пропозициональная модель для таких словосложений характеризуется следующими взаимодействиями между аргументами (АКТОР) – ИНСТРУМЕНТ – производить – ОБЪЕКТ. Для подобных словосложений характерна следующая концептуальная структура *(jemand/etwas) mit einem Instrument (Besen, Aufziehharmonika, Figurenschere) produziert etwas (Strich, Tone, Schnitte)*

11 На основе модели АКТОР – ОПЕРАЦИЯ – ТЕМА/СОДЕРЖАНИЕ мы интерпретируем такие композиты как *Paradiesgeschichte, Martyrerlegende*, которые можно интерпретировать следующим образом *jemand/etwas, der/das über jemanden oder etwas berichtet, erzählt, informiert usw*

Предпринятый нами анализ индивидуально-авторских окказиональных композитов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям, несмотря на их потенциальный характер возникновения в речи, позволяет все же установить некоторые закономерности, отражающие особенности авторского мировидения, проявляющиеся в индивидуальных предпочтениях к определенным словообразовательным механизмам, репрезентирующим те стороны взаимодействия объектов реальной действительности, которые наиболее интересны и значимы в рамках авторской картины мира. В ходе анализа нами было установлено, что наиболее популярными моделями композиционного словотворчества в рамках продуктивного словопроизводства Э. Елинек являются

1) композиты, репрезентирующие субъект по роду его деятельности, конкретизируемой в некоторых случаях определенными параметрами (27,6%) (отражают художественную позицию писательницы, обусловленную мотивом обезличивания представителей социума),

2) композиты, репрезентирующие партитивные отношения между исходными концептуальными пространствами (27, 6%) (отображают стремление автора в ризоматичном отображении описываемой действительности);

3) композиты, репрезентирующие поссесивные отношения, отношения принадлежности, связывающие исходные ментальные пространства (19%) (манифестируют авторскую идею освещения проблемы идентичности собственника как характерную черту современного западного социума).

4.1.2. Контекстуально-зависимые окказиональные композиты

Контекстуально-зависимые окказиональные композиты в отличие от явных окказиональных конструкций не всегда поддаются семантизации на уровне лексики. Раскрытие содержания подобных конструкций возможно только, принимая во внимание взаимозависимость, существующую между словообразованием и текстообразованием, которая помогает установить синтаксические и семантические правила, способствующие действию словообразовательного механизма в целом и возникновению связанных с текстом конструкций.

В зависимости от вида и степени соотношения данных словообразовательных конструкций с контекстом, нам удалось выделить следующие группы слов:

4.1.2.1. Окказиональные композиты, характеризующиеся кумулятивным типом смыслового содержания. Смысловое содержание окказиональных композитов с кумулятивным типом репрезентации концептуальной структуры является более объемным, чем ментальные пространства, репрезентируемые НС. Концептуальное содержание подобных композитов представлено имплицитно, и требует осуществления инференции. Процесс инференции, основанный на импликатурах в окказиональных композитах заключается в восстановлении концептуальных связей между исходными им-

пликатами (НС композита), а также установления отсутствующих лексем, репрезентирующих концептуальное пространство окказионального композита. Например, проанализируем окказиональное образование *die Muttertür*

Erika hat die Muttertür fast erreicht, wird jedoch vom Schüller zurückgeworfen [Jelinek 2004:277].

В композите *Muttertür* мы выделяем семантически коррелирующие компоненты *Mutter* и *Tür*, однако семантическое содержание вышеприведенного композита значительно шире, чем совокупность семантических содержаний НС. Семантическое содержание данного окказионального словосложения мы можем вывести благодаря анафорической соотнесенности содержания данного композита с контекстом:

Die Mutter befürchtet hinter der Zimmertür das Schlimmste.... [Jelinek 2004:272].

То есть контекст позволяет восполнить отсутствующие лексические элементы в структуре самой конструкции (*die Mutter hinter der Zimmertür*) и актуализировать наиболее важные признаки, участвующие в формировании общей концептуальной структуры, реализованной в сложном слове. В данном случае контекст эксплицирует признаки «*Eingang und Ausgang in einen Raum*» концептуального образования ДВЕРЬ, а компонент *Mutter* отсылает к конкретной текстуальной ситуации (*die Mutter befindet sich hinter der Zimmertür*). Таким образом, в окказиональном образовании *die Muttertür* интегрированная концептуальная структура окказионализма может быть представлена следующим образом: *die Tür ins Zimmer, in dem sich die Mutter befindet*.

Обратимся к следующему примеру:

Erika ist einsilbig und uninteressiert und wird es umso mehr, je näher sie ihrem Straßenbahnziel kommen [Jelinek 2004:81].

В композите *Straßenbahnziel*, как и в предыдущем случае, лексические компоненты не репрезентируют семантическое содержание в полной мере. Компонент сложного слова *Ziel*, включает в себе ряд признаков, свя-

занных прежде всего с таким слотом общей фреймовой структуры как «событие», предполагающего самые различные преобразования окружающей действительности каузация действий, процессов, состояний, установление отношений и т.д. При этом конкретизация данных признаков осуществляется в рамках определенной коммуникативной ситуации. В нашем случае окказиональный композит *Straßenbahnziel* производится автором в романе «Пианистка» для описания следующих событий после концерта молодой студент Вальтер Клеммер провожает до остановки свою учительницу Ерику Кохут и ее престарелую мать. То есть контекстом эксплицируются признаки, связанные с концептом ДВИЖЕНИЕ, а компонент *Straßenbahn* выступает в роли сопутствующего объекта, объекта-ориентира движения. Таким образом, композит *Straßenbahnziel* можно интерпретировать как *das Ziel, Straßenbahn zu erreichen*.

Помимо анафорической экспликации актуализация содержания окказиональных композитов может также быть катафорической.

Рассмотрим следующий пример.

Die Minirockphase Nummer eins musste Erika auf Wunsch ihrer Mutter überspringen. Die Mutter hatte den Befehl zum Langsam in eine Mahnung verpackt, dass diese kurze Mode Erika nicht stunde [Jelinek 2004: 277]

В данном случае при помощи контекста эксплицируется лексема *Mode*, которая участвует в процессе инференции концептуального содержания окказионального композита, коррелируя с компонентами *mini*, *Rock*, *Phase*. Лексема *Phase* указывает на связь с концептом ВРЕМЯ, в структуре которого можно выделить такие элементы как «протяженность», «завершенность /незавершенность», «начало – продолжительность – конец» и т.д., актуализирующиеся в результате взаимодействия в концептуальной структуре исходной области MODE. Конфикс *mini* фокусирует внимание на концептуальном признаке «длина», содержащемся в структуре концептов ROCK и MODE. Таким образом, окказионализм *Minirockphase* интерпретируется нами как *eine Zeitperiode, in der kurze Rocke modisch sind*.

К окказиональным композитам, характеризующимся кумулятивным типом смыслового содержания относятся также экзоцентрические авторские композиты, в которых имплицитно представлен опорный компонент композита, необходимый для осуществления процесса инференции.

Например.

Der Höchste ist dem am nächsten, was schon hoch oben ist, und so klettert sein Song jetzt die Charts hoch, hackt sich mit seinem Eispickel dort fest, Pickelgesichter kleben am Fenster und freuen sich, dass sie ins Kinderlager verschickt werden dürfen [Jelinek 2004 168].

В приведенном выше окказиональном композите *Pickelgesicht* морфемная информация не отображает семантику сложного слова. Данный окказионализм мы не можем интерпретировать как *das Gesicht mit Pickeln*, так как контекст указывает на то, что в данном случае денотат образованной номинации содержит сему одушевленности. Контекст также актуализирует наиболее релевантные концептуальные признаки, участвующие в формировании концептуальной структуры окказионализма. В исходных концептуальных пространствах, вербализированных НС, фокусировка внимания происходит на следующих концептуальных признаках: *Gesicht* – „der Teil des Menschenkörpers“, *Pickel* – „Hautentzündung“, „charakteristisch für Pubertätsperiode“, из этого следует, что окказиональное композитообразование *Pickelgesicht* мы можем интерпретировать следующим образом: *jemand (ein Teenager), der ein Pickelgesicht hat*

4.1.2.2. Окказиональные композиты, созданные по малопродуктивным словообразовательным моделям. К данной группе окказионализмов мы относим авторские словосложения созданные по малопродуктивным моделям словообразования, а также с нарушением семантико-морфологической сочетаемости компонентов. Данные виды композитов мы рассматриваем вместе в силу их немногочисленности. В процессе анализа мы выделяем 10 словообразовательных конструкций, репрезентирующих данную группу.

Нарушение словообразовательных норм, а также создание окказиональных композитов по малопродуктивным моделям затрудняет понимание окказиональных конструкций изолированно от контекста. В художественном тексте подобные «отходы» от общепринятых норм носят преднамеренный характер, в тексте автором создаются словообразовательные феномены, которые отсутствуют в языковом сознании и в языковой традиции носителей языка и номинируют определенные контекстуальные реалии, исходя из требований коммуникации.

К примеру, рассмотрим такое композитообразование, произведенное автором в романе «Дети мертвых», как *Lederhosler*

...die jungen Lederhosler, diese Neueangetroffenen, die aber sofort unter uns eingeschlagen haben... heben die Augen...[Jelinek 2004:327].

Ненормативность данной авторской модели заключается в необычности выбора Э. Елинек в качестве производящей основы для создания номинации лица мужского пола посредством продуктивного суффикса *-ler* узуального композита *Lederhose*, обозначающего предмет одежды. Согласно узуальным нормам словообразовательной сочетаемости в качестве производящей основы в подобной модели используются отглагольные элементы, указывающие на определенный род деятельности номинируемого субъекта либо признак, характеризующий данный субъект. Восстановление концептуальной структуры, репрезентируемой окказиональной лексемой *Lederhosler* предполагает как обращение к знанию, соотносимому с производящим именем существительным, так и инферентно-выводимой информации о логических связях предметов объективной реальности, репрезентируемых словообразовательными средствами, а также знанию, эксплицируемому при помощи контекста. Так, например, в сложном существительном *Lederhose* концептуальная структура реперзентируемая лексемой *Hose* соотносится с признаками «материал», «фасон», «длина» и др., компонент *Leder* (кожа) актуализирует признак «материал», суффикс *-ler* указывает на отнесенность объекта, для номинации которого образован авторский композит, к денота-

ту, характеризующемуся наличием семы одушевленности, что в свою очередь эксплицируется контекстом при помощи адъективного определения *jung* (*die jungen Lederhosler*), а также предикатами, указывающими на действия, производимые данным лицом (*einschlagen, die Augen heben*) Таким образом, мы можем понять значение окказионализма *Lederhosler*, как *jemand, der eine Hose aus Leder anhat*

Еще один необычный сложнопроизводный композит от слова *Lederhose* Э Елинек создает посредством приставки *-ver* и суффикса *-ung*

Die Hose ist überhaupt das Modell für alle Alpinhosen und zwar seit der allg Verlederhosung dieses Landes [Jelinek 2004 384]

В данном случае, при помощи глагольного префикса *-ver* и суффикса *-ung*, автор создает номинацию для обозначения определенного процесса, то есть словообразовательная модель актуализирует концептуальные признаки, соотносимые с фреймом, включающим элементы «процессуальность», «фазовость», «протяженность» и т.д. Опора на контекст, информацию, выражаемую компонентами словосложения и словообразовательную модель, способствующую осуществлению когнитивной инференции, позволяет интерпретировать данную лексему как *die Periode der Popularisierung eines Modells der Hose aus Leder unter den Alpen*

Вопреки словообразовательной морфемной сочетаемости создается также композитообразование *der Lodenanzugliche*

Die zwei Lodenanzuglichen genügen einander in ihrem wehmutigen Aufzeigen [Jelinek 2004 537]

Композитообразование *der Lodenanzugliche* образовано согласно авторской модели *Lodenanzug* + суффикс *lich* + *Substantivierung* + *e*, то есть значение принадлежности, отнесенности к лицам образуется от производящей основы, представленной сложным существительным *Lodenanzug* – суконный костюм. Контекстуальная ситуация позволяет идентифицировать данную произведенную автором контекстуальную реалию как одушевленный, действующий субъект, в свою очередь производящая основа *Lodenan-*

zug выступает как главный дифференциальный признак, присущий номинируемому лицу, таким образом семантическое содержание окказионализма может быть представлено, как *jemand, der einen Anzug aus Loden anhat*

К окказиональным композитам, образованным с нарушением словообразовательной сочетаемости, относятся также словосложения, произведенные в результате лексико-семантических повторов, то есть при повторении одного и того же компонента

und die mutta, die immer auswärts im dienst war, seit ihrem 14 lebensjahr also ein jahr fruher als paula jetzt ist, die immer in der bedinnung war, in der kreisstadt, sogar in mehreren kreisstadtenkreisstadten [Jelinek, 2004 39]

В приведенном примере повторяется НС, представленная сложным существительным во мн ч *kreisstadte* (районные центры) Непродуктивность словообразовательной модели компенсируется пояснением, содержащимся в контекстуальной ситуации, позволяющим установить тип семантической связи между компонентами сложного слова, то есть композитообразование *kreisstadtenkreisstadte* интерпретируется на основе поссессивных отношений *kreisstatde der kreisstadte*, содержащихся в сознании носителей языка как типизированные виды взаимоотношений между объектами реальной действительности, то есть при помощи контекста мы можем легко установить, что данный композит произведен на основе следующей пропозициональной модели, характеризующей концептуальную структуру данного словосложения АКТОР – содержать/включать – ОБЪЕКТ, необычность, нетрадиционность словообразовательной модели мотивируется контекстом

К сложным окказиональным номинациям, созданным по малопродуктивным моделям относятся также окказионализмы, образованные посредством контаминации

Контаминация – образование нового слова или устойчивого сочетания в результате скрещения двух слов или выражений, близких по своему звучанию, конструкции или значению, или обладающих всеми этими признаками [БСЭ, т 13 62]

Итак, обратимся к примеру, иллюстрирующему данный словообразовательный способ, используемый автором при создании окказиональных композитов

Auch die alte Omama, die sie sich mit dem Cousin teilt, kommt herbeigeeilt, um einen Studentenschabernack zuzuschauen [Jelinek, 2004 44]

Композитообразование *Omama* произведено путем сращения двух существительных *Oma* и *Mama* (**Oma + Mama = Omama**) Данную необычную номинацию Э Елинек создает в романе «Пианистка», словом *Omama* она называет бабушку главной героини Эрики Кохут, показывая, что она является и бабушкой для Эрики, и мамой для госпожи Кохут (матери главной героини) То есть концептуальное содержание данного композита можно легко преобразовать в следующую пропозициональную структуру АКТОР – быть, являться – АКТОР (*Omama – jemand, der zugleich Oma und Mama ist*) Проблематичность экспликации семантического содержания контаминированных композитов изолированно от контекста заключается главным образом с трудностью выделения производящих основ, семантическое содержание которых в результате процесса интеграции образует концептуальную структуру окказиональной номинации

4.1.2.3. Окказиональные композиты, образованные на основе метафоризации. Имплицитностью концептуального содержания, требующего обращения к контексту, характеризуются композитообразования, созданные на основе различного рода семантических трансформаций, мотивированных определенной коммуникативной ситуацией Композитообразование на основе метафоризации является довольно продуктивным способом создания окказионализмов Метафоры в произведениях Э Елинек нередко дают возможность выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего нет прямого обозначения

По современным представлениям, «метафора – это процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их переосмысления, и спо-

соб создания языковой картины, возникающий в результате когнитивного манипулирования уже имеющихся в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [Телия 1988:46]. Основой метафоризации является аналогия. В когнитивной лингвистике концептуальная метафора рассматривается как средство осмысления абстрактных явлений через конкретные, сложных через простые, ненаблюдаемых через более наглядные, поддающиеся непосредственному наблюдению. Окказиональные композиты, созданные в результате процесса метафоризации представляют собой контекстуально-обусловленные, «живые» метафоры, которые в отличие от «стертых» общеупотребительных, социально-закрепленных метафорических переносов отличаются нестандартностью предметно-логических и эмоционально-оценочных ассоциаций и представлений, участвующих в механизме формирования индивидуально-авторской метафоры. В процессе словотворчества устанавливаются новые неожиданные ассоциации между очень далекими явлениями, составляющие элементы как бы перерождаются, некоторые свойства теряются, другие выдвигаются на первый план. В результате рождается новое качественно иное представление. Понять значение подобных метафорических окказиональных композитов изолированно от контекста очень сложно, так как с точки зрения словообразовательной нормы, окказиональные метафоры-композиты характеризуются семантической несочетаемостью компонентов:

Сравните:

Was ihn festhält, ist nur mehr Neugier, wie weit ein Mensch geht, der nach den Sternen zu greifen imstande wäre. Klemmer, der kleine Fixbeutel-Stern, beleuchtet ihre engere Nähe bereits seit längerem... die Frau braucht nur zuzugreifen, doch sie gibt sich mit weniger zufrieden [Jelinek 2004:222].

В окказиональном образовании *Fixbeutel-Stern* в отношениях семантической оппозиции согласно словообразовательной норме образования композитов находятся компоненты *fix – Beutel, fix – Stern, Beutel – Stern*. Прила-

гательное *fix* (проворный, расторопный), обозначающее качество, свойственное одушевленным предметам, семантически не сочетается с существительным *Beutel* и существительным *Stern*, относящимся к классу неодушевленных предметов. Семантическая оппозиция наблюдается также между существительным *Beutel*, обозначающим предмет, относящийся к артефактам, и *Stern*, обозначающим предмет природы, имеющий физические параметры. Данная несовместимость, тем не менее, мотивированна контекстом, который позволяет установить некие аналогии у, казалось бы, абсолютно семантически несочетающихся лексических элементов. Образная метафора *Fixbeutel-Stern* создана автором с целью характеристики Вальтера Клеммера, героя произведения «Пианистка». Влюбленный в свою учительницу Ерику Кохут, он, казалось бы, полностью подвластен ей, как нечто земное и доступное, чем можно завладеть в любой момент. Но, предпринимая подобную попытку, Ерика терпит поражение, убеждаясь в том, что он по-прежнему остается недостижимым, подобно звезде в небесной глади.

Образование окказиональных композитов-метафор заключается в определении сходств, аналогий между двумя понятийными областями, в актуализации различных концептуальных характеристик обеспечивающих процесс концептуальной интеграции. Анализируя авторские композиты-метафоры в произведениях Э. Елинек, нам удалось выделить определенные метафорические модели, характеризующие особенности художественной картины мира автора. Под метафорической моделью, вслед за А.П. Чудиновым, нами понимается существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными областями, которую можно представить определенной формулой: X это Y. При этом отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y» [Чудинов 2001, 2004, 2005].

Метафоризации посредством окказионального композитообразования в произведениях Э. Елинек подвергаются концепты, связанные с такими понятийными областями как природные явления, человек, абстрактные поня-

тия (жизнь, любовь, смерть), конкретные понятия, относящиеся к различным артефактам.

Большое количество окказиональных композитов представляют собой «онтологические метафоры», в которых абстрактные понятия подвергаются метафорическому осмыслению на основе установления их аналогии с конкретными [Lakoff, Jonson 1980] *Gedankenwurst, Kulturbrei, Zeitwurst, Kulturschutt, Erlebnisbad, Gedankenkostüm, Gedanken-Wasserwellen, Todesbad, Gedankensplitter, Kulturfläche, Liebesblume, Schicksalsfaden, Schicksalsbundstiefel usw.*

Анализируя вышеприведенные примеры, можно установить, что данные словообразования по способу метафорического переноса актуализируются на основе следующих моделей:

АРТЕФАКТ – АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ

...und reichen ihr von beiden Seiten die Inhalte ihrer Zeithoserln zum Aufnehmen... [Jelinek 2004:355].

Auf den Boden schnüren Frauen und Männer ihre Schicksalsbundstiefel [Jelinek 2004:437].

Das ist für uns fast so normal wie das völlige Verschwinden von Menschen, zumindest ist noch was von ihnen übrig: ihre eingerexte Gedenkspeise [Jelinek 2004:8].

Ein Liebesautomat, der sich auf Fußtritte nicht mehr reagiert [Jelinek 2004:247].

В отдельную группу среди подобных образований следует выделить композиты, в которых метафорическому переносу подвергается концептуальная сфера ЖИЗНЬ:

Der könnte sich den Lebkuchen einer viel jüngeren Frau noch ruhig und gern zum Verzehr unter seine Zündflamme halten [Jelinek 2004:164].

Die Hilfsschwester greift zur vollen Lebensflasche und tauscht diese gegen eine leere aus... [Jelinek 2004:231].

Daher geigen wir ihnen bald wieder heim oder löschen ihre Lebenslaternen gleich hier bei uns aus... [Jelinek 2004:556].

Da schau her mit tuchtigen, pumpenden Tritt, der den Lebensstuhl kippt, damit man den Toten ins Maul schauen kann [Jelinek 2004 233]

So schnell kann man die Maschen des Lebensnetzes lockern! [Jelinek 2004 250] usw

Среди окказиональных метафор-композигов, репрезентирующих понятийную область абстрактных понятий, мы выявили окказионализм, в котором метафорический перенос осуществляется на основе модели

ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ – АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ

diese Gedanken-Wasserwellen, sie ziehen wie Wolken, aber sie bescheiden nichts [Jelinek 2004 144]

Метафорическому переосмыслению подвергается также понятийная область ЧЕЛОВЕК. Большинство композигов-метафор, репрезентирующих данный концепт создаются согласно когнитивной модели

АРТЕФАКТ-ЧЕЛОВЕК

*Keiner hort wie jetzt diese beiden Menschenwagerln **zusammengekoppelt** werden [Jelinek 2004 246]*

Der Menschenteppich ist im Kirchenschiff entrollt vor dem Ersten [Jelinek 2004 370]

darin ertrinkende Stimmen, die mit ihren emporgereckten Stimmstockchen wie um Hilfe schreien, komisch [Jelinek 2004 660]

Gemischter Stimmensalat im Radio, nichts Vernunfftiges [Jelinek 2004 660]

Композигов-метафоры, репрезентирующие понятийную область ЧЕЛОВЕК производятся также на основе модели

АРТЕФАКТ – ТЕЛО/ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

schwarzer Sirup mit dem der Blutkuchen der in den auf dem Korperherd heißlaufenden Gelenkspfannen anzubrennen droht [Jelinek 2004 446]

Spucken sie auf die grausam verstummelten Opfer, die auf ihren Korperhausern keine schutzenden Dacher mehr haben [Jelinek 2004 424]

Die abgestreifte Körperhulse der Tochter wird sorgfältig nach den Spuren männlicher Benutzung abgeklopft und dann energisch ausgeschüttelt [Jelinek 2004 38]

aus seiner einen Spaltbreit offengehaltenen Gesichtstur tont sein stimmloser Schrei [Jelinek 2004 584]

Die Tochter atmet nicht Und die aufgerissenen Augen, schauen Sie sich diese Augen an Wie zwei dunkle Rosinen in den Gesichtsteig hineingedrückt [Jelinek 2004 446]

Er sieht den weichen, nicht zu fest gefühlten Daunepolster ihres Hinters, der auf den stammigen Beinsaulen lagert [Jelinek 2004 446]

man konnte glatt seine Blicke mitsamt den Augenglasern mitverlieren [Jelinek 2004 446] usw

Яркие образы, связанные с концептом ЧЕЛОВЕК возникают на основе когнитивной модели

ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК

Mogen sich hier, im Mittelgang der versteinerten und versteinernden Basilika, noch so viele Menschenbache einherwalzen und in sich suhlen [Jelinek 2004 377]

nur die paar Männer und Frauen am Tisch dort bei der Tür, sie wenden ihre neutrale Blicke dem Menschenbrand zu [Jelinek 2004 487]

dabei mussten die Leute ja schon aus der Luft herabstürzen Da sind ja Menschenfluten wie bei einem Hochwasser [Jelinek 2004 518]

В рамках данной понятийной области мы выделяем также модель, метафорическое переосмысление в рамках которой происходит в результате взаимодействия понятийных областей

РАСТЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК

Eben haben sich an den Haltestellen noch Menschentrauben, Gruppen und Inseln zusammengeballt [Jelinek 2004 139]

Der Türke steht und rückt den Kopf einmal hin zur Frau, einmal zum unsichtbaren Buschmenschen [Jelinek 2004 149]

Eine Kraft muss dieser Menschenstrunk erst nach oben gezogen und dann zu Boden geschmettert haben [Jelinek 2004 337]

der Gudrun Kopf wie ein Buschel Salatfrisur [Jelinek 2004 388]

В следующих композитах-метафорах ментальные пространства **ин-**тегрируются при взаимодействии областей

ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК

Nur ein Wolfsmensch konnte sich dermaßen vergangen haben [Jelinek 2004 410]

leider sind nicht die lautlosen Sandalen des Menschenfisches [Jelinek 2004 551]

Еще одна группа окказиональных композитов-метафор репрезентирует концептосферу ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Наиболее распространенной моделей, характерной для метафоризации данной концептуальной области, является антропоморфная модель, то есть природные явления в произведениях Э. Елинек подвергаются персонификации

ЧЕЛОВЕК/ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Und ohne die Natur geht schon einmal gar nicht ein Sonnengesicht, nein ein Nebelgesicht, und darauf die herumkollernden Baume und Straucher [Jelinek 2004 423]

Unten die verwesende Bodenhaut lasst nicht mehr rein [Jelinek 2004 579]

Die Augenglieder des Bodengesichts heben sich durch die Zugkraft ein ganzes Stuck, und ein Blick erscheint auf der Schwelle [Jelinek 2004 198]

Die Wolken sind wie in Feuer getaucht als konnten sie grade noch den blutigen Himmelsabfluß zu stopfen aber nicht mehr lang der Wolkenfinger tut ihnen schon weh [Jelinek 2004 521] usw

Помимо антропоморфных метафор в ходе эмпирического материала нам удалось выделить также и некоторые артефактные метафоры, базирующиеся на аналогии между свойствами, характерными для конкретных артефактов и природными явлениями

ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ – АРТЕФАКТ

Dieses Schloß Kiemensee auf einer Wasserspiegelscherbe, versinkt jetzt langsam [Jelinek 2004 103]

Es verbrennt den Wandschirm und es verbrennt im Ruckbezug der Flammenkissen den Projektor [Jelinek 2004 355]

В процессе анализа нам удалось также выявить два окказиональных композита, в которых метафорическому переосмыслению подвергаются концепты, относящиеся к конкретным, артефактным понятиям. В произведении «Дети мертвых» в следующих окказиональных композитах метафоры образуются при взаимодействии понятийных областей:

ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ

hell und warm glanzt der Autoleib [Jelinek 2004 302]

daher gehen ihre Erzeugnisse jetzt alle brav und folgsam mit mir auf den Autofriedhof [Jelinek 2004 352]

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что окказиональное композитообразование на основе метафоризации относится к наиболее продуктивным способам словотворчества Э. Елинек. В рамках нашего исследования нам удалось выявить 135 окказиональных композитов-метафор. Выделенные в результате анализа концептуальные области и входящие в них метафорические модели можно отобразить в следующей таблице:

№ п/п	Понятийная область, актуализируемая окказиональным композитом	Кол-во %	Метаф-е модели, на основе которых основывается аналогия/кол-во %
1	АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ	43%	АРТЕФАКТ – АБСТР 98,3%
			ЯВЛ ПРИРОДЫ – АБСТР -1,7%
2	ЧЕЛОВЕК	36,2%	АРТЕФАКТ – ЧЕЛОВЕК- 84,6%
			ЯВЛ, ПРИРОДЫ – ЧЕЛОВЕК 5,2%
			РАСТЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК 6,8%

			ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК 3,4%
3	ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ	19,3%	ЧЕЛОВЕК – ЯВЛ, ПРИРОДЫ 72,4%
			ЧЕЛОВЕК – АРТЕФАКТ 27,6%
4	АРТЕФАКТЫ	1,5%	АРТЕФАКТ – ЧЕЛОВЕК 1 5%

Индивидуальные метафоры, представляющие собой яркие, контекстуально-обусловленные, непредсказуемые образы, являются своего рода призмами, через которые преломляется авторская картина мира. Как видно из составленной нами таблицы, анализ метафорических окказионализмов позволяет выявить определенные закономерности, репрезентирующие особенности концептосферы автора. Наибольшее количество метафор-композиций представляют так называемые онтологические метафоры, апеллирующие к различным абстрактным понятиям. Взаимодействие концептуальной области, связанной с абстрактными понятиями, с концептуальной областью артефактов способствует созданию образов, в которых «высокие материи», связанные с духовностью, мыслительной деятельностью человека подвергаются овеществлению. Человек в художественном дискурсе писательницы также отождествляется с неодушевленными предметами, что позволяет создавать образ человека-машины, бездушного механизма, в то время когда явления природы и неодушевленные предметы, наоборот, персонифицируются. То есть в рамках авторской картины мира стираются грани между духовным и материальным, между человеком и вещью.

4.1.2.4. Окказиональные композиты, созданные в результате ремотивации. Интересным приемом словотворчества автора является употребление узуального композита в переносном, окказиональном значении, то есть композит, характеризующийся затемненной мотивацией, вследствие идиоматичного, закрепленного за ним как узуальной единицей значения,

под воздействием контекста становится прозрачно-мотивированным, таким образом, происходит процесс ремотивации

К самым распространенным средствам, используемым писательницей, для достижения эффекта ремотивации, является разделительный дефис. Изменение орфографического написания узуальных композитов приводит к трансформации их семантического содержания, заставляет читателя каким-то образом переосмыслить привычные слова *Ur-Sachen, Grund-Schule, Un-Endlichkeit, Un-Ruhige, Kontakt-Linsengericht*

Так, например, посредством разделительного дефиса автор меняет значение узуального слова *Wahrzeichen*

die Menge ein Meer ein breiter Fluß, den sich der Prinz der Partei, mit einem raschen Griff zum Holster, um die Hüfte gewunden hat sein Wahr-Zeichen, sein Schal! [Jelinek 2004 57]

Слово *Wahrzeichen* в немецком языке означает «символ». Но автор, применяя дефис, создает раздельнонаправленный композит *Wahr-Zeichen*, то есть происходит семантическая трансформация и композит перестает быть идиоматичным, образуя свою смысловую структуру на основе интеграции выделяемых посредством дефиса компонентов, (*wahr* – настоящий, истинный, правильный, верный + *Zeichen* – знак, сигнал, признак, примета). Слово *Wahr-Zeichen* в данном случае можно интерпретировать как «верный опознавательный признак» (*das Zeichen ist wahr*)

Интересная семантическая трансформация также происходит с композитом *Abendteuerspielplatz*. При помощи дефиса и написания второго компонента с заглавной буквы *Abend-Teuerspielplatz* меняется порядок логико-семантического членения в многокомпонентном композитообразовании, что также поддерживается контекстуальной ситуацией

Die Arbeitslosen die können sich grade noch das Leben leisten, aber erleben dürfen sie nicht mehr auf dem Abend-Teuerspielplatz im Kino bei einem schonen Film oder im Kaffeehaus bei einer schonen Frau [Jelinek 2004 66].

Узуальный композит *Abendteuerspielplatz* (парк развлечений, игровая площадка) образует свое значение при взаимодействии компонентов *Abendteuer* и *Spielplatz*. Однако в ремотивированном композите смысловая структура конструкции формируется при взаимодействии трех компонентов *Abend + teuer + Spielplatz*.

Необходимо подчеркнуть, что ремотивированные композитообразования характеризуются многомерностью концептуальной структуры. Семантическое содержание данных композитов эксплицируется не просто в результате интеграции концептуальных пространств, репрезентируемых лексемами при взаимодействии с контекстом, но также в результате апеллирования к концептуальным структурам, представленным идиоматичным, цельнонаправленным композитом.

Обратимся к следующему примеру

В произведении «Пианистка» узуальный композит *Mutterkuchen* (Med. Plazenta) [DUW 1996.1047] употреблен Э. Елинек не в его узуальном (закрепленном в словаре) значении, а в переносном, метафорическом, актуализируемом контекстом:

Dieses Gesicht der Mutter ist im Halbdunkel nur ein heller Fleck, umgeben von kunstblonden Haaren, die der Orientierung helfen... Aus diesem Fleisch ist sie entstanden Aus diesem mürben Mutterkuchen [Jelinek 2004 237]

Как каноническое слово, композит «Mutterkuchen» характеризуется отсутствием «семантической внутренней валентности» [Степанова, Фляйшер 1984:175], т.е. обладает «идиоматичным значением» [Ващунин 1990:12]. Но при помощи контекста Эльфриде Елинек удается актуализировать смыслы компонентов сложной номинации и создать композитообразование-метафору, характеризующуюся «раздельнонаправленным смысловым содержанием», значение которого мотивировано значениями составляющих его компонентов.

Так в анализируемом нами примере, важнейшими концептуальными признаками, эксплицируемыми контекстом в слове *Mutterkuchen* (плацента), как узуальном композите, являются следующие:

- «*ein inneres Organ des Frauenkörpers*» (внутренний орган женского организма),
- «*spielt eine wichtige Rolle bei dem Kinderkriegens*» (способствует деторождению),
- «*ein inneres Organ, in dem sich ein Kind entwickelt*» (внутренний орган, в котором развивается ребенок).

Данные признаки в свою очередь коррелируют с признаками, содержащимися в концептуальных структурах, репрезентируемых компонентами композита, подвергающегося ремотивации: Mutter (*die wichtigste Funktion – Kinderkriegens*); Kuchen («*Teigware*», «*enthält eine Füllung*»).

Подобной семантической трансформации подвергается также композит Mutterboden (oberste, humusreiche Schicht des Bodens) [DUW 1996:1047].

Die Mutti schiebt von unten, denn sie steht mit beiden Beinen fest im Erdboden verwurzelt. Und bald steht Erika schon nicht mehr auf dem angestammten Mutterboden, sondern auf Rücken eines anderen, den sie bereits hinausintriegiert hat [Jelinek 2004:28].

В данном случае в узуальном композите Mutterboden посредством контекста фокусировка внимания происходит на концептуальном признаке «*fruchtbar*» – «*плодородный*». А в концептуальной структуре лексического компонента Mutter раздельнаправленного окказионального композита, как и в первом примере, происходит актуализация когнитивного признака «*первоисточник жизни*».

В следующем примере ремотивации подвергается узуальный компонент окказиональной конструкции:

Oft wühlt ein hartnäckiger Einfall, was sie hätte anders machen sollen, doch nun ist es zu spät. Das kleine Möchtegern-Orchester wird von den Geigelehrerin persönlich geleitet, der erste Geieger verkörpert darin die absolute Macht [Jelinek 2004:87].

Композит *der Möchtegern* (разг. хвастун) [Москальская 2001:605] теряет свое узуальное значение, получая индивидуально-авторские коннотатив-

ные смысловые приращения за счет актуализации раздельнонаправленного содержания словообразовательной структуры. Компоненты *möchte gern*, апеллируя к предшествующему контексту, употребляются в прямом значении как глагольная конструкция, используемая в речи для выражения желания [Васильева 2001:75]. То есть происходит следующая трансформация: *sie hätte anders machen sollen* ≈ *sie möchte gern anders machen*).

Таким образом, при помощи графических и контекстуальных средств, используя отношение напряжения между мотивацией и идиоматизацией, автор как бы оживляет внутреннюю форму НС узуальных композитов, формируя совершенно новые, экспрессивные номинации, характеризующиеся двойственной природой, двухмерностью семантического содержания: т.к. их концептуальная структура, трансформируемая контекстом, соотносится с семантическим содержанием исходных словообразовательных лексем, коррелирует также с семантическим содержанием исходных, идеоматических додеривационных композитов. При этом необходимо подчеркнуть, что ремотивация как способ окказионального словообразования в рамках авторской картины мира служит не только созданию экспрессивных, образных номинаций, но и формированию индивидуализированных смыслов, преобразующих национально-закрепленные концептуальные представления по отношению к описываемым явлениям реальной действительности.

4.1.2.5. Окказиональные композиты, созданные по аналогии. Аналогия, как способ образования новых слов, когда определенная модель слова «заполняется новым лексическим материалом» [Кубрякова 2007:26], является довольно распространенным приемом словотворчества Э. Елинек. В результате данного словообразовательного приема писательницей произведено 65 окказиональных сложных слов.

Под аналогией в рамках нашего исследования понимается производство новых словообразовательных конструкций посредством творческого переноса словообразовательных образцов лексических единиц, содержа-

щихся в тексте, когда «лексикализованное сложное слово служит образцом для образования следующего сложного слова или ряда сложных слов» [Гатауллин 1991 119]

Так, например, узуальное слово, содержащееся в контексте, может выступить в качестве словообразовательного образца, на основе которого автор производит окказиональный композит

Er spricht seine normale Berufssprache, obwohl heute Sonntag ist, der Tag für die Freizeitssprache [Jelinek 2004 99]

В качестве образца для создания новой словообразовательной конструкции по аналогии могут выступать и окказиональные композиты

frühzeitig lernt paula ihr, ihr körper und das was mit ihm geschieht, als etwas zu betrachten Einem nebenkörper gewissermaßen, einer nebenpaula [Jelinek 2004 30]

Принцип взаимодействия концептуальных пространств в окказиональном композите, созданном по аналогии к уже функционирующему в тексте слову, как и в ремотивированных композитообразованиях представляет собой сложный механизм. Окказиональное слово, созданное по аналогии, как правило, характеризуется смысловой имплицитностью, требующей осуществления инференции посредством обращения к предшествующему слову-образцу, концептуальная структура которого представлена более эксплицитно, чем в последующем окказиональном слове. Таким образом, концептуальные признаки, формируемые контекстом в слове-образце коррелируют, а также актуализируют необходимые признаки, формирующие концептуальную структуру окказионализма, созданного по аналогии.

Обратимся к следующему примеру

Das Zeitrad, besteckt mit den Kerzen von nackten Mädchenbeinen rollte heran, doch Erika war auf Befehl der Mutter eine „Überspringerin“ eine Zeitspringerin [Jelinek 2004 169]

Интерпретация значения слова *Überspringerin* предполагает осуществление инференции концептуальной структуры данного производного слова,

созданного по определенной словообразовательной модели, что обуславливает обращение к концептуальной области, соотносимой с производящим глаголом *springen*. Концепт, репрезентируемый глаголом *springen* входит в состав фрейма ДВИЖЕНИЕ. Суффикс *-in* как средство морфологической репрезентации концептуальных смыслов указывает на отнесенность номинируемого объекта к одушевленным лицам женского рода. Префикс *uber-*, коррелируя с концептом, представленным лексемой *springen*, актуализирует признаки «референция к пространству», «сопутствующий объект». Таким образом, интерпретировать окказиональный композит *Uberspringerin* мы можем как *eine Person des weiblichen Geschlechts die springt etwas uber*. Теперь обратимся к концептуальной структуре окказионального композита *Zeitspringerin* произведенного по аналогии. Обращение к слову-образцу позволяет восстановить отсутствующий в словообразовательной структуре анализируемого композита компонент *uber*, что позволяет интерпретировать данный окказионализм, как *eine Person des weiblichen Geschlechts die springt die Zeit uber*.

Не исключены также случаи, когда аналогия производится по первому компоненту в сложном слове

Karin steht mit ihrer Durftigkeit starr und fragt sich nicht, da sie mit Atemholen und Atemwegwerfen beschäftigt ist [Jelinek 2004 169]

Кроме словообразовательной структуры и общности деривационных элементов важную роль при аналогичном образовании новых слов играют парадигматические отношения производящих основ например, соотнесенность к определенному тематическому ряду *Abendruhe und Nachtruhe Einzelwohl und Gruppenwohl* или наоборот антонимические отношения *Eingeborener-Keingeborener, Gutachter-und Keinekostverachter usw*. Необходимо также отметить, что отличительной чертой авторского композитообразования посредством аналогии, является реализация языковой игры на основе ассонантного созвучия НС *Leibeswürdigkeit und Unliebeswürdigkeit, Todestreife und Todesstrafe*

4.1.3. *Окказиональные композиты, требующие обращения к вертикальному/экстралингвистическому контексту*

Для обращения к семантическому содержанию данной группы композитов помимо интралингвистического контекста необходимо также учитывать факторы, создающие так называемый культурный фон, заключающий в себе совокупность знаний, отражающих определенный духовный и материальный опыт социума. Среди окказиональных композитов, при интерпретации которых необходимо обращаться к вертикальному, экстралингвистическому контексту можно выделить следующие типы композитов:

4.1.3.1. Окомпозиты, содержащие англицизмы в качестве компонентов. В произведениях Э. Елинек окказиональные композиты с англицизмами в качестве составляющих компонентов не редкость. В рамках нашего исследования мы зафиксировали 45 «гибридных» [Гатауллин 1991:120] композитов, содержащих иноязычные слова.

Например: *Kowboykino, Kowboytracht Midnightrock, Babyfinger, babyleben, Doppelconference, Ladystimme, Jungstars, Lebensborn – brei, guerillakrieg, Jogging-Anzug, Tennisdress, Wahrheits-Baby, Samstag-abend-Show, Plattenbau-collection, Snowboard- Tempodromschussel* и др.

Интересными случаями окказионального композитообразования писательницы являются гибридные композиты, оба компонента которых являются англицизмами:

Например:

Babydoll (*Baby* (англ.) – ребенок, младенец, малютка; *doll* (англ.) – **игрушка**, кукла)

Youngstar (*young* (англ.) – молодой, юный; *star* – звезда, выдающаяся личность, конозвезда)

Инференция семантического содержания данных окказионализмов требует от читателя привлечения дополнительных знаний, в данном случае

знания английского языка. Необходимо также отметить, что 'окказиональные композиты с иноязычными компонентами отличаются по типу смыслового содержания. Можно выделить как раздельнонаправленные, легко интерпретируемые окказионализмы, интерпретация которых зависит лишь от экспликации экстралингвистических факторов, знаний английского языка (*der Babyfinger* – палец ребенка, *die Ladystimme* – голос леди и т.д.) и гибридных словосложений, характеризующихся контекстуальной соотнесенностью, произведенных на основе сложных словообразовательных механизмов.

Обратимся к композиту *Midnightrock*. В составе данного композита мы выделяем два семантически коррелирующих компонента *midnight* (англ.) – полночь и *Rock* (нем.) – юбка, пиджак. Казалось бы, мы легко можем восстановить пропозициональную структуру гибридного композита *Midnightrock*: ОБЪЕКТ – подвергается операции – ВРЕМЯ. Однако данное словосложение не является раздельнонаправленным, его семантическое содержание не выводится из содержания компонентов, т.к. является образованием, произведенным по аналогии к немецкому слову *der Schlafrock* – домашний халат, то есть концептуальная структура композита *der Midnightrock* формируется не только при взаимодействии ментальных пространств, представленных компонентами, но и на основе связи со словом-образцом, по аналогии к которому произведено композитообразование

Еще один пример с компонентом англицизмом *Jogging-Morgengabe* представляет собой сложный когнитивный конструкт, процесс инференции которого сводится не только к привлечению знаний английского языка, но и энциклопедических знаний, необходимых для интерпретации понятия *Morgengabe*:

Der Sport hat ihnen ihren Führer fertig verpackt als eine Jogging-Morgengabe überreicht, es wird dauernd berichtet und fotografiert und wenn dann noch etwas baumelt, ich meine wenn einer schlapp macht, muß er gleich mit Wut wieder verstreift werden, damit ihr schwerer brüderlicher Eid auch ordentlich hält [Jelinek 2004:169].

Сложное существительное *Jogging-Morgengabe* в качестве первой НС содержит английский глагол *to jog* (ехать не спеша, трястись, тащиться) в форме герундия. Словообразовательная модель Gerund + N является весьма типичной и продуктивной в рамках английского словообразования (*ср. dressing-room, swimming-pool, packing-case, smoking-room и т.д.*) Семантическое взаимодействие компонентов происходит на основе пропозициональной модели: ОБЪЕКТ – подвергается операции – ЦЕЛЬ. То есть для осуществления процесса инференции необходимо знание словообразовательных законов английского языка. При этом апеллирование к экстралингвистическим знаниям обуславливается также и вторым компонентом *Morgengabe* (согласно древней немецкой традиции мужчина после первой брачной ночи преподносил своей молодой супруге дар *Morgengabe*) [<http://de.wikipedia.org/wiki/Morgengabe>]. То есть компонент *Morgengabe*, трансформируя свое смысловое содержание, все же продолжает апеллировать к исторически-закрепленному понятию.

4.1.3.2. Оказиональные композиты, содержащие прецедентные феномены в качестве компонентов. Особую группу среди оказиональных композитов образуют словосложения с прецедентными феноменами (ПФ) в качестве одного из НС.

ПФ в рамках когнитивной лингвистики представляют собой «особую разновидность знаков – культурнокоммуникативные знаки, которые организуют, хранят, трансформируют и передают дополнительную информацию, несводимую к их непосредственному значению и являющиеся принадлежностью этнокультурной группы. Они преобразуют реальную коммуникацию в продукт культурной коммуникации... [Алефиренко 2002:58].

Как отмечает Ю.Н. Караулов, «каждый человек, оперирует не только, отраженными и «пересаженными в голову» фактами, но и феноменами собственно ментальной сферы, ранее сформулированными (им или другими) мыслями» [Караулов 2007:119].

Подобными феноменами ментальной сферы являются ПФ, употребляющиеся в качестве сложного знака, обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета», апеллирующим к определенным дифференциальным признакам данного ПИ [Красных 2002:79-91].

Таким образом, прецедентные феномены или прецеденты хранятся в когнитивной базе не в полной развернутой форме, а «в виде наборов минимизированных национально детерминированных представлений» [Опарина 2008:161]. Взаимодействие ПИ с компонентом (или компонентами) сложного окказионального слова, детерминируемые контекстом, позволяет выбрать из потенциально возможных для данного текста дифференциальных концептуальных признаков актуальные, соотносимые с концептуальной структурой окказионального композита.

Согласно классификации, предложенной В.В. Красных среди ПФ выделяют: прецедентные ситуации (ПС) («идеальная ситуация», связанная с набором определенных коннотаций), прецедентные имена (ПИ) (индивидуальные имена, связанные с широко-известными ПФ), прецедентные тексты (ПТ) (полипредикативные единицы, сумма значений компонентов которых не равна его смыслу: тексты художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.д.) и прецедентные высказывания (ПВ) (репродуцируемые продукты речемыслительной деятельности: цитаты из текстов, паремии и т.д.) [Красных 2002:47-48].

Так, например, композитообразование *Kommt Zeit Kommt Rat – Kontinuum*, согласно приведенной классификации в качестве НС содержит ПВ:

Stolpernd kommt der Blick auf die Beine und sieht, wie Menschen kreischend aus ihrem Kommt Zeit Kommt Rat -Kontinuum herausfallen...[Jelinek, 2004:235].

Как видно из вышеприведенного примера, определяющий компонент окказионального композита представляет собой немецкую пословицу: *Kommt Zeit kommt Rat – Время лучший советчик/всему свое время* В данном контексте композитообразование *Kommt Zeit Kommt Rat –Kontinuum* созда-

но автором для характеристики педантичных, консервативных людей, жизнь которых сведена к определенному, последовательному алгоритму действий. Пословица *kommt Zeit kommt Rat* способствует появлению у адресата ряда ассоциаций, базирующихся на таких концептуальных признаках как «последовательность», «рационализм», «неспешность» и т.д., которые в свою очередь, коррелируют с компонентом композита *Kontinuum* (непрерывность, неразрывность) То есть данный композит можно интерпретировать как *eine ständige, ununterbrochene Reihenfolge*

Необычный композит, апеллирующий к ПС, Э. Елинек производит в произведении «Дети мертвых»:

Dunkle Herden rasen schattenhaft über ihre Weiden, dunklere Schatten, manche sogar in Problembärenform, auf ihren Fersen [Jelinek 2004:97].

Семантическое содержание композита *Problembärenform* складывается из концептуальных областей, представленных лексемами *Problem + Bär + Form*, логическая связь которых обусловлена экстралингвистическими факторами, связанными с реальными событиями, произошедшими в Австрии. В начале 90-х годов слово «Problembär» довольно часто появляется в австрийских СМИ. Так, например, на информационном портале австрийского канала ORF размещена статья, в которой поднимается проблема защиты животных. Дискуссия разворачивается вокруг судьбы бурого медведя, который регулярно, не боясь людей, выходит из лесу в поисках пищи и тем самым наносит ущерб жителям альпийских деревушек, забивая скот и отпугивая туристов. Медведь Нурми, а именно так его и окрестили в СМИ, явил собой существенную проблему, вызвав массу споров среди представителей общественности, разделившихся на два лагеря: защитников Нурми, которые во что бы то ни стало требовали сохранить жизнь животному и их противников, настаивающих на его смерти [<http://ooe.orf.at/stories/111445/>]. Таким образом, понятие «Problembär» включает в себе множество различных концептуальных признаков, связанных с конкретной ПС. В контексте произведения окказиональный композит *Problembärenform* производится для описа-

ния устрашающей ночной природы. Такую необычную форму (Problembarform) имеют тени, которые словно медведь Нурми в любой момент готовы выйти из леса и до смерти напугать.

Большинство окказиональных композитов, апеллирующих к различным ПФ в качестве компонентов содержат ПИ. Почти все ПИ в прецедентном ономастиконе Э. Елинек относятся к именам собственным, соотносимым с мнимым денотатом (герои мифов, литературных произведений, онимы, восходящие к текстам Библии).

Так, например, можно выделить ряд композитообразований с компонентами ПИ-мифонимами в качестве НС:

und sie sieht auch die Mutter wie sie völlig machtlos plötzlich, wie ein fangfrischer Fisch aus dem Wagen katapultiert wird, dann vorübergehend die Kontrolle verliert, den faden aber sofort wieder, sich für ihr Alter merkwürdig geschwind aufrappelnd, an sich nimmt diesen Ariadnefaden, der aus reißfestem Plastik ist, mit Schwung herausreißt, das Schwungrad in gang [Jelinek 2004: 355]

В данном случае автор образно описывает возвращение матери к жизни, попавшей в автокатастрофу. Выбравшись из разбитой машины, она будто хватается за нить Ариадны, способной привести ее к жизни. В данном случае ПИ Ариадна апеллирует к древнегреческому мифу, дочь критского царя Миноса и Пасифаи, Ариадна передала своему возлюбленному Тесею клубок нитей, выведшего его из лабиринта, где обитал минотавр.

В класс литературных ПИ, входят имена и фамилии персонажей литературных произведений:

Der Mann aus dem Auto scheint immer noch nicht zu wissen, mit wem er es in seiner eigenen Gestalt zu tun hat es kann sich noch nicht richtig, dieses Frankenscheinprodukt, das noch mehr Ärzte zum Schaffen reizen konnte [Jelinek 2004: 341]

Frankenschein одно из главных действующих лиц романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» (1818). В романе Виктор

Франкенштейн хочет создать живое существо из неживой материи, для чего собирает из фрагментов тел умерших подобие человека, а затем находит научный способ оживить его. В результате у него получается существо, вид которого самого Франкенштейна повергает в ужас. В романе «Дети мертвых» Э. Елинек называет «продуктом Франкенштейна» умершего мужчину, вид, которого повергает окружающих в ужас. То есть посредством обращения к ПИ автор актуализирует признаки «ужасный внешний вид», «страшный», «уродливый» и т.д.

Окказиональное композитообразование *Hansel/Gretel-Spur* отсылает нас к мотивам сказки братьев Гримм

Eine kaum sichtbare Hansel/Gretel-Spur, gestreut von unsichtbaren Hand, und unten bei der geschwarzten, gezackten Ruine aus der die Stammchen, jung und doch schon verkummert, ihre Handschuhe recken, dort hort sich ja alles auf [Jelinek 2004 341]

Камни на дороге, которые постепенно зарастают травой, писательница сравнивает с камушками из сказки «Гензель и Гретель», которые Гензель рассыпал по дороге в лес, чтобы найти обратный путь домой.

Определенный ряд ассоциаций, оценочно-экспрессивных коннотаций возникает при восприятии окказиональных композитообразований с НС, являющимися библейскими онимами.

All diese osterr. Wurfsterne, die Stars werden wollen, um international mithalten zu können. Ihre Geschlechtszipfel, an denen Fahnen die Windrichtung weisen, ziehen nach oben hin weg, von keinem Gedanken-Adamkostum eingengt [Jelinek 2004 188]

Образное композитообразование *Gedanken-Adamkostum* используется автором для характеристики австрийских «звезд спорта», которые пытаются «поймать нужное направление ветра» на пути к всемирному признанию. При этом головы их не обременены мыслями. Отсутствие мыслей в голове сравнивается с отсутствием одежды, наготой Адама, первого человека, сотворенного Богом.

Необычное композитообразование, содержащее ПФ, нами было обнаружено нами в романе «Дети мертвых»:

Verzweifelt registriert die Mutter, das ihr Essen zurückgewiesen ist Das Kind scheint sich zu keiner Erklärung verpflichtet zu fühlen, war es bei Mcdonalds und hat es dort Pommes von einer Hand aus einem Tabernakel entgegengenommen [Jelinek 2004:44]

Окказиональное образование *Mcdonalds* образовано путем междусловного наложения (термин Н.И. Янко-Триницкой 1975), при взаимодействии ПФ *Mcdonald's* (сеть кафе) и *Donald Duck* (герой мультипликационных фильмов Диснея) (**Mcdonald's + Donald Duck = Mcdonalds**). Обращение к концептуальной области, репрезентируемой словом **Mcdonald's** обуславливает экспликацию ряда признаков, связанных с восстановлением стереотипной ситуации посещения кафе **Mcdonald's**. Имя героя мультфильма Диснея *Donald Duck* помимо яркого мыслительного образа, возникающего в сознании адресата, способствует появлению ряда коннотативных семантических наслоений, связанных с сюжетами мультипликационных серий. То есть окказиональное композитообразование *Mcdonalds*, произведено автором для возникновения множества концептуальных признаков, связанных с понятиями Американской культуры

Приведем еще один интересный пример из романа «Любовницы»:

heinz weißt es trotzdem besser, heinz, der mannesmann. . [Jelinek 2004.84].

Окказиональный композит *mannesmann* образован в результате лексико-семантического повтора. Повторение одного и того же компонента используется автором в целях усиления экспрессии. Опираясь на контекст, данную композиционную структуру можно интерпретировать следующим образом *mannesmann – der beste Mann*. Также помимо ненормативности словообразовательной модели концептуальная структура сложного слова актуализирует ряд ассоциаций, связанных с экстралингвистическими знаниями *Mannesmann AG* – ныне несуществующий немецкий концерн, сформированный в 2000 г. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Mannesmann_AG], од-

нако в середине 70-х, во время появления романа «Любовницы», – крупная, успешная компания.

Концептуальное содержание окказиональных композитов, содержащих в качестве компонентов прецедентные феномены, является очень емким. Данные сложные существительные описывают определенные фрагменты действительности путем отсылки к предметам, историческим событиям, ситуациям, принимающим участие в описании этого фрагмента описываемой действительности. Значимость или культурно-историческая ценность ПИ отражается в закрепленных за ними в рамках определенной лингвокультуры ассоциациях и признаков, придающих композитообразованию дополнительные смысловые приращения.

5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ FRAU, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫМИ КОМПОЗИТАМИ

В предыдущем разделе, анализируя механизмы формирования концептуальной структуры окказиональных композитов, мы приходим к выводу, что процесс интеграции обеспечивает эффект фокусировки внимания на наиболее значимых в рамках определенной коммуникативной ситуации составляющих концептов. Данная особенность семантики объектов нашего исследования предопределяет их значимость в качестве элементов, вербализующих фрагменты художественной картины мира автора.

Посредством введения в текст окказиональных композитов писательница «высвечивает» те признаки концептов, которые могут быть не закреплены в общественном сознании за существующими узуальными номинациями, и лишь в процессе взаимодействия с другими концептуальными структурами данные признаки актуализируются. В последующем изложении мы попытаемся проанализировать данную функцию окказиональных композитов на конкретных примерах, обращаясь к словообразованиям, репрезентирующим художественный концепт FRAU.

5.1. Гендерная проблематика в произведениях Э. Елинек

Выбор концепта FRAU в рамках нашего исследования не случаен, т.к. важным моментом в творчестве Э. Елинек является гендерная проблематика. В произведениях писательницы вырисовывается особая гендерная картина мира, обусловленная, во многом, феминистскими позициями автора. В связи с чем целесообразным представляется обратиться к проблемам гендера, а также феминистской лингвистики, находящим свое отражение в творчестве австрийской писательницы.

Гендерный вопрос в рамках научной мысли является на сегодняшний день одним из значимых и актуальных. Понятие «гендер» проникло во все гуманитарные науки – философию, социологию, психологию, историю, языковедение, литературоведение и др., – оно постоянно изменяется и обогащается. Современная наука определяет гендер как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [Гриценко 2005:8], т.е. гендер не следствие индивидуальной биологии, а социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и общественных институтах. Кроме того, гендер, представляя собой результат индивидуального и общественного сознания, отражает также и процесс встраивания индивида в определенную социокультурную модель. Таким образом, гендер в рамках современной научной парадигмы рассматривается как один из способов социальной стратификации общества, который в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст организует систему социальной иерархии.

Важными понятиями, функционирующими в области гендерологии, являются понятия маскулинности и феминности: *Маскулинность* (мужественность) представляет собой комплекс характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику мужской

группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность – это то, что «добавлено» к анатомии для получения мужской гендерной роли. *Феминность* (феминность, женственность) – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же "социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине" [Словарь гендерных терминов, <http://www.owl.ru/gender/index.htm>]. Гендер в языке конституируется фрагментом гендерно-маркированного знания, репрезентирующего так называемые гендерные стереотипы. Последние представляют собой модели знаний о гендерных ролях, гендерных нормах, гендерно-обусловленном поведении и пределах его вариативности, гендерных психологических чертах (пороках и добродетелях), гендерной идентичности как нормальной/проблемной ситуации, гендерно-обусловленных эмоциях, отношениях, интересах и умениях, гендерном символизме и гендерно-обусловленных когнитивных стилях [Anderson 2004].

Одним из направлений в гендерологии, послужившей важнейшим толчком для развития исследований в данной области является феминисткая лингвистика. Феминисткая лингвистика – самостоятельная лингвистическая дисциплина, направленная на то, чтобы освободить язык от гендерного неравенства, «от патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке и навязываемой носителям языка такой картины мира, в которой женщина, во-первых, играет второстепенную роль, а во-вторых, обладает негативными качествами» [Кузнецов 2008:180]. В рамках феминистской критики языка основополагающей стала работа Р. Лакофф [Lakoff 1973], где обосновывается андроцентричность языка, и ущербность образа женщины, воспроизводимого в языковой картине мира. Речь идет о таких «ассиметриях» в системе языка, с помощью которых женщинам отводится незначительная роль (преобладание мужских форм в грамматике, производность имен женского пола, применение имен мужского пола по отношению к референту-женщине т.д.). Все это в «гендерно пораженном» языке создает и воспроизводит дискри-

минацию [Кирилина 2005:5]. Основные постулаты феминистской лингвистики основаны на концепции философии постмодернизма, согласно которой утверждается, что реальность – это на самом деле своеобразный «лингвистический трюк» нашего сознания: то, что индивид воспринимает как реальность, на самом деле дискурсивно и лингвистически сконструировано [Руднев 1997:221].

Концепция феминизма, определяемая постмодернистской философской мыслью, во многом повлияла на творчество Э. Елинек. Проблема взаимоотношения полов, шаблоны поведения, навязанные общественным укладом – вот важные темы, затрагиваемые писательницей. При этом необходимо подчеркнуть, что гендерная картина, возникающая в произведениях Э. Елинек, не укладывается в рамки традиционной феминистской литературы, базирующейся на принципах определенной женской эстетики и предполагающей «отказ от категорий мужского рационального мышления, освобождение от пут логики, наивное восприятие бытия и экстатическую коммуникацию с миром» [Воротникова 2006:57]. С точки зрения феминистской литературы произведения Э. Елинек воспринимаются как «неженские», лишенные чувственности и эмоциональности, позволяющих погрузиться в глубины неповторимой «женской самости» [там же, 57]. Однако, как справедливо отмечает А. Э. Воротникова, «именно эта «неженскость» романов Э. Елинек и становится, в конечном счете, условием обновления феминистской литературы, залогом ее актуальности [там же, 57].

Представление о женщине в структуре романов Э. Елинек складывается из множества социальных стереотипов, репрезентирующих в своей совокупности единый образ. Широкая общественная проблематика в романах Елинек дается в концентрированном виде. Она выводится из бытующих в социуме представлений о семье и мире в целом. Развенчивая гендерные стереотипы эстетики, писательница пытается вскрыть отношения господства и подчинения, «фаллоцентризм» языка и общественного сознания, пронизывающего все сферы социальной жизни, актуализируя проблемы, связан-

ные с положением женщины в современном обществе, а вернее, как высказывается сама Э. Елинек, ее отсутствия в общественной жизни (*Ortlosigkeit der Frauen in der Gesellschaft*). Писательницей неоднократно подчеркивается существующая асимметрия отношений между мужчиной и женщиной (*untergeordnete Rolle der Frau*), начиная с политической сферы деятельности и заканчивая сексуальной. Женщина в произведениях Э. Елинек часто рассматривается как объект общественного потребления, тело женщины, материнство, как средство достижения социального благополучия «*Möglichkeit der sozialen Verbesserung*» [Janz 1995:24]. Сама Э. Елинек подчеркивает, что в своих произведениях она пытается изобразить женщину как жертву общества, отказывающуюся признавать себя жертвой: „*Ich habe die Frauen sehr kritisch als die Opfer dieser Gesellschaft gezeigt, die sich aber nicht als Opfer sehen*“ [Hoffmann 1991:13].

Позиции Э. Елинек по отношению к общественной жизни очень четко прослеживаются в ее идиостиле, манифестируясь различными языковыми средствами. Значительную роль в репрезентации авторских смыслов, обусловленных особенностями гендерных позиций, играют авторские композиционные конструкции, которые можно рассматривать как вербализированное проявлениеokkaзиональности процессов мышления.

5.2. Okказиональные композиты в номинативном поле художественного концепта FRAU, его структура

В процессе анализа эмпирического материала в общей сложности мы выделяем 44okkaзиональных композита, репрезентирующих концепт FRAU.

К сложнымokkaзиональным номинациям, репрезентирующим концепт FRAU, относятся различные авторские композитообразования с конституентами, представленными в виде лексических единиц, вербализирующих лицо женского пола. Прежде всего, к ним относятся родовое слово

Frau, которое в окказиональных детерминативных композитах выступает то, как определяющее, то, как основное слово (*frauenkörper*, *Gemüsefrau*, *Standardfrau*, *Frauenart*, *Frauenmaterie*, *Frauenfleisch*, *Einfrauen-Liga*) и различные видовые формы, представленные лексемами, эксплицирующими:

– родственные отношения (*unternehmermutter*, *mütterberuf*, *ebenfallsmutta*, *Tochterwillen*, *Tochter/Nichte*, *Mutterwillen*, *Mutterwort*, *Mutterherz*, *Gegenmutter*, *Mutterboden*, *Muttertier*, *Mutteraufgabe*, *mütterberuf*, *Giftmutter*, *Omama*, *Mutterfregatte*, *Mutterkuchen*, *fernfahrersfrau*, *fernfahrersfrau*, *kleinhäuslersfrau*, *SS – Offiziergattin*, *Künstlersgattin*),

– социальные отношения (*Modeschülerin*, *Hausmusikkollegin*, *hausfrauenreich*, *hausfrauengrenze*, *hausfrauentrick*, *hausfrauengespräch*).

Ряд номинаций, относящиеся к концепту FRAU, представляют собой индивидуально-авторские окказиональные номинации с суффиксом –in, указывающих на фемининность, отнесенность произведенных номинаций к женскому роду: *Pantoffelheldin*, *Kammermusikgastgeberin*, *Bettnachbarin*, *Hobbyschneiderin*, *Ausstellungsbesucherin*, *Dirndträgerin*, *Kostümträgerin*, *Kostümbesitzerin*, *Urlaubskollegin*

В отдельных случаях, для того чтобы актуализировать дифференциальные признаки концепта FRAU, репрезентируемого окказиональными композитами, мы обращаемся также к некоторым индивидуально-авторским словосложениям, репрезентирующим коррелирующие с данным концептом, гендерно-маркированные концепты (KIND, MANN).

В рамках нашего исследования, обращаясь к проблеме выделения структуры концепта, мы опираемся, главным образом, на тезис В. И. Карасика о том, что концепт является образованием трехмерным, включающим предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие [Карасик 2002:151].

Понятийный компонент представлен когнитивными признаками, сформированными на основе определенных рациональных, энциклопедических знаний по отношению к исследуемому объекту. *Интерпретационный компонент* включает многочисленные когнитивные признаки, характери-

зующие оценки как общественно-закрепеленные, акцентируемые писательницами, так и индивидуально-авторские самобытные суждения о женщине. *Образный компонент* в составе концепта репрезентируется сложными окказиональными номинациями, способствующими формированию когнитивных образов, которые обнаруживают самые разнообразные метафорические механизмы, способствующие наиболее наглядному восприятию описываемого объекта.

Расположение данных составляющих для исследуемого нами концепта мы, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стернинным, предлагаем описать в терминах ядра и периферии [Попова, Стернин 2007:210-211]. Выявление ядерного признака концепта осуществляется на основе анализа семантического содержания ключевого слова. В нашем случае именем концепта, выражающим весь объем его содержания, является гипероним FRAU. Словарное толкование ключевого слова позволяет установить содержательный минимум, частичную концептуализацию концепта, получающую конкретную тематизацию и прагматизацию в художественном тексте. Анализ словарных значений слова Frau, представленных в пяти лексикографических источниках [Agricola 1970, Brockhaus 1984, DUW 1996, Langenscheidts 1998, Wikipedia 2004] позволяет нам выделить следующие универсальные ядерные признаки в структуре концепта: 1) «человек»/«лицо», 2) «отнесенность к женскому полу». Элементы понятийной и образной составляющей относятся к ближней периферии и равноудалены от ядра. Посредством окказионального словотворчества Э. Елинек воссоздает образы женщины-матери, женщины-супруги, женщины-домохозяйки. Кроме того, концепт FRAU имеет объемную интерпретационную составляющую, выражающий оценочный компонент содержания концепта, представляющий его периферию.

Необходимо также отметить, что в силу концептуальной многомерности, взаимодействия с контекстом, в одном окказиональном словосложении часто эксплицируются разнообразные смысловые приращения, которые можно отнести к различным категориальным признакам в структуре кон-

цепта. Поэтому, обращаясь к нашему эмпирическому материалу, для удобства осуществления дальнейшего анализа, мы предлагаем выделять макро-структурные и микроструктурные концептуальные элементы. Наиболее мелкой единицей содержания концепта в нашей работе выступает концептуальный признак, соответствующий дифференциальной семе. Следующим уровнем структуры является концептуальный сегмент, представляющий объединение концептуальных признаков по тематическому принципу и соответствующий интегральной семе. Дифференциальные сегменты, в свою очередь, объединяются в концептуальные аспекты, репрезентирующие макроструктуру исследуемого концепта. Анализируя окказиональные композиты, вербализирующие концепт FRAU, мы выделяем следующие концептуальные аспекты:

- 1) «женский пол»
- 2) «семейные отношения»
- 3) «социальная роль»

Далее обратимся более **подробно к каждому из вышеперечисленных** аспектов.

5.2.1. Концептуальный аспект «ЖЕНСКИЙ ПОЛ»

К окказиональным композитам, вербализирующим данный признак, мы относим номинации, актуализирующие выделение признака дихотомичности общества, согласно которому женский пол противопоставляется мужскому.

Так, например, одним из признаков, позволяющих идентифицировать и дифференцировать людей по половой принадлежности, являются физические параметры, связанные с особенностями строения мужского и женского тела, поэтому в произведениях Э. Елинек можно встретить такие потенциальные композиты, как *Frauenkörper* и *Männerkörper*, представляющие описываемые понятия на основе метонимического переноса.

uberall um erich herum und beinahe in erich hinein stehen mauern aus frauenkorpern [Jelinek 2004 87]

Окказиональный композит *frauenkorper* используется в качестве метонимической перифразы по отношению к гиперониму Frauen, номинирующему лица женского пола, таким образом, в контексте *korper* выступает как главный демаркационный признак, позволяющий идентифицировать лицо женского пола. Необходимо также отметить, что в контексте композит приобретает некоторые пейоративные коннотации, в данном случае *frauenkorper* подчеркивает «телесность» женщины, обесценивая, не принимая во внимание такие признаки человека, как «разум» и «духовность».

В следующем контексте композит *Frauenkorper* актуализирует признак «привлекательное для мужчин», «объект удовлетворения сексуальных потребностей».

das aus einem Becken gehobene Freie eines Frauenkorpers lockt, dieser Ausweg damit die Ferne gewarnt bleibe [Jelinek 2004 69]

Женское тело в произведениях Э. Елинек противопоставляется мужскому, при этом мужское тело *Mannerkorper* выступает как «нечто, способное причинять женщине страдания».

Gudrun durchkreuzt diesen Tod, in dem sie auf den Pfahl zugeht der diesen Mannerkorper endgultig festnagelt [Jelinek 2004 70]

Еще более отрицательные утилитарные смысловые оттенки, характеризующие женщину как «объект, находящийся в распоряжении у мужчины», содержат в себе такие окказиональные номинации как *Frauenfleisch* (женская плоть) и *Fraenmaterie* (женская материя).

und der Kopf des jungen Mannes ist auch wieder aufgetaucht sieh an versetzt die braungebrannte Hand das Frauenfleisch spaßeshalber in Schwingungen und knuppelt es ein wenig, so etwas knuppeldick kommt jetzt fürs Fleisch [Jelinek 2004 120]

Die Frauenmaterie, die das Wageninnere ausfüllt, hat sich zu einem rechthaarigen Element entwickelt, das den Wagen mittlerweile schon ganz zu gesponnen hat. Ein Knäuel von irregeleiteten Zellen und ein paar weitere unschöne Züge, die an der Frau zu entdecken sind, und die beladen mit den Feuer dieses Mannes, eilig nach Liliput davonfahren, die machen noch nicht, das der Mensch eine Besonderheit in der Natur ist [Jelinek 2004:275].

Следует также отметить, что во втором примере посредством контекста в композите *Frauenmaterie* кроме признака «женщина – это объект», «высвечиваются» также такие признаки как «несовершенство» и «ущербность» (...*von irregeleiteten Zellen und ein paar weitere unschöne Züge*).

Признак несовершенства женщины в сравнении с мужчинами актуализируется посредством окказионального образования *Nicht-Weibliche*, в котором одна из производящих основ, образована от прилагательного *weiblich* – женский, женственный:

Eine Fünfheit zeugungsunwilliger Nicht-Weiblicher steht davor, eine Partie älterer Männer, die keinen Anschluß suchen, weil sie selber jeder eine tolle Nummer sind, die gewiß noch recht oft angewählt werden wird [Jelinek 2004:313].

В данном случае подчеркивается нежелание мужчин, каким бы то ни было образом, относится к женскому полу, так как мужчины позиционируют себя как самодостаточные личности, совершенства.

Интересные концептуальные признаки актуализируются в индивидуально-авторских композитообразованиях *Frauenart* и *Standardfrau*, то есть в прозе Э. Елинек функционируют окказиональные номинации, указывающие на существование в авторском сознании некоего понятия усредненного типизированного вида женщины, из этого следует, что женщина в художественном дискурсе автора предстает как член общества, характеризующийся наличием стереотипизированных признаков:

Sie hat sich ein Nesterl gebaut, wie es Frauenart ist [Jelinek 2004:148].

Vielleicht ist das keine Professionelle, sondern nur eine betrunkene Standardfrau, die abgeschleppt wurde [Jelinek 2004 143]

Женщины, выделяющиеся в отдельную социальную группу по половому признаку, согласно авторскому мировидению, образуют некое изолированное сообщество

Der Trick funktioniert nicht, der Wolf ist ziemlich ungeschickt, aber er kann diese Einfrauen-liga trotzdem aufmischen [Jelinek 2004 494]

Необходимо также отметить, что в данном примере помимо признака «обособленность», выделяется признак «женщина – жертва, добыча мужчины»

Итак, рассмотрев сложные окказиональные номинации, вербализующие концептуальный аспект «отнесенность к женскому полу», можно заключить, что данные окказиональные номинации репрезентируют

– *понятийный* компонент концепта («относится к женскому полу», «противопоставлена мужскому полу»),

– *образный* компонент, связанный с воссозданием многочисленных образов, реализующих представление о женщине как об объекте, неодушевленном предмете, а также индивидуально-авторские образы, связанные с представлениями о женском теле

– *ценностный/интерпретационный* компонент концепта, отражающий общественные стереотипизированные представления о женщине, а также индивидуально-авторские оценки «женщина подчиняется мужчине», «женщина хуже мужчины», «женщина – ущербна, несовершенна», «тело женщины предназначено для удовлетворения мужских сексуальных потребностей», «женщина – жертва мужчины», «мужчина причиняет женщине страдания», «все женщины одинаковы», «изолированность женщин»)

5.2.2. Концептуальный аспект «СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

К окказионализмам – композитам, репрезентирующим признак «семейные отношения», относятся сложные субстантивы, репрезентирующие положение женщины в семье В произведениях автора для женщины как

члена семьи подчеркивается определенная полифункциональность, то есть она может быть одновременно бабушкой и мамой (*Omama*), дочкой и племянницей (*Tochter/Nichte*) Женщина является женой, при этом посредством поссессивных детерминативных композитов обязательно актуализируется, чьей женой она является (род деятельности, социальное положение, профессия мужа) *fernfahrersfrau* (жена водителя-дальнобойщика), *kleinhauslersfrau* (жена крестьянина) , *SS – Offiziergattin* (супруга офицера-эсэсовца) , *Kunstlersgattin* (супруга художника) То есть прослеживается второстепенное статусное положение жены по сравнению с мужем

Исполняя роль жены, женщина делит брачное ложе со своим мужем В произведениях Э Елинек данная обязанность женщины как жены неоднократно подчеркивается посредством функционирования в художественном дискурсе автора такого окказионального, композитообразования, как *Bettnachbarin* («постельная соседка» – перевод А В Белобратова), выступающего в роли перифразы по отношению к номинации *Ehefrau*

Der alte Mann im Bett dem die Zeitungen auch heute seine Meinungen nicht drucken lassen wollten schrickt jah hoch Er greift sich ans Herz was ist mit seiner Bettnachbarin, dieser liebenden Person die er aber gern ein wenig weniger lebendig hatte? Seine Frau ist auf einmal ganz zusammengesunken [Jelinek 2004 356]

Der Direktor klammert sich an seine Bettnachbarin Will er sie abschaffen, die so lang neben ihm erledigt worden ist? [Jelinek 2004 147]

Вышеприведенные примеры показывают неуважительное, пренебрежительное отношение мужа к жене

Одним из наиболее важных биологических предназначений женщины является продолжение жизни на земле В произведениях Э Елинек данный когнитивный признак концепта, акцентирующий репродуктивную функцию женщины, представлен наиболее широко и находит свое отражение в идентификации женщины – матери Необычные авторские композитообразования служат формированию образа матери-первоисточника жизни Прежде

всего, в качестве примеров можно привести ремогивированные композитообразования, *Mutterboden* и *Mutterkuchen*, рассмотренные нами ранее

Производя на свет ребенка, женщина приобретает нечто сокровенное, неповторимое, сотворенное из ее собственной плоти и крови, на что не позволено посягать никому другому

Diese Frau ist für andere Leute, auch solche die sie gut gekannt haben, nicht mehr zu erkennen, für ein Mutterherz, das jeder mit seinem Schlag zertrummert, der sich ihm nähert, aber immer! [Jelinek 2004 253]

Став матерью, женщина, лишённая значимости в обществе, приобретает особое уважение и непоколебимый авторитет у своих детей

Und für Karin ist das Mutterwort Gesetz, da mag sie noch so oft wohltuende Laute zur Besanftigung der Mutter hervorholen, in der Hoffnung wie eine Puppe gewiegt zu werden [Jelinek 2004 214]

Erikas Wille wird das Lamm sein das sich an den Lowen des Mutterwillens schmiegt [Jelinek 2004 203].

Dieses Tochterwesen hat sich in einem Ruckbezug auf die Mutter halt für eine Weile nicht gezeigt und sonst gar nichts Still hat es sich gestellt, das Wesen denn seine Mutter kann manchmal keinen Laut vertragen [Jelinek 2004 476]

Таким образом, выступая в роли матери, женщина приобретает власть, способствующую проявлению ее агрессивной и деспотичной натуры „Die einzige gesellschaftlich sanktionierte Form weiblicher Machtausübung ist die Übernahme der Mutterrolle Sobald aber das Werk einer Frau aggressiv und anklagend wird, wie meines, wird man zur Megare, zur Unperson, gegen die man Auslöschungsphantasie hegt [Jelinek цит по Zenke 1991 187] Как подтверждение данного высказывания, принадлежащего самому автору, можно отметить наличие в ее произведениях окказиональных композитообразований, созданных автором для обозначения матери, характеризующихся негативными, пейоративными коннотациями

Die beiden Giftmütter belauschen ihr Opfer, das sie schon fast ganz ausgesogen haben, diese Kreuzspinnen [Jelinek 2004:40].

die paula kommt lieb zu ihrer ebenfallsmutta getippelt, steckt das unfrisierete köpfchen unter deren arm... [Jelinek 2004:96].

При помощи экспрессивных окказиональных композитов-сравнений автор воссоздает образ властвующей матери-тирана:

Neben der Mutterfregatte hockt deren winziges Rettungsboot von einem Anfängersohn... [Jelinek 2004:66].

Erika fällt nicht gern auf. Sie hält sich vornehm zurück und wartet, dass andere etwas für sie erreichen, klagt das verletzte Muttertier [Jelinek 2004:29].

Проанализировав окказиональные композиты, репрезентирующие концептуальный аспект «семейная роль» можно выделить следующие концептуальные компоненты:

- *понятийный* (женщина может быть матерью, дочерью, племянницей, женой);
- *образный* (когнитивные метафоры, используемые для создания образов женщины-матери, женщины-супруги).
- *интерпретационный* («полифункциональность в семье», «второстепенность», «незначительность», «женщина мать – агрессивная, деспотичная», «мать причиняет страдания своему ребенку»)

5.2.3. Концептуальный аспект «СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ»

В рамках концептуального аспекта «социальная роль», репрезентируемого окказиональными композитами, актуализируются дифференциальные признаки, связанные с определенным родом деятельности женщины в социуме, с исполнением тех или иных общественно-значимых функций и обязанностей.

Одной из важнейших функций женщины в обществе является *репродуктивная* функция. Быть матерью – наиглавнейшее предназначение жен-

щины в обществе, рассматриваемое с позиций общественности как значимая в рамках социальной жизни профессия

gleichzeitig lasst susi einfließen, daß sie noch zu jung für kinder ist, daß aber der eine, einzige bestimmte ihr diese flausen schon austreiben und sie trotz ihrer jugend einmal zum mutterberuf auswahlen wird [Jelinek 2004 125]

Материнство обуславливает также выполнение женщиной определенных общественно-значимых задач

Die Mutter anderseits versucht ihren Kindern Menschlichkeit beizubringen, das ist Mutteraufgabe [Jelinek 2004 33]

Одной из форм типичной деятельности женщины является также ведение домашнего хозяйства. Решение бытовых проблем – вот та стихия, в которой женщина может себя как-то проявить. В произведениях Э. Елинек женщина-домохозяйка, обладает определенными навыками и умениями.

Die Mutter wird aus beleidigtem Stolz, kommt Erika schließlich doch bewirken das aufgrund eines Hausfrauentricks die Frankfurter aufplatzen und das Wasser bos in sie einsickert, damit sie extra nach garnichts mehr schmecken [Jelinek 2004 130]

У женщин-домохозяек есть свои особые интересы, свои темы для разговоров.

Angestellte verriegeln die Tore eines Supermarkts, davor die letzen sanft pulsierenden Motore von Hausfrauengesprache [Jelinek 2004 49]

В произведениях писательницы женщина-домохозяйка, является частью обособленного микромира внутри общества, то есть семейный очаг, хранительницей которого она является, представляется в произведениях автора как нечто, имеющее свои границы, которые женщина оберегает от постороннего вмешательства.

überall auf den turschwellen sitzen angestorbene frauen wie zerquetsche eintagsfliegen, sitzen da wie mit dem flussigen asphalt angeklebt und überblicken pausenlos ihre eigenen kleinen hausfrauenreiche [Jelinek 2004 143]

ständig überschaut die mutta ihr reich, von einer hausfrauengrenze zu nachsten [Jelinek 2004 143]

В то же самое время писательница понимает такую социальную проблему, как жертвенность женщины, растрачивающей себя в борьбе с бытовыми проблемами. Так, например, в рамках нашего исследования, таким интересным окказиональным композитом, апеллирующим к данной проблеме, является существительное *Pantoffelheldin* (подкаблучница), образованное от узуального идиоматизированного композита *Pantoffelheld* (*подкаблучник – муж, находящийся под бабломом у жены*):

Der Student bemerkt die Hausschuhe der Frau. Helfen ist sein Beruf. Diese Frau steht auf den Papiersohlen der Pantoffelheldinnen da, die stundenlang verzweifelt Nahrung in sich herumirren lassen, die von ihren Familien verschmäht wurde [Jelinek 2004:143].

В вышеприведенном контексте женщина-подкаблучница, во всем полагается прихотям членов своей семьи. Семейные приоритеты имеют для нее первостепенную важность.

Ряд окказиональных номинаций, характеризующих социальную роль женщины, представлен композитами, указывающими на определенный род деятельности, занятия, профессии женщин: *Hobbyschneiderin, Kammermusikgastgeberin, Urlaubskollegin, Ausstellungsbesucherin, Modeschülerin, Gemüsefrau (eine Frau, die Obst und Gemüse verkauft)*. Как видно из приведенных примеров, женщины в произведениях автора заняты в сфере потребительских услуг, они не занимаются каким-либо видом деятельности, связанным с интеллектуальной, духовной стороной общественной жизни.

В качестве примеров, характеризующих особенности деятельности, поведения женщины можно привести также такие окказионализмы, как *Dirndlträgerin (та, что носит женский национальный костюм), Kostümbesitzerin (обладательница костюма), Kostümträgerin (та, что носит костюм)*. Как видно из вышеперечисленных примеров, данные конструкции указывают на определенную отличительную черту описываемых в произведении женщин, при этом производный отглагольный компонент эксплицирует определенный вид деятельности (*tragen – носить одежду*). С одной сто-

роны данные композитообразования можно было бы рассматривать для экспликации признака «внешний вид», однако особенность словообразовательной модели эксплицирует не только признак «внешний вид», но и «род деятельности», указывающий на основное предназначение женщины – носить женскую одежду, что еще раз подчеркивает незначительность роли женщины в общественной жизни.

Таким образом, сложные окказиональные номинации, репрезентирующие аспект «социальная роль», актуализируют следующим образом компоненты художественного концепта FRAU:

– *понятийный* («репродуктивность женщины» «женщина может быть домохозяйкой», «женщина может работать»),

– *образный* компонент (образ женщины-домохозяйки, яркие наглядные образы, связанные с родом деятельности, профессиональной занятости женщины),

– *интерпретационный/оценочный* («быть матерью – первостепенная обязанность женщины», «быть матерью – предполагает выполнение общественно-значимых задач», «домохозяйки живут в своем особом изолированном мире», «женщина-домохозяйка – жертва, растрачивающая себя во имя семьи», «женщина не способна реализовать себя профессионально»).

5.3. Общенациональное и индивидуально-авторское в художественном концепте FRAU

Исследуя художественный концепт, репрезентируемый окказиональными композитами, особый интерес представляет анализ индивидуальных смысловых приращений автора в сравнении с общенациональными, запечатленными в языке представлениями.

Для проведения подобного анализа мы обращаемся к работе М.А. Шаманской, посвященной изучению языковой репрезентации концептов MANN и FRAU в немецком языке [Шаманская 2004]. Согласно проведен-

ному исследованию концепт FRAU в сознании носителей языка имеет следующую структуру:

Универсальные понятийные признаки рассматриваемого концепта «лицо» («Mensch»), «женский пол» («weiblich») образуют ядерную зону концепта. Элементы фактуальной и образной составляющих относятся к ближней периферии. Фактуальная составляющая концепта складывается из сегментов «Elternschaft», предполагающего ряд признаков, связанных с представлениями о женщине – матери, «Partnerschaft», отражающих аспект отношений женщин с мужчинами, «das Äußere», включающего характеристики, связанные с внешностью женщины и «Emanzipation», отражающего представления о независимой, самостоятельной женщине. Образный компонент, в свою очередь, содержит образы женщины-матери «Mutter», деловой, эмансипированной женщины «Powerfrau» и прекрасной даме «Dame». Интерпретационный компонент, образующий периферию концепта, содержит ряд положительных и негативных оценок по отношению к женщине. К положительным оценкам относятся такие, как красота «Schönheit», забота «Sorge», удовольствие «Genuss». К отрицательным – суждения о женщине как о капризной «launisch», болтливой «schwatzhaft», эмоционально неуравновешенной особе «emotional» [там же, 2004].

Обратимся к структуре исследованного нами индивидуально-авторского концепта FRAU:

Как и общенациональный концепт, ядро художественного концепта FRAU содержит признаки «лицо» («Mensch»), «женский пол» («weiblich»), отражающие наиболее значимые, универсальные характеристики исследуемого объекта. В фактуальном, понятийном компоненте концепта можно также выделить признаки «Elternschaft» и «Partnerschaft», характерные для языкового концепта. Однако признаки «das Äußere» и «Emanzipation» не отражены в авторской концептуальной системе. Описывая женщину, Э. Елик не обращается к ее внешним характеристикам, персонажи автора представляют собой языковые шаблоны, сложенные из стереотипизированных

представлений. В художественной картине мира Э. Елинек также отсутствуют представления об эмансипированной, самостоятельной и независимой женщине. Женщина согласно авторскому видению не способна реализовать себя в социальной жизни. Поэтому в образном компоненте художественного концепта нет наглядно-эмпирических представлений о деловой женщине, окказиональные номинации эксплицируют образы женщины – матери, супруги, домохозяйки. Контрастные расхождения выявляются и при сравнении интерпретационных компонентов. В отличие от национального концепта художественный концепт FRAU не содержит положительных оценок, в его структуре наиболее заметными выступают утилитарная зона (характеризуемая признаками относительно использования, предназначения определенного объекта) и ряд негативных оценок по отношению к женщине.

Таким образом, обращаясь к окказиональным сложным субстантивам как средствам репрезентации художественного концепта FRAU, мы убедились, что данные словообразовательные конструкции выполняют важную функцию экспликации авторских смысловых приращений. Конструирование художественного концепта, репрезентируемого продуктами словотворчества, позволило выявить самобытные, индивидуализированные представления писательницы, не отраженные в масштабах языковой картины мира, обусловленные гендерными позициями автора, что позволяет сделать вывод о продуктивности исследований окказиональных номинаций в рамках изучения концептуальной системы автора.

Библиография

1. Абаев, В.И. Понятие идиосемантики [Текст] / В.И. Абаев // **Языки и мышление**, XI. – М. – Л.: Изд-во АН СССР 1948. – С.18-28.
2. Авоян, Р.Г. Значение в языке: Философский анализ [Текст] / Р.Г. Авоян – М.: Высшая школа, 1985 – 103 с.
3. Адмони, В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке [Текст]/В.Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1973. – 174 с.
4. Азатьян, А.В. Структурно-семантические особенности образных сложных существительных в немецком языке [Текст]: авт. дис. канд. филол. наук / А.В. Азатьян. – Калинин, 1975 – 21 с.
5. Акарелян, И.Н. Субстантивные композиты метафорического характера в современном немецком языке. [Текст]: дис. канд. филол. наук/И.Н. Акарелян. – М., 1976. – 169 с.
6. Акашева, Т.В. Интертекстуальность как средство разрушения мифов в творчестве Эльфриды Елинек [Текст]/Т.В. Акашева//Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №10. Филология. Искусствоведение. Вып.30 – С. 6-9.
7. Акубекова, Д.Г. Индивидуальный словообразовательный стиль и словотворчество (На материале произведений немецких писателей) [Текст]: дис. канд. филол. наук/Д.Г. Акубекова. – Уфа, 2004. – 198 с.
8. Алефиренко, Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Восприятие, информация, интерпретации: Сб. докл. I международно-научной конференции. Рос. нового ун.-та, Москва, 2002: Пленар. заседание. – М., 2002. – С. 58 -69.
9. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
10. Алыбина, Н.А. Структурно-семантическая характеристика сложных абстрактных существительных субъектного типа [Текст]: дис. канд. филол. наук /Н.А. Алыбина. – Минск, 1981. – 179 с.

11. Антюфеева, Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм [Текст]: дис. канд. филол. наук/Ю.Н. Антюфеева – Тула, 2004. – 184 с.
12. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов-Алексеев//Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология М.: Наука, 1997. – С.18-42.
13. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. [Текст] / О.С. Ахманова// ВЯ, №31977. – С. 48-59.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
15. Бабенко, И.Г. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой: [Текст]: авт. дис. к.-та филол. Наук. – Томск, 2001 – 24 с.
16. Бабина, Л.В., Шепелева, Д.А. Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N+N [Текст] / Л.В. Бабина, Д.А. Шепелева //Вопросы когнитивной лингвистики №2, 2008. – С. 39-43.
17. Бакина, М. А. Словотворчество [Текст] /М.А. Бакина//Языковые процессы современной русской литературы. – М., 1977. – С.89.
18. Белобратов, А.В. Ельфрида Елинек: « Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек [Текст] / А.В. Белобратов//Иностран. литература.№7, 2005. – 233 с.
19. Белобратов, А.В. Послесловие переводчика [Текст]/А.В. Белобратов //Похоть: Роман/ Перевод с нем. А. Белобратова. – СПб.: «Симпозиум», 2006 – 320 с.
20. Бельчиков, Ю.А. Языковая личность в контексте духовной культуры России на рубеже 19-20-го веков[Текст] /Ю.А Бельчиков//Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.2003.№2. – С. 179-183.
21. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 1997. – 256 с.

22. Беспалова, Е. В. Статус стилистически – [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Беспалова. – Самара, 2002.- 171 с.
23. Богатырева, Н.А. Стилистика современного немецкого языка = *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache* /Н.А. Богатырева, Л.А.Ноздрина. – М.: АCADEMIA, 2005. – 336 с.
24. Большой немецко-русский словарь: В 3 т. [Текст] /Авт.-ост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева; Под общим руководством О.И. Москальской /8-е издание стереотипное. – М.: Рус.яз., 2002.
25. Большая советская энциклопедия [Текст] / т. 13. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
26. Будагов, Р.Я. Язык и речь в кругозоре человека [Текст]/Р.Я. Будагов. – М., 2000.
27. Бузулуский, А.И. Нобелевские симптомы [Текст] / А.И. Бузулуский//Звезда. – 2005.№3. – С. 208.
28. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа [Текст]/Й.Л. Вайсгербер. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993.
29. Васильева, М.М. Практическая грамматика немецкого языка: Учебное пособие [Текст]/М.М. Васильева. – М.: Гардарики, 2001. – 206 с.
30. Вашунин, В. С. Субстантивные сложные слова [Текст] /В.С. Вашунин. – М.: Высшая школа, 1990. – 158 с.
31. Виноградов, В.В. О художественной прозе [Текст]/В.В. Виноградов. – М.; Л.: 1930.
32. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст]/ В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 140с.
33. Винокур, Г.О. Маяковский – новатор языка [Текст]/Г.О. Винокур. – М., 1943. – 136 с.
34. Винокур, Г.О., Заметки по русскому словообразованию [Текст] /Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 415 с.
35. Витгенштейн, Л. Философские работы [Текст] /Л. Витгенштейн. Часть. – М.:»Гнозис», 1994 – С. 1-73.

36. Воротникова, А.Э. Новая притча о любви в романе Э. Елинек «Любовницы» [Текст]/А.Э. Воротникова//Вестник ВГУю Серия: Филология. Журналистикаю 2006 №2. – С. 56-61.
37. Воротникова, А.Э. Сложности перевода экспериментальной прозы (на материале романа Э. Елинек «Любовницы») [Текст]/ А.Э. Воротникова//Вестник ВГУ, СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ №1. – 2007 – С.140-148.
38. Гаджимурадова, Б.Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии: Словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика [Текст]/: дис. канд. филол. наук/Б.Н. Гаджимурадова – Махачкала, 2003 – 187 с.
39. Гатауллин, Р.Г. Влияние контекста на интерпретацию словообразовательных конструкций [Текст]/Р.Г. Гатауллин://Вестник Башкирского Университета, 2001, №3. – С. 45-51.
40. Гатауллин, Р.Г. Стилистические аспекты немецкого словообразования: На примере сложных и производных существительных и их соответствий в русском языке [Текст]: дис. на соиск. степени доктора филол. наук/ Р.Г. Гатауллин. – Галле, 1997. – 268 с.
41. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира [Текст]/Г.Д. Гачев: Космо-психологос. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура» – 1995. – 126 с.
42. Гильченко, Н.Л. Сложные существительные немецкого языка и их перевод на русский язык [Текст] дис...канд. филол.наук/ / Н.Л. Гильченко . – Ленинград, 1965.
43. Гильченко, Н. Л. Практикум по переводу с немецкого на русский [Текст]/Н.Л. Гильченко. – СПб.: КАРО, 2005. – 368 с.
44. Грицева, Е.В. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокутивного поля [Текст]: дис...канд. филол.наук/Е.В. Грицева. – Абакан, 2006 – 232 с.
45. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования [Текст]: дис. канд.фил.наук / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.

46. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст]/В. фон Гумбольдт. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984.
47. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика [Текст]/В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 783 с.
48. Дегтярь, И.Г. Некоторые особенности окказиональных слов [Текст] / И.Г. Дегтярь// Проблемы лексической и словообразовательной семантики. Межвузовский сборник научных трудов.- Пятигорск, 1984. – С. 17-22.
49. Дзенс, Н.И., Перевышина, И.Р., Кошкарлов, В.А. Теория перевода [Текст]: Учебное пособие/Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарлов. – СПб.: Антология, 2007. – 507 с.
50. Дударева, З.М., Елизарова, Г.С., Пяткова, Н.В., Сыров, И.А. Системно-структурный и антропоцентрический принципы современной лингвистики [Текст]/ З.М. Дударева, Г.С. Елизарова, Н.В. Пяткова, И.А. Сыров. – Уфа: «Гилем», 2005. – 208 с.
51. Егорова, О.В. Окказиональные сложные слова в радиопьесе Д. Томаса «Под сенью молочного леса» (структура, семантика, функционирование) [Текст]/О.В. Егорова. – Хабаровск, 2002. – 152 с.
52. Елисеева, В.В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте) [Текст]: дис...канд. филол. наук/В.В. Елисеева. – Ленинград, 1984. – 172 с.
53. Жеребкина, И. «Прочти мое желание...» Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм [Текст]/И. Жеребкина. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 256 с.
54. Заворотная, М.С. Проблема разграничения неологизма и окказионального слова [Текст]/М.С. Заворотная //Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – Благовещенск, 2003 Вып. 20. – С. 97-99.
55. Залесова-Докторова, Л. Эльфрида Елинек – совесть австрийской нации [Текст]/Л. Залесова-Докторова//Звезда. – 2005. – №3. – С.91.
56. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование [Текст]/Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

57. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст]/Е.А. Земская. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 224 с.
58. Зуев, А.Н., Молчанова, И.Д., Мурясов, Р.З., Руфьева, А.И., Степанова, М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка [Текст]/А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов, А.И. Руфьева, М.Д. Степанова. – М.: Рус. яз., 1979. – 526 с.
- 59.Иванова, Т.К. Наименования лица в современном русском и немецком словосложении: [Текст] / Т.К. Иванова.: Автореф. дис...канд.фил.наук: 10.02.20. – Казань, 2001. – 21с.
60. Ирисханова, О.К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) [Текст]/О.К. Ирисханова//С любовью к языку. Посвящается Е.С. кубряковой/Отв. редактор В.А. Виноградов. М.: Воронеж: Изд-во института языкознания РАН, 2002. – С. 339-340.
61. Исаева, Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления [Текст]/Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996. – 281 с.
- 62.Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. [Текст]/ В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. – С. 8-171.
- 63.Карасик, В.И. Языковые ключи [Текст]/В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма 2007.
- 64.Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов [Текст]. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
65. Каспранский, Р.Р. Понятие нормы и явление вариативности в теории реализации [Текст]/Р.Р. Каспранский//Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств: Горьковский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, 1976. – С.3-23.
66. Киреева, Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе: Учебный комплекс для студентов филологов [Текст]/Н.В. Киреева. – М.: Изд.-во: «Флинта», «Наука», 2004. – 216 с.
- 67.Кирилина, А.В. Гендер и язык [Текст] / А.В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.

68. Кирсанов, А.Л. Развитие сложного существительного с первым компонентом – основой прилагательным в немецком языке [Текст]: дис. канд. филол. наук/. – Ленинград, 1982. – 182 с.
69. Колпакова, Г.В. Экспрессивное значение немецких сложных существительных в системе языка и речи [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва, 1985.
70. Компанцева, Л.Ф. Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе //Наукові записки Луганського національного педагогічного університету №36 [Текст]/Л.Ф. Компанцева. – Луганськ, 2004. – С. 31-55.
- 71.Кравченко, А.В. Проблема метода в когнитивной науке//Вопросы когнитивной лингвистики. 2007.№4. – С.28-35.
72. Красных, В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: Курс лекцій [Текст]/В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
73. Кубрякова, Е.С Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции//Р. Беленчиков Новые пути изучения словообразования славянских языков. Второе заседание международной комиссии по славянскому словообразованию. Магдебург, 1999. – С. 23-26.
74. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования[Текст]/Е.С. Кубрякова//Изв. АН СССР Сер. лит. и яз. 2002а Т.61, №1. – С. 13-24
75. Кубрякова, Е.С. Композиционная семантика: цели и задачи [Текст]/Е.С. Кубрякова//Композиционная семантика: Материалы 3 межд-ой шк.-семинара по когнитивной лингвистике. 18-20 сентября 2002 т. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета им. Г.Р. Державина, 2002. Ч. 1 – С. 4-6.
- 76.Кубрякова, Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) [Текст]/Е.С. Кубрякова//Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. научн. трудов/Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд.-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 30-45.

77. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова [Текст]/ Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
78. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З, Панкрац, Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст]/ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина/Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
79. Кузнецов, А.М. О понятии «гендер» и гендерной лингвистике [Текст]/А.М. Кузнецов//Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. научных трудов/РАН ИНИОН /отв. ред.-р. Трошина Н.Н. . – М., 2008. – С. 175-195.
80. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка[Текст] /Н.А. Кузьмина: Екатеринбург – Омск, 1999. Научное издание. 278 с. / Н.Кузьмина – Екатеринбург : Изд-во УрГУ Омск. гос. ун-та, 1999.
81. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя [Текст]/Б.А. Ларин. – Л., 1974.
82. Латышев, Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания [Текст] /Л.К. Латышев. – М: Просвещение, 1988. – 192 с.
83. Левина, В.Н. Художественный текст как авторское отражение картины мира [Текст]/В.Н. Левина//Вестник ТГУ, выпуск№4, 2005. – С.113-117.
84. Лейкина, Б.М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи//Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. №2 Л., 1974. – С.98.
85. Леонтьев А.Н. Психология образа [Текст]/А.Н. Леонтьев//Вестник московского университета Серия №14. Психология 1979, №2. – С.3-13.
86. Лопатин, В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования [Текст]/В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973 – 152 с.
87. Лопатина, Т.Ю. Композициональная семантика конструкций N+N как результат интеграции ментальных пространств [Текст]/Т.Ю. Лопатина//Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Том 4, выпуск 2, 2006 – С. 170-176.

88. Лыков, А.Г. Русское окказиональное слово [Текст]: дис. на соиск. степени доктора фил. наук/А.Г. Лыков. – М., 1972. – С. 418.
89. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) [Текст]: Монография/А.Г. Лыков – М., 1976. – С. 119.
90. Лыков, А.Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? [Текст] / А.Г. Лыков // Русский язык в школе. 1972б. -№2. – С.85-89.
- 91.Макарова, Н.В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке [Текст]: дис...канд.фил.наук / Н.В. Макарова. – Москва, 2004. – 281 с.
92. Масленников, Д.Б. Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования [Текст]: дис. канд. филол. наук/А.Г. Лыков. – Уфа, 2000. – 282 с.
- 93.Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова [Текст]. – М.: Флинта. Наука , 2007. – 296 с.
- 94.Мыркин, В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст [Текст] / В.Я. Мыркин 1978//Филологические науки №1, 1978. – С.95-103.
95. Намитокова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект [Текст]/Р.Ю. Наимтокова. – Ростов Н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. –160 с.
96. Норманн, Б.Ю. Грамматика говорящего [Текст] / Б.Ю. Норманн. – СПб.: издательство С. ПБ. университета, 1994. – С.58-66.
97. Оганесян, А.Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова (словообразовательно-стилистический аспект) [Текст]: авт. дис. канд. филол наук /А.Г. Оганесян. – Москва, 1989. – 22 с.
- 98.Огородникова, Е.С. Потенциальное слово (к вопросу о целесообразности термина)//Университетские чтения – 2005. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть III. – Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – С. 195–198.
99. Ольшанский, И.Г., Гусева, А.Е. Lexikologie. Die deutsche Gegenwartssprache / Лексикология. Современный немецкий язык. [Текст]: Учебник для вузов/ И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М.: Академия, 2005 – 415 с.

100. Опарина, О.Е. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме[Текст]/ О.Е. Опарина//Социолингвистика вчера и сегодня. – М., 2008. – С. 156-175.
101. Павлов, В.Н. Субстантивное словосложение в немецком языке [Текст]: Дис. ...докт. филол. наук/В.Н. Павлов. – Ленинград, 1973. – 428 с.
102. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний[Текст]/Ю.Г. Панкрац//Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1992а. – С. 78-97.
103. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголовсовременного английского языка) [Текст]/Ю.Г. Панкрац: Дис. доктора филол. наук. М., 1992б – 333 с.
104. Патрушев, П.В. Семантический потенциал композитов с инфинитивным субстантиватом в немецком языке [Текст]: дис. канд. филол. наук/П.В. Патрушев. – СПб., 2001. – 179 с.
105. Петрова, Л.А. «Поэтика девиаций» в концептосфере художественного текста[Текст]/Л.А. Петрова//Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. № 631. Серия «Филология». Вып.41. Харьков: Изд-во Харьковского нац. университета, 2004. –С. 179-182.
106. Позднякова, Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка) [Текст]/Е.М. Позднякова: Дис. доктора филол. наук, М., 1999. – 318 с.
107. Полухина, Я.П. Словотворчество Василия Каменского [Текст]: дис. канд. филол. наук/Я.П. Полухина. – Тюмень, 2002. – 208 с.
108. Попова, З.Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов [Текст]/З.Д. Попова//Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В.А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001.
109. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика/ З.Д. Попова, И.А. Стернин [Текст]. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

110. Потапова, С.Ю. Коллоквиальные субстантивные композиты с именем собственным в современном немецком языке [Текст]: дис. канд. филол. наук/С.Ю. Потапова. – М., 1989. –189 с.
111. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы [Текст]/ Б. Рассел/ [Пер. с англ. Н.В. Воробьева]. – М.: ТЕРРА Кн. клуб: Республика, 2000. – 388 с.
112. Ревзина, О.Г. О понятии коннотации [Текст]/ О.Г. Ревзина// Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436—446.
113. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь лингвистических терминов [Текст] /Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Арстель, 2001. – 624 с.
114. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. М.: «Аграф», 1997. – С. 221-225.
115. Русский язык Энциклопедия [Текст] /Гл ред Ф П Филин – М · Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
116. Санникова, Н.Ю. Словообразование Евгения Евтушенко: на материале имен существительных [Текст]: дис. канд. филол. наук/Н. Ю. Санникова. – М., 2005 – 227 с.
117. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература [Текст] / И.С. Скоропанова. – М.: Изд.-во: «Флинта», «Наука», 1999. – 608 с.
118. Словарь гендерных терминов. [электронный ресурс] / под редакцией к.ф.н А.А. Денисовой. – <http://www.om1.ru/gender> 12/02/2004.
119. Сокальская, А.Н. Словообразование как компонент научного идиостиля Д.Г. Гачева [Текст]: дис. канд. филол. наук/А.Н. Сокальская. – Майкоп, 2007. – 213 с.
120. Степанова, М.Д. Словообразование в современном немецком языке [Текст] дис. докт. филол. наук /М.Д. Степанова. – Ленинград, 1959. – 423 с.

121. Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка [Текст]/М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Академия, 2005 – 256 с.
122. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка / Степанова М.Д. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1953. – 375 с
123. Степанова, М.Д., Фляйшер, В. Теоретические основы словообразования в немецком языке [Текст] /М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 263 с.
124. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст]/И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 179 с.
125. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст]/ В.Н. Телия//Роль человеческого фактора в языке: Сб. науч.ст. – М., 1988. – С. 173-204.
126. Телия, В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и прагматике. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц[Текст]/ В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. Москва, Наука, 1991. – С. 36-66.
- 127.** Улуханов, И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы [Текст] /И.С. Улуханов// ВЯ 1984. № 1. С.44-54.
128. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Фелоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 285 с.
129. Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография [Текст]/ Н.И. Фельдман//В. Я. 1957№4. – С. 64-73.
130. Ханпира, Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании [Текст]/Э. Ханпира //Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С.153-167.
- 131.** Хромова, С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту: на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина [Текст]: дис. канд. филол. наук/С.А. Хромова. – Саратов, 2007.–208 с.

132. Худяков, А.А. Концепт и значение [Текст]/А.А. Худяков//Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч.тр./ВГПУ, ПМПУ. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С.97-103.
133. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира [Текст]/Т.В. Цивьян. – М., 1990.
134. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры/ [Текст] А.П. Чудинов//Вопросы когнитивной лингвистики. 2004.№1. – С.91-105.
135. Чудинов, А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе / [Текст] А.П. Чудинов//Вопросы когнитивной лингвистики. 2005№2. – С.41-50.
136. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале [Текст]/А.П. Чудинов: Когнитивное исследование политической метафоры: Екатеринбург:Урал госюпед. ун-т., 2001. – 238 с.
137. Шавкун, Н.С. Атрибутивный композит или атрибутивное словосочетание как альтернативные средства номинации в современном немецком языке [Текст]: дис. канд. филол. наук/Н.С. Шавкун. – Пятигорск. – 2001. – с. 246.
138. Шаманская, М.А. Языковая репрезентация концептов MANN и FRAU 2004[Текст]: дис. ... канд. филол. наук /М.А. Шаманская. – Иркутск, 2006. – 172 с.
139. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию [Текст]/ Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1968 – 335 с.
140. Шанский, Н.М. Лексическая деривация в русском языке [Текст] /Н.М. Шанский//Русский язык в школе. 1977.№3. – С.11.
141. Шепелева, Д.А. Когнитивные основания формирования семантики сложных слов «существительное+существительное» [Текст]/Д.А. Шепелева//Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. научн. трудов/Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд.-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 193 – 203.

- 142 Шишкина, О Ю Художественный концепт «Поэт» в идиостиле М И Цветаевой и его лингвистическая репрезентация (на материале поэзии)[Текст] дис канд филол наук/О Ю Шишкина – Череповец, 2003
- 143 Шпет, Г Г Внутренняя форма слова Этюды и вариации на темы Гумбольдта [Текст]/Г Г Шпет – М КомКнига, 2006 – 216 с
- 144 Янко-Триницкая, Н А Междусловное наложение [Текст]/ Н А Янко-Триницкая//Развитие современного русского языка – М, 1975 – С 256-260
- 145 Ярина, Е С Мы есть то, чем мы владеем мотив овеществления и идентичности собственника в романах Э Елинек «Любовницы», «Пианистка» [Текст]/ Ярина Е С // Вестник Челябинского государственного университета – Челябинск, 2008 № 36 – С 166-171
- 146 Ярцева, В Н Большой энциклопедический словарь Языкознание [Текст] / В Н Ярцева, 1998 – 685 с
- 147 Agrikola – Wörter und Wendungen Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch [Текст] / herausgegeben von E Agrikola unter Mitwirkung von H Gortler und R Kufner – Leipzig VEB Bibliografischer Institut, 1970- 791S
- 148 Altmann H, Kemmerling S Wortbildung fürs Examen [Text] /Altmann H, Kemmerling S – Gottingen Vandenhock@Ruprecht GmbH@CoKG, 2005 – 203 S
- 149 Anderson, E Feminist Epistemology and Philosophy of Science E N Zalta ed // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2004 <http://plato.stanford.edu/archives/sum2004/entries/feminism-epistemology>
- 150 Behagel, O Deutsche Syntax [Text]/O Behagel / – Bd I Wortklassen und Wortformen – Heidelberg Winter, 1923 – 113S
- 151 Beth, H Elfriede Jelinek[Text]//H Beth//Neue Literatur der Frauen Deutschsprachige Autorinnen in Gegenwart hrsg von H Puknus – München Beck, 1980 – S 137

- 152 Beth, H Elfriede Jelinek[Text]//H Beth//Neue Literatur der Frauen Deutschsprachige Autorinnen in Gegenwart hrsg von H Puknus – München Beck, 1980 – S 137
- 153 Bormann, A Dialektik ohne Trost Zur Stilform im Roman “die Liebhaberinnen“ [Text]/A Bormann//Gegen den schönen Schein Texte zu Elfriede Jelinek hrsg von Gurtler Ch – Frankfurt a M Verlag Neue Kritik, 1995 – S 65
- 154 Brinkmann, H Die Zusammensetzung im Deutschen[Text]/ H Brinkmann /Sprachforum – Köln/Graz Bohlau-Verlag – 1956
- 155 Christofidou, A Okkasionalismen in poetischen Texten – Tübingen Narr Francke Attempto, 1994 – 157 S
- 156 Das Wörterbuch der Gegenwartssprache [Electronic recourse] Berlin Akademie der Wissenschaft der DDR, 1967-1977/ [http //www dwds de/pages/pages_woebu/dwds_rech htm de](http://www.dwds.de/pages/pages_woebu/dwds_rech.htm)
- 157 Donalies, E Die Wortbildung des deutschen Ein Überblick[Text] / E Donalies Narr Francke Attempto, 2005 – 207 S
- 158 Duden Deutsches Universalwörterbuch [Текст] / hrsg und bearb vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion Mannheim Dudenverl, 1996 – 1816 S
- 159 Erben, J Einführung in die deutsche Wortbildungslehre [Text] /J Erben – Berlin, 1983 – 206 S
- 160 Fauconnier, G Blending as a central process of Grammar [Text]/G Fauconnier //In conceptual Structure, Discourse and Language California, 1996 P 113-131
- 161 Fauconnier, G , Turner, M [Text]/G Fauconnier, M Turner / Principles of conceptual Integration//Discourse and Cognition Bridging the Gap California, 1998 P 269-287
- 162 Fischer, M Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen „die Liebhaberinnen“ und „Klavierspielerin“ [Text]//Fischer M J Rohring Verlag, 1991 – S 354

- 163 Fleischer, W Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text]/W Fleischer – Leipzig VEB Bibliographisches Institut, 1971 – 326 S
- 164 Fleischer, W , Barz, I Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache – Tübingen Niemeyer Max Verlag GmbH, 1995 – 382 S
- 165 Henzen, W Deutsche Wortbildung [Text] / W Henzen – Tübingen Max Niemeyer Verlag, 1957 – 306 S
- 166 Hoffmann, Y «Hier lacht sich die Sprache selbst aus» Sprachsatire – Sprachspiele bei Elfriede Jelinek [Text]/ Y Hoffmann // Elfriede Jelinek/ herausgegeben von Kurt Bartsch, Gunter A Hofler der Universität Graz, Literaturverlag Drosche, 1991, Band – S 187– 189
- 167.** Grimm, J Deutsche Grammatik /[Text] / Zweiter Teil – drittes buch Von der Wortbildung – Berlin 1878 – 1022 S
- 168 Janz, M Elfriede Jelinek [Text]/M Janz – Stuttgart Metzler, 1995 – S 182
- 169 Kluasentzer, H Noch (k)ein Heimatroman Die Liebhaberinnen zwei Gegenstände namens Paula und Brigitte [Text]/ H Kluasentzer // Elfriede Jelinek/ herausgegeben von Kurt Bartsch, Gunter A Hofler der Universität Graz, Literaturverlag Drosche, 1991, Band – S 189-201
- 170 Lakoff, G , Jonson, M Metaphores we live by [Text] /G Lakoff, M Jonson – London, Chicago University of Chicago Press, 1980 -269 p
- 171 Lakoff, R Language and women's place [Text]/ R Lakoff//Lang in soc – L , 1973 – N2 – P 28-36
- 172 Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen [Text] / – Berlin Langenscheidts KG , 1998 – 1216 S
- 173 Lohde, M Wortbildung des modernen deutschen Ein Lehr- und Übungsbuch [Text] / M Lohde – Tübingen Narr Franke Attempto Verlag GmbH@Co Kg, 2006 – 350 S
- 174 Lucke, B Elfriede Jelinek eine Einführung in das Werk [Text]/B Lucke – Stuttgart Wilhelm Fink Verlag GmbH@Co , 2008 – 169 S

- 175 Motsch, W Deutsche Wortbildung in Grundzügen [Text] / W Motsch – Berlin, New York de Gruyter , 1999 – 451 S
- 176 Naumann, B Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen [Text] / B Naumann – Tübingen Max Niemeyer Verlag, 2000 – 90 S
- 177 Ortner, L , Muller-Bollhagen, E Deutsche Wortbildung 4 Hauptteil Substantivkomposita[Text]/L Ortner , E Muller-Bollhagen/ – Berlin de Gruyter, 1991 – S 156
- 178 Ortner, H, Ortner L Zur Theorie und Praxis der Kompositafor- schung//Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache [Text]/ H Ortner, L Ortner – Mannheim – Tübingen Gunter Narr, 1984 -55 S
- 179** Paul H. Deutsche Grammatik/ Bd V Teil IV Wortbildungslehre [Text] / H Paul – Halle Niemeyer Verlag, 1957
- 180** Pavlov V M Die substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem [Text] / V Pavlov – München Max Hueber Verlag, 1972
- 181 Riesel, E , Schendels, E Deutsche Stilistik [Text]/ E Riesel, E Schendels E – M Высшая школа, 1975 – 300 с
- 182 Schestag, U Sprachspiel als Lebensform Strukturuntersuchungen zur erzählenden Prosa Elfriede Jelineks[Text]/U Schestag – Bielefeld Aisthesis-Verlag, 1997 – 247 S
- 183 Schippan, Th Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text]/Th Schippan – Tübingen Niemeyer, 1992
- 184 Schmidt, W Deutsche Sprachkunde Ein Handbuch für Lehrer und Studierende mit einer Einführung in die Probleme des sprachkundlichen Unterrichts [Text]/W Schmidt – Berlin Volk und Wissen, 1968
- 185.** Spielmann, Y Ein unerhörtes Sprachlabor Feministische Aspekte im Werk von Elfriede Jelinek [Text]/Y Spielmann/hrsg von K Bartsch und G A Hofler Literaturverlag Droschl, 1991 – S 21-40

186. Vis V. Darstellung und Manifestation von Weiblichkeit in der Prosa E- Jelineks[Text]/V. Vis. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Neu-York; Paris; Wien: Lang, 1998. – 454S.
187. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik//L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1962.
188. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie [Electronic recourse]: [Http://de.wikipedia.org/wiki1.htm](http://de.wikipedia.org/wiki1.htm). de
189. Willmanns, W. Deutsche Grammatik: Gotisch, Alt, Mittel-und Hochdeutsch[Text]/ Willmanns: Strassburg Verlag von Karl J. Trübner- 1906. – 305 S.
190. Zenke, Th. Ein Langstreckenlauf in die Heimat. zu die Liebhaberinnen (1975) [Text]/ Th. Zenke// Elfriede Jelinek/ herausgegeben von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler der Universität Graz,: Literaturverlag Drosche, 1991, Band. – S. 187– 189.

Список источников примеров

1. Jelinek, E. Die Ausgesperretn [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004 – 264 S.
2. Jelinek, E. die Kinder der Toten [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004 – 666 S.
3. Jelinek, E. Die Klavierspielerin [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. – 284 S.
4. Jelinek, E. Die Liebhaberinnen [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. – 157 S.
5. Jelinek, E. Lust [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004 – 325 S.
6. Jelinek, E. Wir sind Lockvögel, baby! [Text]/ E. Jelinek. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. – 256 S.

Научное издание

**Перевышина Ирина Рашидовна
Остапова Людмила Евгеньевна**

**СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ
ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-НОБЕЛИАТА ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК**

*Компьютерная верстка Н А Гапоненко
Дизайн обложки Д С Школенко*

Подписано в печать 08 06 2012 Гарнитура Times New Roman
Формат 60×84/16 Усл п л 9,30 Тираж 100 экз Заказ 166
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015, г Белгород, ул Победы, 85